

8^е СМЕНА

апрель '88

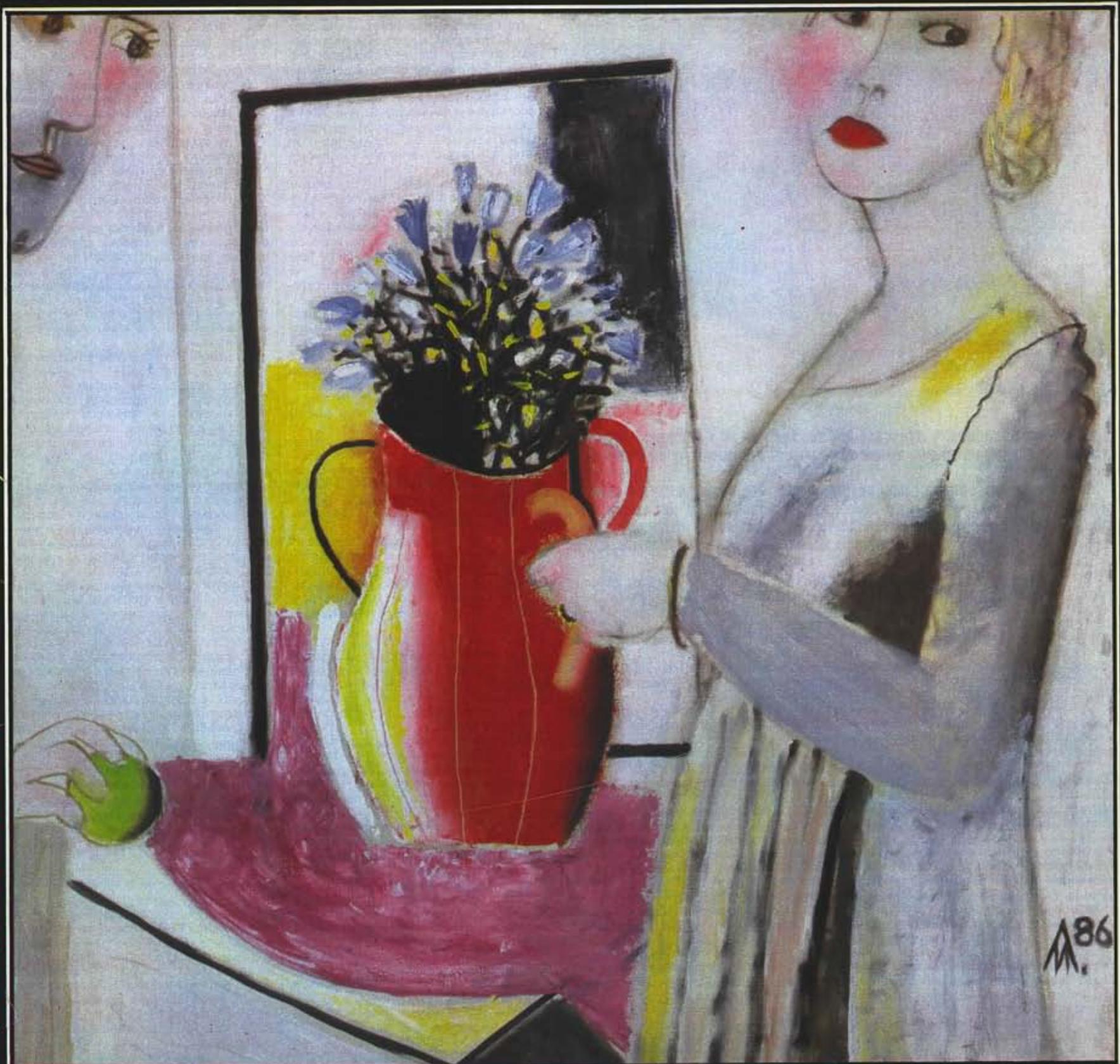
Твой сверстник Володя Ульянов

Из почты главного редактора

Трудно ли раскрыть преступление?

Генерал Каманин вспоминает

Зарубежная мозаика

В. Ульянов — гимназист 8-го класса. 1887 г.

Анатолий Васильевич Луначарский сказал как-то о Ленине: «Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность».

Вспоминая эти слова, мы убеждаемся, что нравственный облик юного Володи Ульянова и сегодня служит прекрасным образцом для подражания, а вдумчивое осмысливание его нынешним молодым поколением побуждает к выскательной оценке и своего жизненного пути.

В первую блокадную ленинградскую зиму, 2 декабря 1941 года, собралась группа ученых, чтобы отметить 50-летие присуждения Владимиру Ильичу Ленину университетского диплома первой степени. Академик Алексей Алексеевич Ухтомский, видный советский физиолог, сказал в своем докладе такие слова:

«На нас всегда производят величайшее впечатление, когда из обыденной и очень близкой нам обстановки возникает великое».

Так говорил человек, которому была близка и понятна именно та обстановка и среда, в которой рос и складывалась как личность и общественный деятель В. И. Ленин.

Тут мы встречаемся с одной из огромного множества попыток познать Ленина. Ибо постичь хотя бы грани становления вождя в ранние годы для многих юных наших читателей во многом значит — заглянуть в самих себя.

Увы, не всегда тут оказывали надлежащую и нужную помощь именно те, кто брался писать об Ильиче ранних лет. Не случайно А. И. Ульянова осуждали людей, кто станет «по линейке проводить взгляды Ильича, не считаясь с их поворотами и изгибами, с жизнью, что только и может интересовать нас. Мы должны бороться с этим. Мы

должны рассказать только правду, идти против всякого стремления приглаживать, что является обычно медвежьей услугой».

Напомнить все это стоит хотя бы потому, что автор телефильма «Симбирская трилогия» Е. Яковлев говорит о «бездейственных дней череде» детства Володи Ульянова.

Невозможно представить его только таким. Любому хорошо известно, что детский ум особенно остро, быстро, словно губка, впитывает в себя все, чем богат окружающий мир, и живо реагирует на его неоднозначные явления.

Да, Владимир Ульянов, к счастью, имел «7-до». Так поговаривали в старину (имея в виду те годы жизни мальчика, которые предшествовали поступлению в школу), если, действительно, этот первый период его жизни был наполнен интересом к знаниями, умением познавать, ненастынной любознательностью. Всего этого у Володи Ульянова было с лихвой!

Но стены дома Ульяновых отнюдь не отгораживали Владимира от бед и превратностей окружающей его жизни. Он ссыпалась слышал рассказы отца о скитаниях по дорогам Симбирской губернии. Владимир Ильич позднее сам поведал, как «жадно слушал

ТВОЙ СВЕРС

рассказы отца о деревне», и это заставляло его «с детства внимательноглядеться в жизнь деревни».

В родном городке наблюдательный мальчик видел толпы оборванных, изможденных переселенцев, заполнявших улицы губернского, не очень большого Симбирска. А какую пищу самым ярким детским впечатлением давали ежегодные поездки Ульяновых в деревушку Кокушкино, в 40 верстах от Казани. Впечатления эти остались у него в памяти на всю жизнь!

Что касается отрочества Владимира Ильича, то одним из событий, заставивших его в канун своего одиннадцатилетия, как он сам рассказывал, «внимательно вслушиваться во все политические разговоры», было убийство народовольцами Александра II. А в 1884 г. разразился страшный голод, косивший тысячи крестьян. Те, кто уцелел, сопнями, побираясь, скитались по Симбирску.

Говоря о детстве и отрочестве В. И. Ленина, о его тогдашних настроениях, стоит обратиться к емкому и меткому высказыванию его земляка и одного из наиболее почитаемых им писателей И. А. Гончарова: «Не быть причастным страданиям — значит не быть причастным всей полноте жизни».

Именно поиски истины и спасли Владимира Ульянова от того, что называют «пустыней отрочества». И это при том, что он как раз в ту пору находился на изломе, испытав первые победы и поражения на крутых «витках» формирования характера и взглядов. А они проявлялись не только в остром схватывании происходящего, но и в естественных для подростка качествах. Рассказывая о них, Анна Ильинична отмечала, что ее среднему брату «насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст — в особенности». То был «период сбрасывания авторитетов».

Кому-кому, а большинству читающих хорошо известно, чем сопровождается это «сбрасывание». И непослушанием, и ранней склонностью к самоутверждению, а нередко и неоправданной резкостью, заостренной принципиально.

Не торопитесь примерять к себе то, как поступал в этом возрасте Владимир Ульянов. Чтобы иметь на это право, нужно, как это делал он, уметь честно признавать собственные ошибки и стать же энергично, как он, торопиться их исправлять.

Не будем пытаться представить Владимира Ульянова неким пай-мальчиком. Отнюдь! Но говоря о его самокритичности, не упустим из виду то, о чем многие из вас забывают в своей повседневной жизни. Суть в том, что именно искра сомнения и критика собственных поступков позволяют юному человеку сознавать и исправлять свои ошибки-заблуждения. Подобное на пользу не только вам, но также и окружающим, и позволяет приобрести меньше врагов и больше друзей. Это тем более ценно, что никому не дано развиваться самому по себе.

По-настоящему счастлив, безмерно счастлив (не в мещанском, конечно, смысле) тот, кому привелось родиться и воспитываться в дружной, умной, интеллигентной семье. Именно такой была семья Ульяновых.

И потому не стоит удивляться, что

именно старшие сумели верно оценить поступки, свойственные Владимиру Ульянову в переходный период от отрочества к юности. Его иногда чрезмерную резкость поступков и суждений никто из родителей не расценивал как грубость. На этом зачастую даже не фиксировалось внимание. Резкость рассматривалась и как проявление самозащиты. Со временем «грубость» в такой обстановке просто отпадала. А самозащита превращалась в качество, столь необходимое именно для того, чтобы уметь отстоять право по-своему видеть мир, действительность во всех их реальных проявлениях и неизбежных противоречиях.

В этой атмосфере у детей Марии Александровны и Ильи Николаевича рано возникла способность к самостоятельному мышлению, умение управлять собственным поведением. Вот что говорила по этому поводу Анна Ильинична о своем среднем брате:

«Я замечала в Володе еще в детские годы способность критически относиться к окружающему. Этот живой, шаловливый мальчик, который легко замечал смешные, слабые стороны других, который не прочь был подразнить, посмеяться, на деле замечал не только это. Он подмечал и хорошие стороны, и, непременно, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого, что и он мог бы позаимствовать».

В детстве и отрочестве у Владимира Ульянова последнее проявилось в виде подражания старшему брату Александру. А тот преподал Владимиру немало уроков и примеров трудолюбия, твердости воли, выдержанности, надежности, других качеств, столь необходимых для каждого, кто далек от своекорыстия и эгоизма.

Отсутствие в семье требования старших к младшим слепого себе повиновения избавляло последних от двоедушия — внешнего повиновения и внутреннего уклонения, защищало от лицемерия, лживости, пошлости, никчемных интересов.

Отринув подобное с малых лет, Владимир Ульянов с той поры всегда наполнял свои дела и дни нравственно-содержательной жизнью. А она, как известно, заключалась не только в глубоком интересе к литературе, музыке, но и проявлении искреннего и глубокого интереса к судьбам народа. И это, не забудем, сопровождалось углубленными занятиями «обыденной» учебой. В отрочестве и ранней юности она проявлялась у Владимира неожиданным для многих увлечением таким «скучным» предметом, как латынь. Однако когда и это увлечение стало мешать занятиям по другим предметам, Владимир Ильич (имевший с отрочеством огромную власть над собой), пресек его. Но он освоил этот «мертвый язык» настолько, что затем стал помогать старшей сестре и подготовил к экзаменам на аттестат зрелости учителя-чукчевана Н. М. Охотникова.

При всей легкости усвоения знаний Владимир Ульянов чуждался дилетантизма — «роковой болезни» людей, ищущих легких путей и старающихся казаться теми, кем они в самом деле не являются. Все это было воспитано собственной волей и семьей, где его отлично понимали. Будь по-иному, юный человек его интеллекта, впечатлительности замкнулся бы в себе и пе-

ГНИК - ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

режил трагедию неразделенных мыслей и чувств. Ничего подобного не произошло еще и потому, что в семье Ульяновых превыше всего ценили человеческое достоинство. Вполне естественно, что, воспитанный в таком духе, Владимир Ильич всю жизнь боролся против попрания человеческого достоинства. За этим он видел покушение на свободу, способности, права не только отдельных личностей, но и целых народов. Не поняв этого, нельзя глубинно понять Ленина.

При этом не забудем, что в гимназии Владимир Ульянов попадал в атмосферу двоедушия, там он учился бок о бок и с такими юнцами, для которых лгать и обманывать учителей считалось младчеством, «гражданской доблестью». Хорошо известно, что людей двуличных Владимир Ильич презирал. Им доставалось от него, любившего и ценившего умную шутку и остроту. Но он никогда при этом не скатывался до грубости и пошлости.

Терпеть не мог В. И. Ленин и «хитростей» в отношениях между товарищами. Этого он, например, не простил даже Г. В. Плеханову, в которого, по собственному признанию, был влюблен. Но когда тот в отношении к товарищам пустил «шахматный ход», ленинский вывод был весьма четким и категоричным: «Тут же нечего сомневаться, что этот человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия».

В пору отрочества и юности Владимира Ульянова в среде молодежи в ходу была показная, крикливая «нигилистичина». Появились «личности» в темных (без всякой на то нужды) очках, в широкополых шляпах, завернутые в клетчатые пледы. Так, как правило, наряжались те, кто не имел убеждений и «не держался принципов» — любители «баловства» и «скабрезностей». Безусловно, с такими «господами» Владимиру Ульянову было не по пути. Зато всю жизнь он искал единомышленников. Правда, в конце 80-х годов прошлого века, в пору ранней юности Ленина, их было крайне мало. Особенно выделялся юный Николай Федосеев. Он, как и Владимир Ильич, жил тогда в Казани. Встретиться им не привелось, хотя Владимир Ильич и был знаком с участниками федосеевских кружков марксистского направления. Николай был на год моложе Владимира Ульянова. В одном из писем той поры Н. Федосеев признавался, что в Казани пережил в своем развитии «период страшного душевного кризиса, когда надо было во что бы то ни стало выработать взгляды, а выработка эта не давалась (о) как трудно достается выработка убеждений». Да и Владимир Ильич «подошел к Марксу, как человек, ищащий ответов на мучительные, настоятельные вопросы». А появились они у Владимира Ульянова задолго до приезда в Казань.

Увы, некоторые авторы современных работ о юном Ленине этого не учили. Так, в книге А. Ф. Костина «Восхождение» читателя уверяют, что «разрыв Владимира Ильича с религией произошел сравнительно легко».

А вот что по тому же поводу сказал (в пору сибирской ссылки) сам В. И. Ленин своему близкому другу Г. М. Кржижановскому:

«...В индивидуальном развитии отдельных людей можно наблюдать весь-

ма часто революционные сдвиги в их интеллекте. Преисполненная внутренних противоречий общественная среда не может гарантировать индивидууму безмятежное движение к его духовному расцвету. Скорее, наоборот, высокодаренный и динамически крепкий интеллект быстро трансформирует «количества в качестве», нередко переживая при этом мучительные моменты — «скачки кризисов».

Владимир Ильич говорил о себе, что ему самому пришлось переживать такой критический период в самой ранней юности, в одном из предпоследних классов гимназии. Этот кризис юных дней Владимира Ильича сопровождался резким разрывом с религией».

К тому же Ленин стал (как он сам отметил в одной из партийных анкет) неверующим «с 16 лет», т. е. в гораздо более юном возрасте, чем, например, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов.

Таков был решительный ответ на один из мучительных вопросов: «Во что верить?» Поиск его велся и глубоко, и исподволь. О том свидетельствует и помета, оставленная пятнадцатилетним Владимиром Ульяновым на конверте письма брата Александра (от 20 сентября 1885 года): «NB Выдержать экзамен из богословия».

Сколько этих «nota bene» («заметь хорошо») — Лат.) появится затем на полях рукописей В. И. Ленина, прочитанных им книг, брошюр, журналов, на страницах газет. Но приведенное выше — первое из дошедших до нас. Оно свидетельствует о том, что сдача экзамена по нелюбимому предмету стоила Володе усилий над собой. В ином случае при его блестящих способностях отдавать себе подобный приказ никакой необходимости не было.

Володя Ульянов стал атеистом в ту юную пору, когда богоотступничество жестоко каралось. Это требовало решимости, большого мужества и несгибаемой воли. Но при этом, как писала Н. К. Крупская в своих ответах на анкету Института мозга, Владимир Ильич «копание и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел».

Привожу эти слова в назидание юным людям, впечатлительным, с довольно развитыми нравственными чувствами, которые, зачастую сгибаясь под тяжестью сложностей жизни, прибегают как раз к «самоедству». Или, что хуже всего, склоняют голову перед силой и условиями обстоятельств.

Эти молодые люди могут возразить: «Разве можно сравнивать нас, людей обыкновенных, с гением?»

Но, во-первых, и В. И. Ленину ничто человеческое не было чуждо. Во-вторых, не надо его канонизировать. Вспомните, он сам говорил своему другу Г. М. Кржижановскому, что именно высокодаренные люди гораздо острей, мучительней переживают противоречия общественной среды.

Юный Владимир Ильич довольно рано понял: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Познавая Ленина и тем самым познавая самих себя, не будем забывать, сколько тяжких, трагических испытаний выпало Владимиру Ильичу только в 1886—1887 годах. Преждевременная смерть отца, через год с небольшим — казнь старшего брата-революционера,

в том же, 1887 году, собственный первый арест за участие в студенческой сходке-демонстрации, высылка из Казани. Еще через восемь лет — второй арест и ссылка в Сибирь.

К этому добавим, что после смерти отца и казни брата, в самый ответственный период формирования мировоззрения — на переходе от отрочества к юности — Владимир Ульянов не только сам лишился столь необходимого в такую пору мужского влияния, но волею судьбы стал старшим мужчина в доме, опорой матери, сестрам и младшему брату.

Другой при таком стечении обстоятельств способен был бы потерять веру в себя, в собственные силы, отказаться от того, что требовало неимоверной затраты душевной энергии, мужества.

А ведь собственные таланты, знания,

причастность к дворянскому сословию позволяли Владимиру Ульянову избежать «житейских бурь». Но это ни в коем случае не могло стать его уделом, уделом человека, воспитанного в духе верности делу, которому он решил посвятить всего себя без остатка!

Выбор дела, выбор пути были сделаны благодаря осознанному отношению к жизни, ответственности перед народом. Этим В. И. Ленин еще в юности определил весь свой дальнейший жизненный путь.

«Большое счастье выпадает на долю тех людей, — говорил о В. И. Ленине А. В. Луначарский, — которые еще в ранней молодости находят самих себя... Не в этом ли заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере».

Григорий ХАЙТ

Фото Анатолия Жмулюкина

Пишу вам как председателю Советского детского фонда. Детские страдания — самые безвинные, самые вопиющие. Сломленные, заброшенные дети — это больные в будущем люди, источник несчастий и для других. И надо, чтобы этого не было, если мы хотим называть обществом гуманным. Надо расти этих детей полноценными гражданами, а их так называемых родителей наказывать морально и материально. И если нужны для этого люди, желающие работать в детском доме, прошу располагать и мной. Я, Чуликова Мария Александровна, 42 лет, инженер, одинокая. Я русская, родилась в 1945 году в Москве. Там жила, училась. Справительно давно живу на Украине, но если где-нибудь создается новая школа-интернат и есть жилье для воспитателей, сообщите, пожалуйста.

В своей жизни я ощущала безразличие родных, их произошло и свою в прошлом беспомощность и незащищенность. Мне помогали чужие люди. Я почувствовала на себе, как нужна чья-то помощь. Эти люди не дали мне погибнуть.

М. ЧУЛИКОВА,
Винница

В моем понимании Советский детский фонд имени В. И. Ленина — именно та организация, которая должна ломать всевозможные ведомственные барьеры во имя воспитания настоящих людей. Я полагаю, сейчас ни один уважающий себя педагог не будет отрицать необходимости перестройки трудового воспитания школьников. Всем известно, на каком уровне во многих школах сейчас находится так называемый «производительный» труд. Я думаю, что нельзя закрывать глаза на эту общую проблему школы, и в то же время я хочу сказать о конкретной нашей беде.

Как-то «Комсомолка» опубликовала статью «Спасите «Чайку». Похоже, его нынешнее положение еще более гибельно, чем до публикации статьи. Думаю, вы согласитесь, что опыт «Чайки» уникален и его необходимо не просто беречь, а развивать и ширить, и глубже. Не знаю, как это развитие видят директор «Чайки» и его ближайшие сподвижники, а я бы предложила создать такие самофинансируемые заводы в больших городах, но под эгидой не промышленных министерств, для которых главное — план, а Министерства просвещения, возможно, Детского фонда, и главной задачей сделать воспитание (воспитание не только трудом, но и организацией труда, и результатами труда). Единственной поблажкой для этих заводов пусть будет первоочередная поставка от смежников. Где же наш лозунг «Все лучшее — детям»?

А шаткое положение «Чайки» усугубляется непониманием со стороны райкома партии, который забывает, что «Чайка» — производственная, а не просто обучающая школьников единица, и у нее есть план, который нельзя не выполнить. Не знаю всех тонкостей конфликта, но дело это нельзя пускать на самотек, необходимо, чтобы в нем разобралась сторона, защищающая детей. Сможет ли Детский фонд заняться конкретными бедами «Чайки» и общей проблемой трудового воспитания школьников?

Между прочим, разрешение материальных трудностей детдомов и школ-интернатов я вижу не в увеличении государственных дотаций, хотя и это необходимо, а в создании возможностей для превращения этих домов в хозрасчетные комплексы, как это сделано у Католикова.

Т. Ф. ЛЯХОВА,
г. Калинин

Я прочитала вашу книгу «Драматическая педагогика». Вы правильно отвечаете на письмо, которое озаглавили «Комплекс рабости, или Письмо о поиске самого себя».

Мой отец погиб на войне, а мать уехала на Север, когда мне было три года, оставив меня с бабушкой, своей теткой. Когда мне исполнилось семь лет, бабушка сказала, что мать второй раз вышла замуж и теперь не вспомнит обо мне. Я принесла это известие спокойно, словно объявление, что магазин закрыт на ремонт. Но мать и отчим приехали и «раздавили» меня своей изысканной вежливостью и равнодушием. Отчим с насмешкой сказал: «Я бы удочерили тебя, но для чего терять отцовскую пенсию! Если хочешь, поедем в Москву, к бабушке!» Я поняла, что надо отказаться, но чувствовала себя растерянной, запутанной еще и потому, что бабушка и две тети, сестры матери, молчали. Через несколько дней родители увезли меня в Москву, где жили мать и сестра отчима. Они

«Из почты главного редактора» — эта рубрика сравнительно недавно появилась на наших страницах. Появилась потому, что все чаще и чаще в редакцию стали приходить письма — страстные, горячие, кричащие о беде,зывающие к справедливости, — и все они были обращены к человеку, посвятившему «Смене» почти двадцать один год своей жизни. Да, именно столько — 21 год! — таинственным образом был связан со «Сменой» Альберт Лиханов — еще совсем недавно главный редактор нашего журнала, а теперь — председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина.

Он много, очень много сделал для «Смены» — и как главный редактор, и как человек, у которого есть чему поучиться, есть что перенять, — это при нем в «Смене» выросло и воспиталось поколение журналистов, сумевших раскрыть свой талант, найти свою тему, без чего вообще невозможна наша работа, и сделавших журнал таким, какой он есть сегодня.

Многое, очень многое исходило от главного редактора журнала. А он любит повторять: мало увидеть, осмыслить, написать — надо постараться сделать. Так что, трезво оценивая пройденное и выделяя главное, пожалуй, без предвзятости и самолюбования, «Смена» может смело сказать, что ее отличало дело. И мы гордимся, что идея создания Советского детского фонда имени В. И. Ленина родилась в стенах именно нашей редакции — как дело, за которое боролась ее главный редактор и весь коллектив.

Нам, его коллегам, на протяжении двадцати лет совместной работы никогда не случалось видеть его растерянным, не знающим, как поступить в ситуации, если в редакцию вдруг пришло тревожное письмо, — нет, не письмо, а крик о помощи, когда нужно срочно вмешаться, откликнуться на чужую боль, и прежде всего если это маленький человека — ребенок или подросток.

А началось все тогда, когда Альберт Лиханов впервые — может, это было десять, а может, пятнадцать лет назад — выступил со страстным публицистическим словом в защиту детства. И люди сразу поняли, что писатель, который об этом говорит, — человек вззволнованный, человек с взволнованной душой, с избужденной совестью, а то, о чем он говорит, задевает какую-то очень важную струну нашей общественной и нравственной жизни, пробуждает в людях человеческие эмоции,

искры жизни и желание что-то делать для того, чтобы не было брошенных детей, чтобы не было несчастных жен, преданных их непутевыми мужьями.

Сам Альберт Анатольевич Лиханов «болен» темой сиротства больше четверти века. Свидетельств тому более чем достаточно: это и статьи журналиста, начинавшего много лет назад в Кирове, и повести «Благие намерения», «Последние холода» и публицистика, напечатанная не только на наших страницах, но и в «Правде», «Известиях», «Литературке», «толстых» и «тонких» журналах и сложившаяся в книги «Драматическая педагогика» и «Дети без родителей».

Столько дальнего, педагогически ценного, житейски мудрого, сколько Альберт Лиханов написал о детстве, о подростках, которые лишены — как-то даже странно говорить об этом в наше время — нормального детства, столько сегодня, наверное, не написал об этом ни один журналист, ни один писатель.

Между прочим, еще совсем недавно бытовало мнение, что писатель, поднимая ту или иную проблему — хоть экономическую, хоть нравственную, — не обязан предлагать ее решение. Его задачей считалось поставить, обозначить эту проблему. Но вот в последнее время мы стали свидетелями того, как изменилось, куда-то ушло это мнение, потому что сегодня писатель, приобщившись к жанру публицистики, смело вторгается в самую гущу жизни, в самые конкретные экономические и социальные вопросы, волнующие людей.

Для Альberta Lиханова такой проблематикой, притянувшей к себе, захватившей его целиком, стала педагогика, причем та ее часть, которая прежде всего обращена к воспитанию нравственного мира подростков.

В своих повестях и романах он пишет о детстве, становясь его защитником, стремясь к тому, чтобы мир перестал быть для юного человека серым, чужим, чтобы у него появилась вера в себя, надежда на то, что можно что-то исправить в его собственной жизни и жить иначе. Он убежденный и яростный охранитель детства и пишет об этом так, чтобы у юного человека, вступающего в жизнь, появилась любовь к людям, чувство ответственности за свои поступки, способность к самостоятельным решениям, стремление к правде, к нравственному максимализму.

Между прочим, сегодня, чтобы серьезно вторгаться в болевые проблемы нашего общества, чтобы иметь возможность предложить пути их решения, пи-

оставили у них еще двоих своих детей, а сами опять уехали на Север. Я год прожила там, и приехала та бабушка, тетка матери, она хотела, чтобы я жила с нею. Опять услышала разговоры, что я ей не нужна, что она это делает лишь из-за денег, и опять все молчали. Целый месяц ждала, когда заговорят: поругают, приласкают, но все молчали. И после этого я почувствовала себя совсем раздавленной. Вот вы правильно приводите формулу Сухомлинского: «Из эмоционального разоружения рождается очень опасный моральный порок — бессилие, чувство собственной никчемности». С семи лет я находилась в застойном психическом напряжении, потому что не знала, как отреагировать на отрицательное воздействие. Уступала, повторяла взрослых, то есть молчала, а чувства выражала внешним видом, нарочно плохо вела себя (хотела, чтобы пожалели свои, чтобы другие обратили внимание и наказали их), но никто не замечал. Не знала, какое принять решение, как сформулировать его, и поэтому создавала иллюзию самообмана, чтобы снять напряжение, — сама себе «напевала» слова, какие говорят в книгах, в кино, по радио — вот если б мне это

сказали, я бы сделала! Ну, теперь сама знаю, что иллюзия самообмана — это аргументы слабовольного или то же самое, что алкоголизм и наркомания. Дистресс неудач и огорчений особенно вреден — он уже вызывает физиологические заболевания, как и увлечение алкоголем и наркотиками. Поэтому в 22 года у меня появился психоз на нервной почве, развилась эпилепсия. Была конференция, был поставлен диагноз, но врачи со мной не разговаривали о болезни. Потом тайком прочитала диагноз: «Глубокое патологическое развитие личности на неорганической почве, при наличии эпилептико-форменного синдрома». Но лишь теперь сама рассказываю врачу, что у меня за болезнь, почему такой диагноз. А все дело в том, что, как вы пишете, всегда не хватало поступка. В 84-м году, когда мне было 39 лет, получила квартиру за выездом, в которой не был сделан ремонт, и мне хотелось работать дворником по совместительству в этом ЖКО, и уж тут, на практических делах, поняла, как наивно, по-детски рассуждаю, веду себя. «Взрослая жизнь неумолимо требует самостоятельности». «Лишь осознанная необходимость дает ощущение сво-

сателю, как и любому человеку, мало быть просто в самой гуще нашей жизни. Нужна, разумеется,— и мы ощущаем это сегодня каждый день — прежде всего смелость мысли, да и просто смелость, которая не каждому дана.

Альберту Лиханову она, к счастью, дана.

И потому он бескомпромиссно, беспощадно борется со всяческой скверной, оскорбляющей наше бытие,— проявлениями торгащества, лицемерия, нравственной нечистоплотности, мещанской жадности.

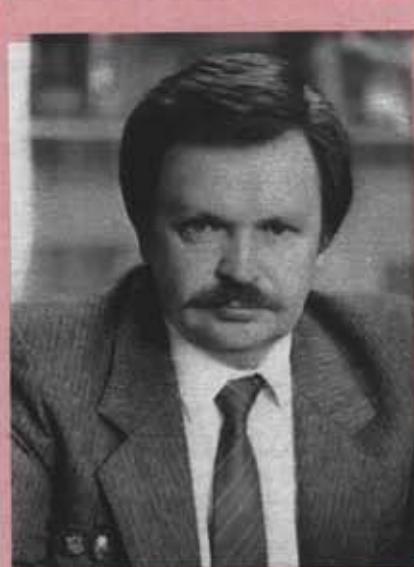
Борется за то, чтобы из нашей жизни, из нашего общества навсегда ушло все то низкое, мерзкое, подлое, что еще совсем недавно унижало и оскорбляло человеческое достоинство.

В этой борьбе все слышнее и слышнее, а зачастую и просто во весь голос говорит свое слово совесть — простая человеческая совесть. Она помогает ему, как писателю, создавать такие произведения, которые идут вровень со временем, а, может быть, даже и опережают его, остро ставят назревшие жизненные проблемы и предлагают конкретные пути их решения.

В русском языке много правильных, хороших слов. И мы любим часто их произносить. Но как важно, чтобы эти наши слова подкреплялись бы еще и поступками, живыми делами.

Альберт Лиханов много написал о детстве, много сказал важных, тревожных слов о воспитании, о том, что необходимо сегодня сделать для правильного развития подрастающего поколения. Но для него это было бы слишком мало, если бы он остановился только на том, что сказал. Он сделал больше. Он стал добиваться создания организации, которая бы всем своим существом, всей своей мощью, своим именем защитила детство. И такая организация была недавно создана — Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Мы, коллеги Альberta Lиханова, были свидетелями того, сколько своих собственных сил, нервов, энергии, эмоций вложил он сначала в идею возрождения в нашей стране Советского детского фонда имени В. И. Ленина, а затем и в само образование его. Когда эта поистине гигантская подготовительная работа развивалась и разливалась по стране, набирая все большие темпы, он не раз говорил нам, что сам лично, как человек, занимается этой работой прежде всего потому, что время, в котором мы живем, курс перестройки и обновления нравственного самочувствия общества требуют от

каждого из нас резкого повышения нравственных критериев во всех сферах жизни и общественной деятельности.

И вот уже несколько месяцев, как он работает на посту председателя правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина, а письма, адресованные, как и раньше, «главному редактору Альберту Лиханову», идут и идут в наш журнал. Письма, обращенные к человеку, который, как следует из их содержания, «умеет понять, приобщить, вмешаться в чью-то судьбу и заступиться».

Прочитав сегодня часть этих писем на наших страницах, вы заметите, что они имеют одну очень важную особенность: письма эти отличаются какой-то доверительной тональностью, вызывая нас с вами на откровенный, обходящий разговор по самым животрепещущим проблемам нашей жизни — будь то проблема охраны окружающей среды или проблема детства, вопросы педагогики или воспитания трудных подростков, оказавшихся за бортом общества, проблемы нашей культуры или быта. И еще вот что важно отметить: все письма написаны открыто, честно, в духе становящейся знамением времени требовательной, ответственной гласности.

И потому, печатая эти письма, мы не будем их сегодня комментировать или оценивать. Давайте будем просто учиться удивляться жизни, череде ее радостных и печальных прозрений.

боды». Поняла, что для того, чтобы не вести себя, как ненормальная, чтобы не было припадков, надо отказаться от прежних желаний, потому что так не бывает: «Лишь дураки ждут, что кто-то сделает их жизнь лучше». Поняла, что нужно по-новому мыслить, выработать новую систему поведения. И вы правильно пишете, что нужно расстаться с детством, со своими болячками, и тогда не будет боли. Я это уже почувствовала. Но, конечно, для этого не мало пришлось сделать поступков! Теперь живу одна в своей квартире, на работе все хорошо, и сваливать вину не на кого! Но комплекс робости, неполнопочленности еще велик! Вы правильно пишете, что это инфарктлизм, и он у меня был в смеси с прагматизмом. Разумеется, пришлось расплачиваться за то, что повторяла родственников, а не была сама собой. Ну, как можно выйти из этого замкнутого круга? Начала убеждать себя: да что ты, не веришь классикам, ученым, великим людям, что говорят в книгах, а тебе все хочется, чтобы кто-то живой сказал это! Родителям, врачам было наплевать на тебя, они лишь делали тебя ненормальной, а тебе тоже наплевать на себя? Не хочешь стать здоровой? И вы хорошо

убеждаете, что только со слова «сам» и начинается настоящая личность, и правильно пишете, что, соглав или промолчав в микроскопическом преступлении ранней поры своей жизни, человек уже совершает акт, формирующий его как личность. Я потом много раз проклинала себя за то, что промолчала в семь лет, уехала с родителями! Ведь потом опять всегда «не хватало сил» совершить поступок, хотя и знала, что надо. А позже и «перестала знать», это превратилось в привычку. Теперь надо научиться смотреть на мир с иного аспекта: не проводить аналогию между родственниками и другими людьми. И уж тут действительно нечего ждать уроков из жизни людей, а надо побольше читать. Ведь хорошо пишут в книгах: «Она выросла в семье, где сдержанность считалась добродетелью, а душу умели отдавать, а не открывать». Не знаю только, когда стану взрослой, — ведь хорошее — это высота, и надо быть альпинистом, чтобы взобраться на нее. А я еще чересчур боюсь людей, и для поступка нужно рассудочное поведение, обдуманность действий, к чему совсем не привыкла раньше. И вы пишете, что нужна трезвость, взвешенность поступков. Вот трезвые

рассуждения... Их всегда не хватало. А может быть, просто плохо искала? Просто казались чересчур трудными? Шагнула из детства в жизнь, но еще столько надо сделать шагов! Но, конечно, это моя забота, а вы правильно советуете, правильно считаете, что пропадет боль!

Всего хорошего.

Татьяна З.

У меня на руках совершенно беспомощная, парализованная пятилетняя дочь. Как это нередко случается, больных детей матери растят одни, так и я тоже совершенно одна. Но я не жалуюсь, прилагаю все силы, чтобы моей дочке было легче.

Прошу вас помочь мне приобрести такую колясочку, с помощью которой дочка могла бы передвигаться, находясь в полулежачем состоянии. Такие коляски изготавливают в Киеве на авиапредприятии МГА и на других заводах. Сама я уже обращалась и на эти заводы, и в Минздрав, но с заводов ответили, что «не имеют возможности», а Минздрав просто отписался. В результате у меня уже нет возможности с ребенком даже погулять, так как на руках ее удержать просто не в силах.

Пожалуйста, отнеситесь к моей просьбе чисто по-человечески, помогите.

ВОРОБЬЕВА
Раиса Николаевна,
Кисловодск.

Примите мою благодарность гражданки и читательницы, которая очень любит детей. Вы добились самого главного: разрешения говорить открыто о благотворительности и милосердии. Уверена, теперь пойдут дела. Хотела бы только особо сказать вот о ком: о малолетних преступниках, детях-заключенных, обездоленных уже не дважды (потерей родителей, тяжким детдомовским детством), а трижды — еще и колонией в подростковый период, когда организм только начинает созревать... На заседании телевизионного «круглого стола» «Пусть наша доброта не минует их» говорилось обо всем, словно мысли наши читались. Убило меня другое: представитель МВД сказал: «Некогда воспитывать, успеваем только карать». Это на мое семидесятилетнее сердце легло камнем. Разве виноват ребенок, что он брошенный? В больницах с ними до трех лет некому поговорить, затем детдом — опять мало воспитателей, нет надзора. Ребенок ничем не защищен, вот и проникает в душу раньше всего мерзкое и грязное. А. А. Католиков, директор детдома, говорил, что уже трехлетки к нему поступают «комочками зла», которые трудно оттаивают. Уже нет у ребенка веры в справедливость. Он живет в мире, где есть только обиды и обвинения. Недоразвитый, лишенный наставника, хорошего друга, попадает под влияние старших и худших, а потом — колонии! Загоняют не на месяцы — на годы! Подумать только! За что? За то, что никто не растил, не воспитывал — ни в школе, ни в детдоме, ни в семье.

Если «закоренелый маленький негодяй», иззлобленный, вступивший в конфликт с администрацией, не поддаетсявшему, он должен получать отдельную консультацию, ему нужно продемонстрировать фильм о детских колониях, выпустить путевку-командировку туда хотя бы на одну-две недели, что-

бы он САМ ВСЕ УВИДЕЛ. Это будет профилактика!

Ребенок попадает в колонию, где, кроме законного наказания, часто несправедливого особенно для сирот, есть еще десятки наказаний, измысленных «воспитателями». Страшно вот это, неустановленное, — оскорблении, глумление, втальцовывание в грязь детской души. Мальчишкам законно выдают махорку, все они «смолят», все запуганы, забиты, неверие в справедливость разъедает души. Еще не окрепшие убеждения, понятия о добре и зле искаются, уродуются. Они должны перевоспитываться, чтобы выйти в жизнь для работы, для счастья, а выходят с испорченным зрением, больными желудками, застуженными суставами, погубленными зубами. Куда они годны? В детдоме не развиваются, недоедали, мерзли, в колонии потеряли здоровье. А ведь парни должны быть солдатами, мужчинами, отцами! Многие родители — мошенники, воры, спекулянты, фарцовщики — от больших денег шалеют, сами портят детей. Совершив преступление, их чадо отбывает на Север, а родители осужденного должны во все время его заключения забыть о своих радостях, должны платить за содержание ребенка в исправительном заведении, и платить немало, чтобы обеспечить его обувью и бельем, нормальной пищей, оплачивать воспитателей, которые будут переделывать за ними, родителями, их негодную работу — плохое воспитание. Поташе бы папы и мамы отрывались от своих дел, поташе бы стремились побывать с чадом, понять его, может, и литературу о воспитании стали бы почитывать. Все это рассказала мне молодая женщина-врач, работавшая в детском исправительном учреждении.

Чего хотелось бы лично мне? Получить разрешение на милосердие! Сплинуться с детской колонией, с сиротами, посыпать им без ограничения предметы гигиены, хотя бы аптечные витамины, теплые вещи, посылки с продуктами. Посыпать не одному, а сразу на пятнадцать—двадцать сирот, ничего не получающих.

Вера ДРОЗДОВА,
г. Куйбышев

Хочу рассказать об особой категории детей в нашем обществе, которым срочно надо помочь.

Общеизвестно, что исправительные колонии служат «университетами» для изолированных от общества несовершеннолетних и только-только достигших совершеннолетия. Тут они получают «высшее уголовное образование». Легенды и мифы уголовного преступного мира весьма доверчиво воспринимаются подростками, тем более что они подкрепляются особым укладом жизни. Этот особый уклад поощряется и насаждается, помимо самих уголовников, и администрацией, так как при этом устанавливается хоть и ненормальный в моральном плане, но — порядок.

В детской колонии воспитатели внушают подростку, как надо себя вести, как надо жить, чтобы перевоспитаться и досрочно выйти на волю. Эти воспитательные меры хороши для ребят с малым сроком наказания, тихих и покорных. Намного сложнее обстоит дело с теми, кто получил большой срок наказания.

Отбывая срок, эти дети неоднократно становятся свидетелями того, как за различные проступки их товарищей, достигших совершеннолетия, отправляют в колонии для взрослых. Потом по различным каналам до них доходят сведения о том, как встретили их взрослые уголовники. Узнают, что гоня-

ниям и презрению подвергаются те ребята, которые пытались исправиться так искренне, что даже помогали администрации детской колонии управлять коллективом, являлись членами совета, носили отличительные красные повязки. Но вот не выполнено какое-то требование начальства, завязался конфликт с воспитателем, допущено нарушение режима (или спровоцировано воспитателем в наказание за неподслушивание), и парень брошен к взрослым уголовникам. Эти наглядные примеры диктуют ребятам с большим сроком наказания особый стиль жизни и поведения в детской колонии. Следовательно, в детской колонии надо жить так, чтобы не пришлось потом нести «ответ» за это в колонии для взрослых.

Именно поэтому самостоятельные, умные подростки, являющиеся неформальными лидерами среди ребят, отказываются брать на себя общественные поручения. Воспитатели, после неоднократных попыток сделать их формальными лидерами, использовать их авторитет в коллективе, обычно оказываются в конфликтной ситуации с этими ребятами, начинают угрожать им переводом во взрослую колонию. Неформальный лидер озлобляется, намеренно совершает нарушение режима или пишет «добровольное» заявление с просьбой перевести его во взрослую зону. Таким образом, получается, что воспитатели подталкивают его в смуту жизни в уголовной среде, из которой не всякий и взрослый может выбраться без потерь.

Предлагаю принять такой закон, при котором несовершеннолетние правонарушители ни при каких обстоятельствах не попадут в колонию для взрослых, каким бы большим ни был для них срок наказания. Тогда исчезнет страх перед взрослыми уголовниками. И воспитатели с большей ответственностью будут работать с неформальными лидерами коллектива, так как их некуда будет спихнуть. А пока общество пассивно отдает своих детей на выручку уголовникам. Причем таких детей, которые часто являются неординарными личностями. Они, в свою очередь, вовлекают в преступную среду новое поколение детей.

Кроме того, предлагаю пересмотреть сроки наказаний, назначаемые несовершеннолетним. Если первые год-два подросток воспринимает изоляцию от общества как наказание, то потом наступают усталость и озлобление. Детская психика не выдерживает пресса жестокости. Разумнее было бы помешать правонарушителям в детскую колонию с единственной перспективой выхода из нее — на свободу или на службу в ряды Советской Армии по достижении восемнадцати лет. Ведь и сейчас в Советской Армии сколько угодно ребят, которые по счастливой случайности не попали в колонию или избежали наказания благодаря усилиям родителей. Они нормально служат, обычно полностью избавляются от «романтики» уголовного преступного мира, к которому раньше тянулись.

То, что наши дети — НАШИ ДЕТИ!!! — находятся в колонии, — это не только их беда, это и беда, и вина нашего общества, не сумевшего обеспечить правильное воспитание детей, особенно из неблагополучных семей, детей-сирот. И не надо отталкивать от нормальной жизни этих ребят, от службы в армии. Отвратительны чистоплюстие, желание взрослых не замараться о своих же детях. Вглядитесь внимательно в трагедию 14—15-летних подростков, наказанных, к примеру, за соучастие в грабеже, разбое. Чаще всего они даже не догадывались, что в их присутствии произойдет преступление, совершающее кем-либо из старших друзей. Но следователь ему уже и заговор доказал, и соучастниками всех, за кого некому похлопотать, сделал.

Уж если взрослые люди, как уже многократно показано на страницах печати, не выдерживали давления следствия, то что говорить о детях. Вот и отывают несмысленные «соучастни-

ки» по 5—6 лет в колониях. Хотя единственное их преступление состояло в том, что они оказались в плохой компании.

Пишу с великой надеждой, что на проблему несовершеннолетних преступников будет, наконец, обращено должное внимание. Ведь умел же Маркенко перевоспитывать воров, бандитов не за высоким забором с решеткой и проволокой. Почему же мы загоняем детей за колючую проволоку, без зелени, без цветов, одеваем их в черную одежду? Ведь даже этот черный цвет формирует определенную направленность развивающейся психики детей.

Все наши дети, даже заблудшие, оступившиеся, имеют право на счастливое детство. А за их грехи ответственно общество. Пора, наконец, понять это.

О себе. Вместе с мужем была осуждена. Три месяца сидела в одиночном карцере. Об уголовниках знаем не понаслышке, сидели в колониях. За это время сын попал в плохую компанию. В пятнадцатилетнем возрасте оказался «соучастником» разбоя и получил шесть лет. Месяц находился в тюрьме перед отправкой в зону. Мне не дали свидания с ним, так как он устроил драку в камере, не желая подчиняться унижению, и был жестоко избит.

В детской колонии очень хорошие учителя и воспитатели. Но общие недостатки системы воспитания детей в колониях, о которых я написала, могут оказаться причиной того, что мой сын и другие дети не вернутся в общество нормальных людей. Каждые два месяца езжу к сыну, и в последний раз потрясаю рассказ воспитателя о мальчике, которому осталось четыре дня до освобождения. Его выпустили на работу за зону, а он ушел домой, к маме. На суде не мог объяснить причины побега. Получил еще два года лишения свободы.

Нужна перестройка в подходе к воспитанию детей, попавших в плохие компании, совершивших правонарушения. Надо быть милосердными к нашим детям. Только так можно спасти их от непосильных травм на всю жизнь. Можно принять множество законов о праве на труд каждого гражданина нашей страны, но любой бывший зэк расскажет горькую историю устройства на работу, косых взглядов «чистеньких», прописки. Давайте избавим от этих травм подростков. Пусть они вернутся из армии, забыв о том страшном, что пережили в своем несчастливом детстве. Пусть им будет открыта дорога к труду, в техникум, в институт.

Женисгуль САЗАНБАЕВА,
г. Джамбул

Очень нужным делом вы сейчас занимаетесь, дети нуждаются в нашей защите. Все усилия направлены на улучшение условий жизни детей, на поправку юридических законов в отношении детей, брошенных в родильных домах, младенцев, вынужденных «жить» в больницах в ожидании места в детских домах. Много органов юстиции занимаются отцами, которые ушли из семьи и не утруждают себя воспитанием детей. А вот как быть с женщинами, которые хотят красивой, «балзаковской» жизни, которым в тягость семейная жизнь и ребенок?

У нас в семье трагедия. Почти год бывшая сноха не общается с ребенком. Недавно, встретившись с дочкой, прошла буквально в метре от нее, не заметив. Даже инстинкт самки, извините, не сработал. Всем рассказывает, что у нее «нет материнских чувств, жалости, ничего нет к ребенку». Эта «мать» имеет высшее образование. Материально в воспитании тоже не принимает участия. А отец очень любит дочку. У ребенка есть все, даже мама — сестра отца.

Плохо, что мать-кукушка имеет право на не нужного ей ребенка и нет сроков, ограничивающих это право.

Знаете ли вы о таких бедах? Нужны, на мой взгляд, соответствующие законы, лишающие таких женщин звания матери.

А. В. Л-на,
Волгоградская область

Моя мама, Глинкина Людмила Александровна, многодетная мать, у нее, кроме меня (меня девятнадцать лет), еще четыре дочери: шестнадцати, четырнадцати, девяти и трех лет. С интересом следили мы за созданием Советского детского фонда, за выступлениями многодетных матерей. Прочитали в газете выступление многодетной матери Иордан из Ленинграда, которая рассказала, как ей оказывают материальную помощь. Я думала, что только моей маме так «помогают». Мама уже с марта 1987 года ждет, когда ей окажут помощь, и, наверное, не дождется. Во многих фильмах рассказывается о многодетных семьях, о том, как они хорошо живут, как им помогают, а я не верю. Все это сказки. Вот маленький пример. Пойдет моя мама в магазин, выстоит огромную очередь, чтобы получить полкило колбасы на 6 человек (я себя не считаю), а рядом женщина только для себя покупает тоже полкило. Сейчас все говорят о том, что у нас низкая рождаемость, а скажите, будет ли у меня много детей, если я вижу, какая тяжкая жизнь у моей мамы? Ни за что и никогда!

Сейчас, правда, открылся промтоварный магазин «Семья» в Миассе, и мы там стоим на учете. А как быть с продуктами? Мясо в магазине по 4 р. 50 к., на базаре по 5 рублей килограмм.

Я вас очень прошу — напишите мне, как жить?

Татьяна ГЛИНКИНА,
станция Хребет
Челябинской области

Хочется обратить ваше внимание на детей с пораженным слухом в результате применения антибиотиков. В справочнике об охране детства говорится о запрещении этим детям посещать обычные детские учреждения. Но в печати приводились примеры успешного обучения глухих детей в нормальной школе. Может быть, пора говорить о принятии постановления, разрешающего обучаться слабо слышащим детям в такой школе? В Югославии, например, при соответствующей первоначальной подготовке глухие дети не подлежат изоляции и обучаются в обычной школе, тем самым приспособливаясь к окружающим, а окружающие к ним.

В настоящее время не существует закона, разрешающего получать таким детям пособия по инвалидности, бесплатные лекарства, путевки в санаторий бесплатно или со скидкой. Дети не пользуются льготной скидкой на проездные билеты, а в другие города едут за полную стоимость. Очень ограничен у таких детей и круг выбора профессии. Молодой человек, способный учиться и работать, в мире слышащих встречается с ограничениями и даже отказом при поступлении в учебное заведение и выборе работы. Хотелось бы, чтобы существовал закон, помогающий этим детям пользоваться правом обучения в обычных школах, техникумах и институтах, правом труда и устройства их на работу, отменяющий многочисленные ограничения.

Предлагаю закрепить для слабослышащих через собесы определенный процент мест на каждом предприятии, а не только там, где есть переводчики. Установить пенсии и пособия по инвалидности, предоставлять бесплатно лекарства, путевки в лечебницы и сана-

тории, сделать скидку на транспорт. А самое главное, разрешить группам слабослышащих детей посещение детсадов, обычных школ. Пересмотреть школьные программы и выпускать специальные учебники, разрешить им посещение дворцов пионеров, станций юных техников и т. д.

В настоящее время эти дети восьмилетнее образование получают за 12 лет. Но, может, есть смысл сократить годы обучения в школе? Не лучше ли вместо изучения иностранного языка добавить уроков русского разговорного языка и обучать общению детей в мире слышащих?

Разрешение этих вопросов будет способствовать восстановлению социальной справедливости для шести процентов нашего населения, относящихся к группе слабослышащих.

Л. И. ЛЕОНОВА,
г. Николаев

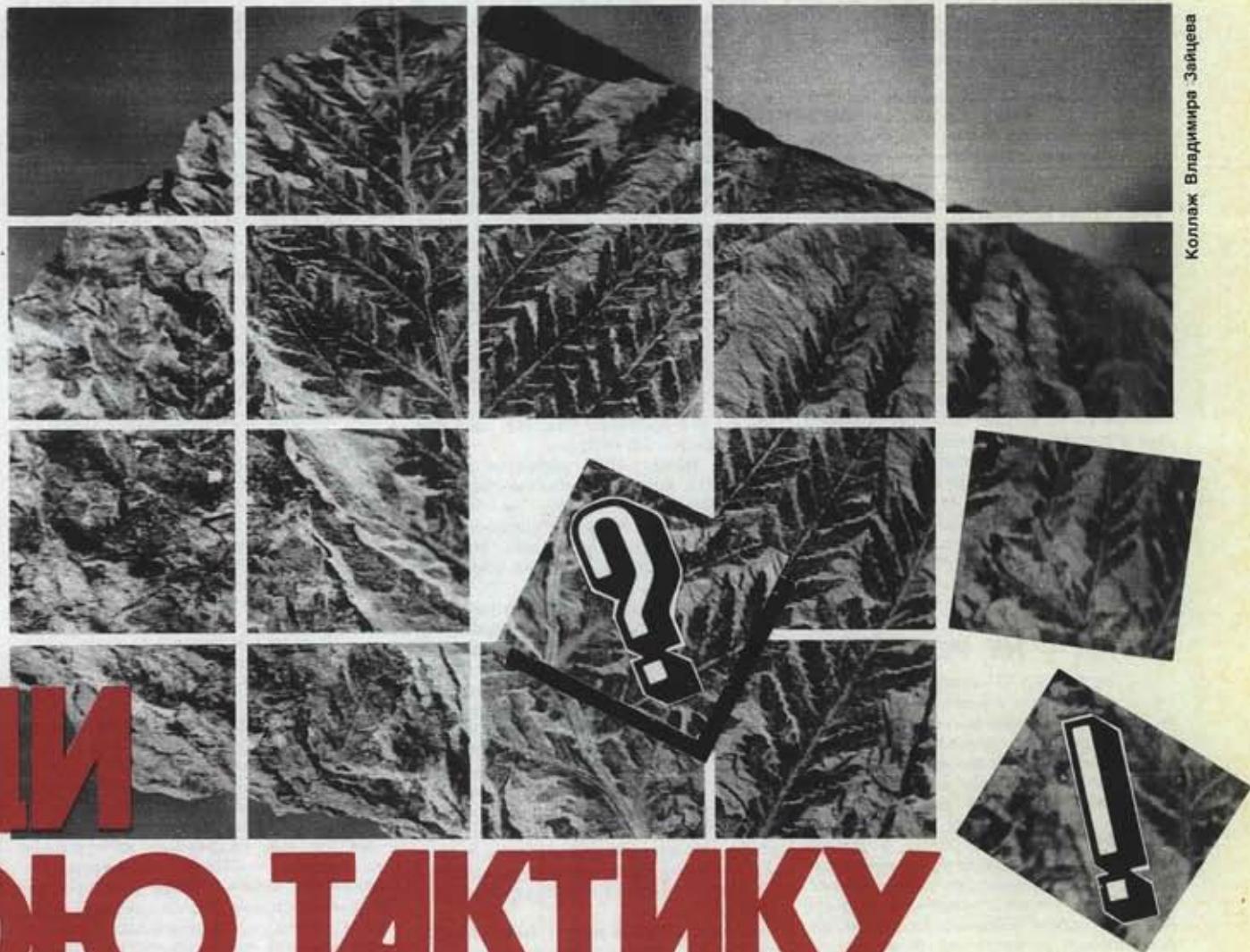
Я — воспитатель старшей школьной группы детского дома № 4 г. Кировска Мурманской области. Пришла работать в детдом в конце августа 1986 года, отработав до этого 17 лет учителем физкультуры. Пришла по собственному желанию работать с детьми, так как много слышала о них от своего мужа, Волкова Виктора Егоровича, учителя труда школы № 6, где учился дети нашего детдома.

Седьмого сентября 1986 года я получила школьную группу — 25 первоклассников и сразу же растерялась. Дети не слышали меня, не то чтобы не слушались, а просто не слышали, не замечали, не обращали на меня никакого внимания. Промучившись так неделю, проведя несколько бессонных ночей, проплакав от бессилия, я обратилась к мужу с просьбой — помочь мне, посмотреть, что я, как воспитатель, не так делаю, в чем моя ошибка. Попросила, так как знаю мужа как опытного педагога, которого любят и уважают дети. Раньше, при старом директоре, муж был желанным гостем в детдоме. Я приступила к работе уже при новом директоре Яковлевой, и не знала, что Надежда Федоровна считает наш дом сугубо закрытым, куда доступ посторонним лицам, а особенно мужчинам, запрещен. Увидев его в группе, Надежда Федоровна сразу же восприняла это как посигнательство на учебно-воспитательный процесс, попросила удалиться. Как всякий нормальный человек, мой муж был крайне удивлен ее гневом. То, что произошло, потрясло и до сих пор потрясает нас. Потом в детдоме произошло разбирательство этого инцидента. Представители горно выяснили обстоятельства дела, и Виктору Егоровичу было предложено выйти в дом, помочь детям развиваться, так как особых препятствий для этого не было. Было и есть только нежелание Надежды Федоровны видеть Виктора Егоровича во вверенном ей детском доме, потому что она знает, что в горно и в горисполкоме долго и настойчиво уговаривали его стать директором детского дома.

Я могу понять все, кроме одного: как можно педагога, «Отличника народного образования» гнать от детей, чинить ему препятствия в общении со своими учениками? Мне непонятно, почему все дети могут приглашать к себе в детдом своих учителей, кроме Волкова. По мнению директора, он утратил это право, так как он мой муж. А мужу к жене на работу доступ закрыт. Я считаю это полным абсурдом — в детский дом должны идти не равнодушные формалисты, а люди, горящие желанием помочь детям, согреть их, исправить их ложные понятия и представления, независимо от того, работают члены его семьи в этом детдоме или нет. Может быть, я не права? Прошу вашего совета.

Наталья ВОЛКОВА,
Кировск

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент
«Смены»

Коллаж Владимира Зайцева

НАЙДИ СВОЮ ТАКТИКУ

НАУКА ПЕРЕХОДИТ НА ХОЗРАСЧЕТ

Толком и оглянуться не успели: время заключать договоры. В них они и хотели воплотить все выношенные ими идеи, планы. Но вот пришла директива Миннефтехимпрома СССР, и многое из задуманного рушилось. А директива повелевала: 70 процентов всех договоров НИИ сланцев должен заключить с министерством, а остальные — с предприятиями — прямые связи. Стало ясно: в жестких условиях хозрасчета подобный расклад — удар ниже пояса.

НИИ сланцев — головной координирующий центр по использованию и переработке горючих сланцев в стране, уникальный институт — единственный в мире подобного профиля. И теперь, когда его коллектив перешел на хозрасчет, они, ученые, ответственные за то, как сработает НИИ в больших и малых делах. Им самим — без подсказок и давления — пришлось крепко пораскинуть мозгами: как жить дальше, как увязать интересы производства, отрасли, науки и самого коллектива. И чтоб единой связкой, чтоб одно работало на другое.

Словом, обдумали и сверстали план, который, как выходило, не очень-то вписывался в министерские установки. Смело пошли на рост прямых связей с предприятиями. Иначе говоря, взяли на себя дополнительную работу — на миллион рублей. Жаркая была пора: договорная кампания.

А в конце января — опять директива, с поправкой: с министерством институту надлежало иметь не большую часть договоров, а половину, то есть не 70, а 50 процентов. А у них на повер-

ку — 45... Да, поступи иначе, по примеру других НИИ, которые были верны первоначальным установкам, оказались бы в весьма и весьма сложном положении. Пришлось бы суетиться, спешно искать заказчиков: аврал — тоже штурмовщина. Издержек не избежать.

Однако в НИИ сланцев и свой промах видят: с некоторыми договорами явно поспешили. Позже могли заключить очень неплохие сделки, а силы уже иссякли.

Хозрасчет — это, конечно же, расчет, но трезвый.

ЧЕМ ТОРГУЮТ В НИИ?

Итак, большая часть договоров — заказы предприятий. А это сущая коммерция: торговые операции. Отныне институтские разработки — технологии — рассматриваются как товар. Значит, их надо сбывать, реализовывать, словом — продавать. Но коль товар, то цена, а она на договорной основе, то есть тут уж как сттолкнувшись с потребителем. А деньги ныне считают каждый: хозрасчет. Не продашь — вылетишь в трубу, прогоришь.

Чем конкретно торгуют в НИИ?

Прибалтийский горючий сланец — уникальный. Подобного, говорят, на всей планете не сыскать — чрезвычайно богат органической массой, кислородными соединениями, наполовину состоит из них. Дар божий. И из этого дара по технологиям НИИ сланцев уже сейчас путем термической переработки получают десятки важнейших продуктов: масло для пропитки древесины — антисептик, к примеру, шпало-пропитка; строительные мастики, различные синтетические смолы: эпоксидные, тампонажные, клеевые, всем хоро-

шо известная в быту «эпоксидка»; электродный кокс, синтетические дубиты для кожевенной промышленности... Или смазка «Слакс» для защиты сельскохозяйственной и прочей техники от атмосферной коррозии. Разработчик — молодежная лаборатория физико-химических методов исследований, во главе которой Валентин Васильев.

— Сами не верится, но факт, — говорит Валентин. — Уже в этом году ПО «Сланцевхим» даст сто тонн опытной партии дефицитнейшей смазки. А ведь раньше на это ушло бы 10—15 лет, пока бы согласовывали, проектировали, утверждали, добивались лимитов на строительство установки.

Объединение, смекнув — а оно тоже на хозрасчете, — что смазка — дело нужное и прибыльное, пошло на то, на что бы раньше не пошло: само проектирует и хозспособом будет возводить нужную для производства установку, дав за «Слакс» 320 тысяч рублей. А он стоит того: по сравнению с ним все отечественные и зарубежные аналоги блекнут по всем своим характеристикам. Да и себестоимость производства смазки в пять раз дешевле. Перспектива.

Впрочем, тут иные перспективы видятся. В сланце обнаружены биологически активные вещества. Одна из главнейших задач молодых ученых — извлечь их, пустить в дело. Да и вообще, как утверждает Валентин Васильев, прибалтийский горючий сланец может дать не менее 150 продуктов.

Есть и такая точка зрения. НИИ сланцев мог бы стать Всесоюзным центром по переработке твердого топлива в жидкое. Пока таких реальных технологий нет. Но они будут. За ними — будущее. Ведь запасы нефти не безграничны. Нефтепроводы — удовольствие

из дорогих. Да и топить нефтью — все равно, что топить ассигнациями, как в свое время заметил мудрец Менделеев. В СССР уже известно 88 месторождений горючих сланцев. Их геологический запас — 195 миллиардов тонн!

О ВЫГОДЕ, РУБЛЯХ И СДЕЛКАХ

Николай Куташов — заведующий лабораторией технико-экономических исследований и перспективного развития. Он главный идеолог хозрасчета. Задаю ему вопрос: на каких принципах НИИ работает с заказчиком? Николай поправляет: главное коммерческое лицо не институт, а лаборатория. Торгует она, ее заведующий ищет покупателя, заинтересовывает его своей разработкой, технологией и заключает договор. На взаимовыгодных условиях.

А условия таковы. Если разработка выше мирового уровня, то ее авторы получают 50 процентов от годовой прибыли предприятия (не исключено, что новация ученых заинтересует инофирмы, а для предприятия это чистая валюта), если же разработка выполнена на достаточно высоком современном уровне, то тогда авторы могут рассчитывать на 30 процентов... Их можно получить целиком в конце года или частями в течение двух-трех лет. От одной разработки ее авторы могут иметь сотни тысяч рублей. И даже миллион. Но его получат только раз. И его надо заработать.

Как распорядиться деньгами — вопрос не праздный. Тут-то разработчики и должны проявить свою хозяйственную мудрость. Кому? На что? И сколько?.. И премию надо распределить — по вкладу, и технику обновить, о рекламе похлопотать, да и о финансировании

перспективных тем, о научном поиске надо позаботиться.

— Думать приходится о многом,— говорит директор НИИ сланцев Рихард Иоонас.— Наш коллектив ориентирован на конечный результат, и мы не можем пойти на то, чтобы наши творческие усилия сводились на нет.

Творческое усилие. До поры до времени оно бесправно — не имеет реальной экономической оценки. Она в перспективе, а перспектива бывает и со знаком «минус». Спору нет, разработка не кот в мешке, но все же, освавив новацию, предприятие рискует. А если НИИ просчитался? Ну, «скрепла» его технология, и потребитель остался без обещанного экономического эффекта, вожделенной прибыли? Затраты. Убытки.

— Коль мы ошибемся, то есть допустим брак в своей работе,— поясняет Николай Куташов,— то обязаны возместить предприятию все убытки, до копейки. Это, между прочим, предусмотрено договором. Но расплачиваться будет не институт, а непосредственные виновники — авторы новации. Раньше они отдалились бы символическим выговором, а ныне отвечают рублем. Но дело не только в дензнаках. Любая научная осечка бьет по престижу института. Раз подвел партнера, другой, третий... Так недолго остаться и при своих интересах. Ответственность должна быть взаимной.

О партнерах разговор особый.

НАУКА — НЕ РЕМЕСЛО

— Партнера. С ними договориться — семь потов сойдет, — размышляет Николай Куташов. — В общем-то мы стремимся договариваться на джентльменских условиях, без амбиций и позы. Понимаем, что предприятию сразу всю сумму нам выплатить тяжело. Для этого ему понадобилось бы брать кредиты, залезать в долги. Разве трудно предвидеть, к чему приведет такая коммерция? Она станет тормозом в наших отношениях, хозрасчет даст сбои. Поэтому мы идем на приемлемые уступки, компромиссы, то есть соглашаемся получать деньги частями. Словом, учимся находить общий язык. Наука, скажу вам, трудная. Но в конце концов мы делаем одно дело. Так ведь? Беда в том, что не все заказчики так мыслят. Кроме рубля, дальше годового плана ничего не видят. Живут одним днем. О перспективе и слышать не хотят.

— Вот мы и должны работать с предприятиями, — вступает в разговор инженер-экономист председатель совета молодых ученых и специалистов, член комитета комсомола Юрий Рыболов. Ему 25 лет. — Задача ученых — помочь им. Скажем, чем и как лично я могу помочь? Вникаю в конкретную производственную проблему. Изучаю конъюнктуру, рынок. Без этого нельзя. Ищу оптимальный вариант решения проблемы. Делаю экономический расчет, определяю эффект. Этим и заинтересовываю потребителя: убеждаю, доказываю. Теперь мы стали чаще обращаться с производственниками. Раньше этого не было. Конечно же, о перспективе должны думать вместе.

Одно из генеральных направлений НИИ сланцев, а стало быть, и подотрасли — безотходная технология переработки мелкозернистого сланца. В основном он идет на ГРЭС, где сжигается, как дрова, вся его уникальность — в печи. А это 80 процентов того, что добывается шахтами ПО «Эстонсланец». Еще миллионы тонн породы — под открытым небом. Перед объединением стоит проблема реализации. И она обостриется, ибо с внедрением механизированных способов разработки объемы мелкозернистого сланца, несомненно, возрастут. Эта проблема и занимает ученых НИИ. Ими разработана опытная установка безотходной технологии горячего сланца. И даже, считай, построена. Сооружалась она на министерские средства на заводе «Кишивили». Теперь нужны испытания, но

прежде — деньги. А вот желающих платить нет. Открещиваются все, как морт.

— А почему, собственно, именно мы должны платить? Хотите испытывать — деньги на бочку! Вот позиция заводчан, — продолжает свой рассказ Куташов. — А где нам взять 400 тысяч рублей в год? Режут без ножа. И потом. Разве безотходная технология создавалась не для промышленности? Да и нужна установка не в единственном числе, будет тиражироваться.

Нелепость: у заводчан есть деньги, но не желают платить, а лаборатория переработки сланца и заплатила бы, да средств нет. Имей институт надежный тыл — собственную опытно-производственную базу, проблем бы, надо думать, поубавилось.

— То, что мы пишены такой базы, — наше упущение, — соглашается Рихард Иоонас. — По существу, нам нужен завод, и мы не отказываемся от его создания, будем добиваться. Вопрос не только в самостоятельности. База позволит нам предлагать готовый товар. Мы бы его подавали так, как того требуют законы коммерции.

Быть может, НИИ добьется своего, и будет у него своя опытно-производственная база. Но, увы, не сегодня, и не в самое ближайшее будущее, а безотходная технология нужна сегодня, сейчас: эстонские шахты уже сократили добчу сланца...

На что же рассчитывают в НИИ? На ГПО — Государственное производственное объединение. Его будущий Совет директоров и должен принять решение о финансировании испытания при долевом участии предприятий ГПО. Идея не лишена смысла. Об этом бы подумать раньше. Не ministerский ли это промах? Можно понять ученых и даже заводчан, но вот позиция Миннефтехимпрома — загадка. Почему министерство осталось в стороне, допустило, что установка оказалась бесхозной? Почему столь важная разработка не получила статуса государственного заказа?

Кстати, о госзаказах. У НИИ сланцев их 16. Это перспективные народнохозяйственные, союзного значения договоры. Один важнее другого. Видимо, так и должно быть. Но вот вопрос: заинтересован ли в госзаказе отраслевой НИИ? Да, тут кровный интерес. Вот и рассчитали бы в Миннефтехимпроме, в каких экономических условиях надлежит работать институту, чтобы у него со временем не исчез вдруг интерес к перспективной теме, разработке. Ведь министерство практически оплачивает лишь затраты госзаказа. А жизнь берет свое. Нынче, чтобы заниматься наукой, поиском, долговременными исследованиями, перспективными разработками, одного желания или энтузиазма мало, нужны деньги,-solidный, крепкий капитал. Где сыскать его? С протянутой рукой нынче не сунешься: не те времена, не поймут.

Вот и напрягай мысль, ученый, где раздобыть нужную копейку. Стало быть, жертвуя наукой — перспективными темами, — подрабатывай на мелких хозяйственных заказах с предприятиями. Других путей нет. Тут недолго стать хашашником в науке.

Сиюминутный интерес во имя перспективы — балансирование на острие ножа. Устоять непросто. Не успеешь оглянуться — и стал ремесленником. А наука не ремесло, а творчество высшей пробы. Да, хозрасчет — это давление, пресс. Но этому давлению надо суметь противостоять, не впадая в крайности. Ориентир, полагаю, один — научная чистоплотность, порядочность, честность не должны размениваться ни на какие рубли. Надо уметь дорожить наукой, репутацией ученого, наконец, именем своего института.

Вот и еще одну задачу подкинул хозрасчет науке. Справится ли с этой задачей НИИ сланцев? Не знаю, время покажет. Но уже хорошо то, что его коллектив осознает: хозрасчет не манна небесная — круться и круться.

Здесь, похоже, крепко уяснили, что хозрасчет — общая для всех стратегия, а вот тактику надо найти свою. Директив и привычных рекомендаций «сверху» на сей счет нет и не будет...

«ПОХИЩЕНИЕ» УМОВ?

Откуда берутся кадры в НИИ сланцев? Приходит время, когда думающий завлаб всерьез задается вопросом: какие специалисты ему потребуются через 3—5 лет? Прикинув, отправляется в соответствующие вузы страны. В них то и идет поиск наиболее талантливых и перспективных студентов. Очень скоро у этих ребят с институтской лабораторией устанавливаются самые деловые отношения. Начиная с третьего курса, они в НИИ сланцев проходят всевозможные практики, пишут рефераты, курсовые, дипломные работы, внимательно вникают в тематику института, его проблемы и задачи, присматриваются к коллективу, ибо с самого начала знают, что будут работать именно здесь.

Треть коллектива НИИ сланцев — молодые ученые и специалисты. Это человек сто. Ежегодно в институт приходят 10—15 выпускников учебных заведений. Здесь тот самый непростой период, который обозначается так: смена поколений.

Рихард Иоонас не без гордости произносит:

— Еще не так давно к нам мог устроиться всякий желающий, а сегодня — конкурс! Молодых в обиду не даем, не в наших это правилах.

Знаю, во многих научных учреждениях не первый день боятся над вопросом: как активизировать работу молодых? Изобретаются, к примеру, специфические молодежные формы.

— Было время, и у нас создавали комплексные творческие молодежные коллективы — КТМК, — вспоминает Николай Куташов. — Вроде и задачи перед ними стояли, и цели имелись. А работа как-то не складывалась. Присмотрелись: есть голый энтузиазм, а реальных, жизненных стимулов нет. Вот по этой причине, полагаю, и распадались коллективы.

— Молодежь надо не обособлять, а подключать к той работе, которой занимаются все, — уточняет Юрий Рыболов. — Каждый должен заниматься своим делом, причем на совесть. У нас возможность такая есть — внутренний хозрасчет... После договорной кампании окончательно решается, кто в каком договоре участвует и в какой мере. Взять, к примеру, экономистов. Мы практически задействованы в каждой работе. Но не все нам под силу. Скажем, мне необходимо математическое обеспечение — ишу математика, составляю протокол долевого участия. Математик, в свою очередь, может заключить договор с химиком... Отчисляем друг другу проценты. Цепная реакция. Выходит, коллективный интерес и труд. Его и назвали внутренним хозрасчетом.

— В институте немало современной зарубежной и отечественной техники, — рассказывает Евгений Антипов, младший научный сотрудник лаборатории физико-химических методов исследований. — Только в нашей лаборатории ее на миллион рублей. Технику эту надо использовать эффективнее, она должна окупаться, давать прибыль. Вот сейчас и разрабатываем прейскурант услуг для других лабораторий. Теперь, если наши коллеги хотят работать на уровне, им придется платить за технику. Здесь есть перспектива, есть какая-то ясность. А вот с заработной платой не все понятно. Введены новые принципы надбавок. Раньше надбавка назначалась, и ты мог получать свои 30 рублей до пенсии. Сейчас иначе. Надбавка может составлять 50 процентов должностного оклада, но дается она лишь на время выполнения конкретной работы: на три, пять месяцев... И, замечу, ее получают в основном молодые, однако

лишь тогда, когда они заняты важной проблемой. Ну, хорошо, а как быть тем, кто не работает над глобальной проблемой, но все же трудится на совесть? Выходит, в этом случае нет материальных стимулов...

Согласимся, за прибылью, процентами, договорами, разработками и прочим стоят люди. Они разные. Талантливые и посредственные, опытные и неопытные, одержимые и сдержаные, честные и не очень... А у хозрасчета установки одни. Рассуждая, можно не без оснований предположить: преуспеет тот, кто сильнее, опытнее, кто в плечах пошире.

Куташов раскрывает карты. Вот, говорит, лаборатория О. Велицкой. Числом в 18 человек заключила договоров аж на 500 тысяч рублей! Солидно. Но это не за счет кого-то. Факт: каждый завлаб стремится набрать как можно больше договоров. Он должен привить себя, подумать о коллективе. Да, есть лаборатории примерно с такой же численностью, но с заказами у них туговато. Тысяч на сто. Явно мало. На 15 человек необходимо как минимум 200—250 тысяч рублей. Без премии, разумеется. Понятно, отстающих поддержим, будем привлекать их к своей работе. Но и они не должны расслабляться. Верно?

Верно. Но будем смотреть глубже. Что ни говори, а пока не вся молодежь трудится так, как может, как должна. Нет, не ленятся ребята, не уклоняются. Напротив, они готовы взять на себя большую работу, а вот условия не всегда есть. Кто-то еще на обочине...

— Что означает хозрасчет в моей работе? — задается вопросом младший научный сотрудник двадцатичетырехлетний системный программист Владимир Хорев. — Означает переориентацию. Но я до сих пор выполняю ту работу, которая идет «сверху», которая могла бы выполняться централизованно, то есть заниматься расчетами заработной платы, фондов, материалов. Сегодня так нельзя использовать ЭВМ, расточительно. Машинного времени мало. И, думаю, надо решать насущные задачи института. Я бы мог помочь технологам, экономистам, химикам... А пока, признаюсь, я себя чувствую не совсем у дел...

НИИ сланцев не Гарвардский университет, где читался и, надо полагать, читается специальный курс «человеческие отношения». Наука нужная. А сейчас — крайне необходимая. Без нее экономическая реформа мало чего стоит. Американцы давно поняли: заработная плата не стимулирует всего человека. Производительность труда может быть значительно увеличена без всяких затрат и расходов — надо лишь улучшить человеческие отношения. И при хозрасчете это не должно забываться. И при нем надо видеть конкретного человека в конкретной ситуации. Нужен живой, искренний интерес к людям. Интерес не на словах, а на деле.

В хозрасчете все связано единой нитью: экономика, мораль, нравственность, этика. Пренебрежешь одним, рухнет другое. А принцип «Ты — мне, я — тебе» здесь не так уж и плох! Отнесись к человеку с вниманием, заботой — и он выложится, раскроется как личность, как творец.

Ясно: хозрасчет в науке — дело новое и хлопотное. Не все в нем отшлифовано, а, быть может, и продумано. Проблемы. От них у некоторых руководителей голова кругом идет, а комуто — что грех таит — и свет не мил. Но и мусолить эти самые проблемы до бесконечности, трезвонить о них, хныкать, сетовать — значит расписываться в своей беспомощности. Большие задачи, трудности и выдвигаются — кто чего стоит. А хозрасчет, как ни крути, раскрепощает научную мысль, рождает стремление к поиску, освобождает от пут того времени, когда за тебя думали, решали, вершили.

Хозрасчет — дорога трудная, с ухабами, ее осилит идущий.

Поколение молодых поэтов, которым сейчас от тридцати до сорока лет, вызывает много споров. Мнения о нем противоречивые, часто самые противоположные.

Одни считают, что это поэтическое поколение еще не сформировалось, что его, по сути дела, нет, поскольку в нем нет ярких представителей, которые могли бы его возглавить.

Другие признают, что оно уже существует.

Я отношусь к последним.

Еще в 1980 году, составляя антологию «Молодые голоса», в которую вошло 120 авторов, живущих от Бреста до Владивостока, я уже выделил среди них группу поэтов, которые подавали, на мой взгляд, наибольшие надежды.

С тех пор прошло восемь лет. И сегодня можно назвать десять — пятнадцать имен, которые уже утвердились в нашей поэзии и получили определенное признание. Поэты эти выпустили по несколько книг, они приняты в Союз писателей, их нередко упоминают в статьях, они уже имеют своих читателей и почитателей.

Это, на мой взгляд, Александр Бобров, Николай Дмитриев, Владимир Евантов, Ольга Ермолова, Иван Жданов, Михаил Зайцев, Григорий Калужный, Надежда Кондакова, Геннадий Красников, Валентина Мальми, Олеся Николаева, Лада Одишкова, Ирина Семенова, Владимир Урусов.

Но поколение это складывалось с запозданием и до сих пор еще не сформировалось окончательно, оно еще пополняется и уточняется. Возникают новые имена, которые с полным правом входят в это поколение. Так, в Костроме зазвучали интересные стихи Виктора Лапшина, а в Куйбышеве — Евгения Чепурных, которые сразу обратили на себя внимание.

И сегодня, представляя в журнале «Смена» новые имена, которые тоже относятся к этому поколению, можно надеяться, что эти молодые авторы скажут в поэзии свое слово, займут свое место в числе лучших.

У них для этого есть все — и жизненный опыт, и талант, и серьезное отношение к работе над словом.

Николай СТАРШИНОВ

ПРОЛОЖЕНИЕ

Александр МАКАРОВ

■
Иди. И не надо прошедшую злость,
Как уголь,
в потухшем костре ворошить.
Увидишь собаку и бросишь ей кость,
И будет собака твой дом сторожить.
Увидишь червя на краю борозды —
Убить не спши беззащитную тварь.
Дыханье дотронься

до света звезды
И тихо читай поднебесный букварь.
Увидишь у облака розовый бок,
И ветер качнет голубую польнь.
Увидишь закрытый татарник-цветок
И взглядом широкое поле окинь.
Сумей это поле душой приласкать.
Сумей сохранить

этот сказочный свет.
Иди. И не надо названий искать
Всему, чему в жизни названия нет.

■
В камышах я увидел нечистую силу.
И я крикнул с испугу:
— Ты что тут стоишь!
Забубнила, забулькала, заголосила.
Передернулась и превратилась
в камыш.

«Это выпь», —
подсказала мне память ребенка.
Это миф о прекрасной высокой
душе,
Что под взглядом твоим стала
веточкой тонкой,
Стала шепотом в этом сухом камыше.

Почему все, что вечно,
и все, что любимо,—
Дом родимый и вешние годы мои,—
Вижу в струйке летящего синего
дымка,
Слышу в лепете вечно прозрачной
струи?

Неужель в этом доме останется
возможно?
Неужель в этом дыме есть место
душев?

Почему за веселую птицу тревожно,
За нечистую силу в сухом камыше?

Нина ШЕВЦОВА

■
В клинской голосистой электричке,
Химки окликавшей с моста,
Видно, по студенческой привычке
Я люблю стоячие места.
Вот опять, по насыпи взмывая,
Нагнетает в тамбуры озон —
Летняя, шальная, кочевая!
Что рюкзак не взял — из сердца вон!
Городишки, пестрые покосы...
И как весть оставленной родни,
Вдоль по рекам столько ребятни...
Все светловолосы и курносы.

■
Когда, воюя, люди землю ранят,
Она, вставая на дыбы между них,
Подобно старой матери, не станет
Себе искать защиты у чужих.
Мать знает, что безжалостные пули
Всегда находят лучших сыновей.
Вот снова братья лица отвернули
И мертвых в сердце зарывают ей...

Валерий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

УРОК ПЕНИЯ

Учитель пения — твой труд.
Одни бемоли и диезы,
Но пели мы, как то же зело,
Когда его стеклом скребут.
Мы убегали, сорванные,
Презрев урок и все октавы
(Наверно, были мы не правы),
Но пели за окном скворцы.
И пели за рекой поля,
И пели развеселым хором —
И облака, и косогоры,
Березы, ветви, тополя.
Мы принимали наш урок —
Где крыши Родины просохли —
Во время музыку проселков
И песни длинные дорог...

ПАМЯТЬ

И польнь через память несет, и
туманы, и проносит, как льдины, забытые
сны —
Это в пепельном поле горит за
домами
Фиолетовый вечер огромной длины.
Я не знаю, что вечер окончится
скоро,
И не верю, что стану когда-то
травой —
И луна все летит и летит, как
осколок,
Из далекой и близкой войны
мирской.
Обойдусь без вранья и красивых
фантазий,
Буду в поле печально
смотреть и смотреть...
Те, кто падали юные, мертвые,
на землю:
Не вернутся обратно — не пустят их
смерть.
Где-то птица кричит.
Перепутались тени.
Нужно душу свою и чужую спасать.
И зовет кто-то вечный к непасковой
теме,
Ну а я не умею об этом писать...

Александр ХОЛИН

■
Не знал я, что гордость виною
Моих неудавшихся дел.
Пытался понять неземное,
Объять необъятный предел.
И вместо того, чтобы верить
В дающее жизнь бытие,
Я штурмом в стакане измерить
Решит непокорство свое.
И думал: подадут века мне
Все то, что они сберегли.
Но даже в стакане есть камни,
Где гибель нашли корабли.

■
Не суди, не ряди, а послушай:
Чем живем мы с тобой, человек?
Неужели красивые души
Зачисляют в арханку век?
Неужель изначальное слово
Расчленено на много частей,
И душе ни приюта, ни кровя
Не оставил пламя страсти?
Место душ заняло равнодушье,
Порождая духовных калек.
Ты не чувствуешь разве удушья,
Если ты еще жив, человек?

ТОПОЛЬ

Обрезали руки ему. А за что?
За то, что железнную рвал паутину
И землю пытался навеки покинуть,
Как мальчик, пришедший в журнал
из лито.
И нынче стоит не урод — инвалид,
Утративший веру в стремление
к небу,
Не знающий, чем бы прикрыться
и где бы
Лекарство достать, ведь душа-то
болит.

Татьяна МАКСИМЕНКО

■
В аквариуме неба хвост кометы
Пролег дорожкой света и тепла...
Созвездья угасающего лета
Озерам ночь на память отдала.
И обретали контуры живые
Века считать уставшие дубы,
И поднимались тучи дождевые,
И под листами прелыми грибы.
И трепетали паутины клочья,
И покрывалась рясково вода,
И за звездой звезда, а ночь за ночь
Летели прочь неведомо куда...
■
Вздохи, смеха и некрасива,
Я влюблена, а потому глупа.
Вы думали — я роза? Я крапива,
И мне не надо праздного шипа.

■
Вы думали — я бойкая синица,
Легко преодолевшая испуг?
Как быстро вам надоедают птицы,
Те, что охотно кормятся из рук!
Вы думали, владычица ночной,
Как мышь летучая, я парю во мгле?
Ну разразите мне, я знаю, знаю,
Как жгутся угли в голубой золе.
Как прорастают на рассвете зерна,
Когда их робко трогают лучи,
Как на земле прохладно и просторно,
Когда над нею кружатся грэчи.
Как ветка ивы, гибкой, серебристой,
Моей щеки касается вплотьмах,
Как истина с известной долей риска
Гнездится в заблудившихся умах.
И до любви, как до другой планеты,
Так далеко по космосу шагать,
Чтоб сноп ее застенчивого света
Для будущих людей оберегать.

Григорий МАРГОВСКИЙ
ОПРАВДАНИЕ

■
Если я ничего не достиг,
То я сам — понимаете? — сам
Отвечаю за свой тарарам,
За фиаско неизданных книг.
Меценатство ничье ни при чем.
Я чужим не обязан звонкам.
И всегда не добился я сам —
Пустоту подпирая плечом!
Не щедроты в щеле разнесли,
Не послузы чертогов златых —
Этот чахлый ковчег, что затих,
Сам себя склонив на мели.
Не пытайтесь мне в чем-то помочь:
Я и так уж во всем преуспел,
Что касается сорванных дел
И намерений, изгнанных прочь.
Не старайтесь меня обмануть,
Ибо это удастся и вам.
Лишь я сам — повторяю — я сам
Безнадежно запутал свой путь.

■
Наконец-то сумел с глазу на глаз
Провести это лето с тобой.
Ты припомнишь мальчишеству
наглость —
И с закусенной ходишь губой.
Но мне кажется все же: заглядь я
Пред тобою и эту вину —
Время по ветру пустят заклятия,
У которых я в давнем плену;
Снова сделаюсь неразговорчив,
Не расслышу призывающих октав,
Удалился, одиночество скорчив
И у тапочек задник стоптав;
Циферблата первогоходца
Я отвагу утрачу с утра:
И сегодняшний день обернется
Послезавтрашим позавчера...

Самое глупое то, что я до сих пор не понимаю, что же именно случилось? И что мне теперь с собой делать?..

Может, потому не понимаю, что объяснить разумно это вообще невозможно?..

А если не понимаю потому, что не хочу понять?

А может, и того проще — боюсь... Боюсь понимать...

В который раз начинаю вспоминать все с самого начала.

Опаздывал я прилично, хотя подводить людей не люблю да и не умею. Сидит во мне что-то и не дает опоздать на любую, самую никчемную встречу. А времена теперь такие, что далеко не во многих это сидит, и потому я обычно всех жду. Но я не расстраиваюсь. Наоборот, даже рад: это не самое плохое человеческое качество. Отсюда и моя обязательность, четкость, а уже одно это может составить человеку репутацию, пусть он и не обладает особыми талантами и хваткой. Если же есть и они, даже в размерах и невыдающихся, поверьте, жить с толком можно.

Но вот на этот дурацкий вечер в школе опоздал. Потому что опоздал нарочно. Рассчитал, когда мое явление народу произведет особый эффект, и уж к этому-то сроку заявился точно. Впрочем, весь народ я в расчет не брал, играл, собственно, на одну Тамарочку. У нас с ней свои отношения, давняя такая игра — мы, мол, без предрассудков возрастных и словесных, во всем на равных, идем по жизни плечо к плечу, помогаем друг другу и совсем не помним, что она — классный руководитель, а я — ученик, пусть и выпускного класса.

А решил я тогда заявиться на вечер попозже, чтобы заставить ее слегка потрепетать: вдруг совсем не приду? Зачем мне это было нужно? Да так — хотелось лишний раз напомнить о себе, обратить ее внимание. Она же в последнее время только об этом вечере говорила, как будто нам больше и говорить то не о чем... И потом, все-таки мне семнадцать всего, имею я право на детские глупости!..

Конечно, обижать Тамарочку я совсем не хотел, и когда уж в зале увидел, как она на меня посмотрела, даже испугался: не перегнул ли? Потом она никакую губку прикусила и, в пол уставившись, мимо меня деловой и устремленной походкой пролетела. Такой деловой и устремленной, что у меня внутри дернуло горячо, как в больном зубе.

Я пробрался, пожмав руки и подмигивая, на первый попавшийся пустой стул, плюхнулся на него и затих, виноватый, скромный. Наши сразу зашумели: чего это я в стороне от них пристроился? А Катя так и запрыгала, словно под ней огонь развел. Я еще подумал: ничего, полезно... И потом только заметил, что занесло меня на место рядом с Третьяковой, чего быть в принципе не должно. Причем я ее сначала просто не узнал — она что-то на себя надела непривычное и, главное, с волосами на голове такое сотворила!.. Светлые кудельки торопились дыбом во все стороны, а раньше у нее голова такая гладенькая была. Я уставился на нее, обалдевший, она вся краской залилась, уши в кудельках пылают, как бумага под хворостом, а сама от сцены глаза оторвать боится и руки в кулак перед грудью скжала, вот-вот туда, на сцену, полетит... А на сцене Паткина под звуки, которые извлекала из пианино Мишустина, вяло докладывала о том, что «есть в осени первоначальной...». Вечер этот назывался соответственно: «Унылая пора, очей очарование...» Когда я Тамарочке несколько дней назад — она как раз с жаром расписывала нам его идею — сказал, что название-то не бывает какое свежее и оригинальное, она ответила, что как раз и хочет, чтобы мы словно впервые задумались над тем, что нам кажется давно понятным, а на самом деле содержит в себе столько неисчерпаемых глубин!..

Тут Тамарочка в зал вернулась, села скромно, демократично, в третьем ряду, среди масс. Стоечка, как у солдатиков, что президентов в аэропорту встречают. Она же у нас красавица... Но сидела она что-то уж чересчур прямо. Я сразу обо всем догадался. Было бы дело только во мне, она бы, наоборот, начала с другими подчеркнуто оживленно переговариваться... А тут чувствовалось иное... Догадаться было нетрудно. Тамарочка на этот вечер ужасно надеялась: почему-то решила, что после него наш класс сольется в едином порыве к светлому и прекрасному, распри позабыв, и дружной, единой семьей будет штурмовать трудности, обрушающиеся на выпускников, и на всю оставшуюся жизнь пронесет в сердцах и душах светлой огни дружбы и единения... Надежды Тамарочки на этот вечер были, как на восьмое чудо света... А наши славные мальчишки и не менее славные девушки, видимо, постарались, доказали, что чудес, тем более восьмых, на свете не бывает. На это они способны. Им и стараться-то не надо, достаточно просто быть собой.

Тамарочка чуть повела головой на шум, плюснувший в конце ряда, и ее напряженно-летящий профиль на секунду открылся мне...

Странно все же, разница в возрасте между нами лет семь — учительствует она после института всего второй год, — но мне порой кажется, что она из какого-то далекого от нас поколения. Поговорить с ней можно так, что сразу ясно: своя. А то вдруг откроется в ее взглядах на жизнь, на отношения между людьми нечто такое ветхозаветное, какая-то нелепая смесь жалостливости ко всем и звенящей искренним восторгом ответственности за все на свете... Да еще чувство долга, воспринимаемое без тени иронии... Остается только руками развести. Сам я не против чувства долга, людей, способных на него, уважаю, но мне-то понятно, что бывают ситуации, когда руководствоваться им уместно, а бывают...

Скажем, нам она ничего не должна вроде — не ей же в институты поступать, но ведь она же до слез доходит, когда у нее уроки не получаются или среди сочинений оказывается много слабых, мучается из-за того, что ее уроки, планы которых она бессонными ночами разрабатывает, не до всех доходят. Так ведь причина не в планах, планы-то могут быть замечательными. Если бы все от планов зависело, какая бы у нас жизнь была!.. Господи, кому надо, не только карманы, но и за пазуху набьют зерна знаний, которые сеет Тамарочка среди нас! Мне, например, вполне достаточно того, что в карманах уместилось, если учитывать мои планы на будущее. Так нет, чувство долга ее трясет, она норовит мне еще подсыпать. Мне не нужно, а она суетится. Но у меня хоть хватает такта и жалости не показывать ей в открытую, что зря она старается. А другие... А Тамарочка страдает. Зачем? Неужели трудно понять, с кем имеешь дело?!

У меня мать, между прочим, такая же. Но она ведь другого поколения, иной закалки, ее не прошибешь ничем. Когда доходишь до «порученного ей дела» — тут стена, железобетон. А Тамарочка же к нам ближе, должна понимать. Но вот поди ж ты...

Я глянул в сторону наших. Катя сразу вздернулась, а потом вдруг жалко, как баба деревенская, губки свои крашеные ладошкой прикрыла. Откуда в ней это, никак понять не могу. Не от мамы же ее — эту я видел. От прабабки какой гены донесли, сберегли, вот и проглянет вдруг в семнадцатилетней девочке восемидесятых годов нашего века темная, забытая, готовая над каждым слезу уронить крестьянка с полотна какого-нибудь передвижника — такое беспросветное горе на лице, такая печаль... Виталик рядом с ней тоже повернулся, по кадыку себя щекнул и подмигнул: присасено, мол. Успокоил. Ну, с этим никакие гены не сладят.

Однажды Тамарочка призналась мне, что бывают минуты, когда она боится нас. «Мне кажется, что вы не знаете пощады. Может быть, потому, что у нас разные представления о добре и зле...» Она грустно, словно извиняясь передо мной за неведомую вину, улыбнулась. «Я понимаю, что это не очень умно звучит, но мне все-таки кажется, что мы были другими в ваши годы. Многие из вас кажутся мне какими-то инопланетянами. Пришельцами! Особенно на какий-нибудь туловище». Тамарочка нервно поежилась. «Я ненавижу это слово! И еще массу других слов, которые вы говорите, меня трясет от них... Но самое страшное — глаза и лица. Это уже страшно по-настоящему... А как вы смеетесь иногда, над чем...»

Я не верил собственным ушам. Ну, нес бы это кто

такой, — сказала. — Пока. Но я не знаю, что будет с ним через десять лет. Не знаю и боюсь. Смотрю на него, когда он спит, такой теплый, смешной, беззащитный, и боюсь. Неужели у него будет такое лицо, такой смех?.. И он будет смотреть на меня пустыми глазами? Ей было действительно жутко, и я подумал, сколько же ей надо сил, чтобы каждый день идти в школу, входить в класс... Может быть, потому она так мучит себя, что считает себя виноватой?

Третьякова вдруг слышно вздохнула: «Ой! Я повернулся к ней, она, видимо, сама не ожидала, что получится у нее выдох вслух, аж вздрогнула от испуга и улыбнулась так жалко, что я отвернулся.

Попал я в этот класс чуть больше года назад. Мать наконец за свою двадцатилетнюю износную службу в конторе удостоилась двухкомнатной квартиры в другом конце города, и перед семьей встал во весь рост вопрос: как быть с ребенком? То есть со мной. До старой школы полтора часа езды в один конец, а вновь переходить, когда уже в девятом классе почти четверть отучился, — страшно. Уточняю: это родителям было страшно, мне — ничуть. Я матери так и сказала. Подумаешь, незнакомые учителя. Что они — не люди? Такие же. Может, и поприятнее. Отец, как обычно, отмалчивался до последнего — то ли просто не решался вступать в разговор после того, что у нас с ним было, — потом вдруг вспрял, по обыкновению повернув все в другие ворота.

— Ну, учителя ладно. Есть голова на плечах — никакие учителя не страшны. А ребят не боишься потерять?

— Каких ребят? — не сразу сообразил я.

— Друзей своих школьных, товарищей, — уточнил отец, копаясь сосредоточенно кисточкой в банке с застуженным kleem. Верный признак того, что говорит о серьезном. У него всегда так: чуть что важное обсуждают, что и его волнует, обязательно какую-нибудь дребедень в руках начинает вертеть, рассматривать ее, будто ничего сейчас важнее для него нет, и голос такой летучий становится, как будто ветерок в окно с улицы доносит, не всегда разберешь, о чем речь. И сразу в голосе слышится безнадежность, готовность уступить.

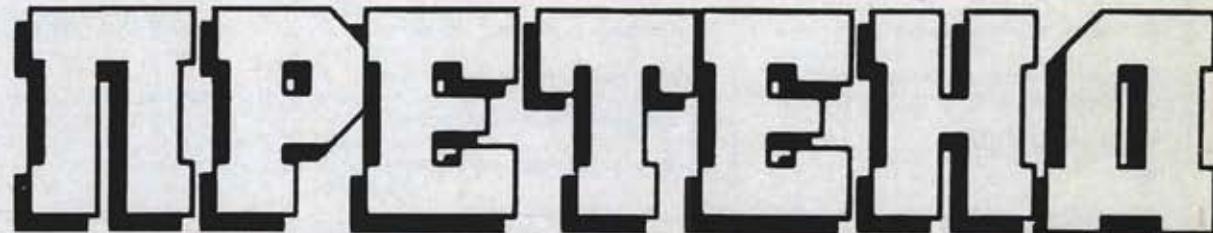
— Уедем далеко, телефона там нет, — вяло бормотал, надолго вдруг замолкая, отец. Клей он уже оставил в покое, взялся за рукописи, которые принесла мать накануне. — В городах сейчас люди пропадают без телефона... А если еще живут в разных концах... А тут все-таки друзья детства... Уйдешь из школы, так и затеряешься... Не жалко?

У отца этот пункт — друзья детства, одноклассники-однокашники, переулки, в которых гонялись друг за другом, играя в «казаки-разбойники», стыкались двор на двор, какие-то столовки и пивнушки, где гремели студенческие споры — я так и не разобрался, о чем, — бойцы первых, самых первых — здесь отец щурится, смотрит в окно, обязательно начинает улыбаться — стройтрядов...

Я ему тогда и выдал. И так складно, потому что накопилось — столько я про его одноклассников-однокашников наслушался.

— «Ребята из нашего класса!», «Парни с нашего курса!» — торжественно провозгласил я. И, кажется, даже руки воздел в восторге. — Ну и? Дальше что?.. Да разве ты сам их выбрал из миллионов двуногих?.. По собственному желанию?.. Мать привела тебя за ручку именно в эту школу, звучу, составляя списки, сунул именно в этот класс. Завуч — господь бог! Живи

Игорь СЕРКОВ

другой, я бы только ржал про себя от восторга, а тут — Тамарочка, свой человек...

«А ваши родители? Сколько их приходят ко мне и просят помочь. Они смотрят на меня, плачут, а мне нечего им сказать. Как им объяснить, почему вы становитесь такими и в чем их вина? Раньше мне казалось, что я знаю, что ответить, а теперь...»

Тут я несколько пришел в себя и спросил: «А как же ваш сын? Ведь он тоже скоро вырастет...» Но она была готова, она даже, по-моему, ждала этого вопроса, наверное, часто задавала его себе. «Он не

с тем, что он избрал для тебя... А может, тот, кто мог бы быть действительно единственным другом, сидит за стеной в соседнем классе, а ты даже не подозреваешь о его существовании? Тебе это не приходило в голову? А вдруг за стеной даже не он, а она! Единственная!.. — Здесь я вроде бы даже запел. — А по воле завуча рядом с тобой мымра, на которую и смотреть не хочется? Что же, покладисто выискивать в ней несуществующие достоинства.. Ну уж нет! Это не для меня. Обманывать сам себя я не собираюсь. Почему бы не попробовать ткнуться в другую

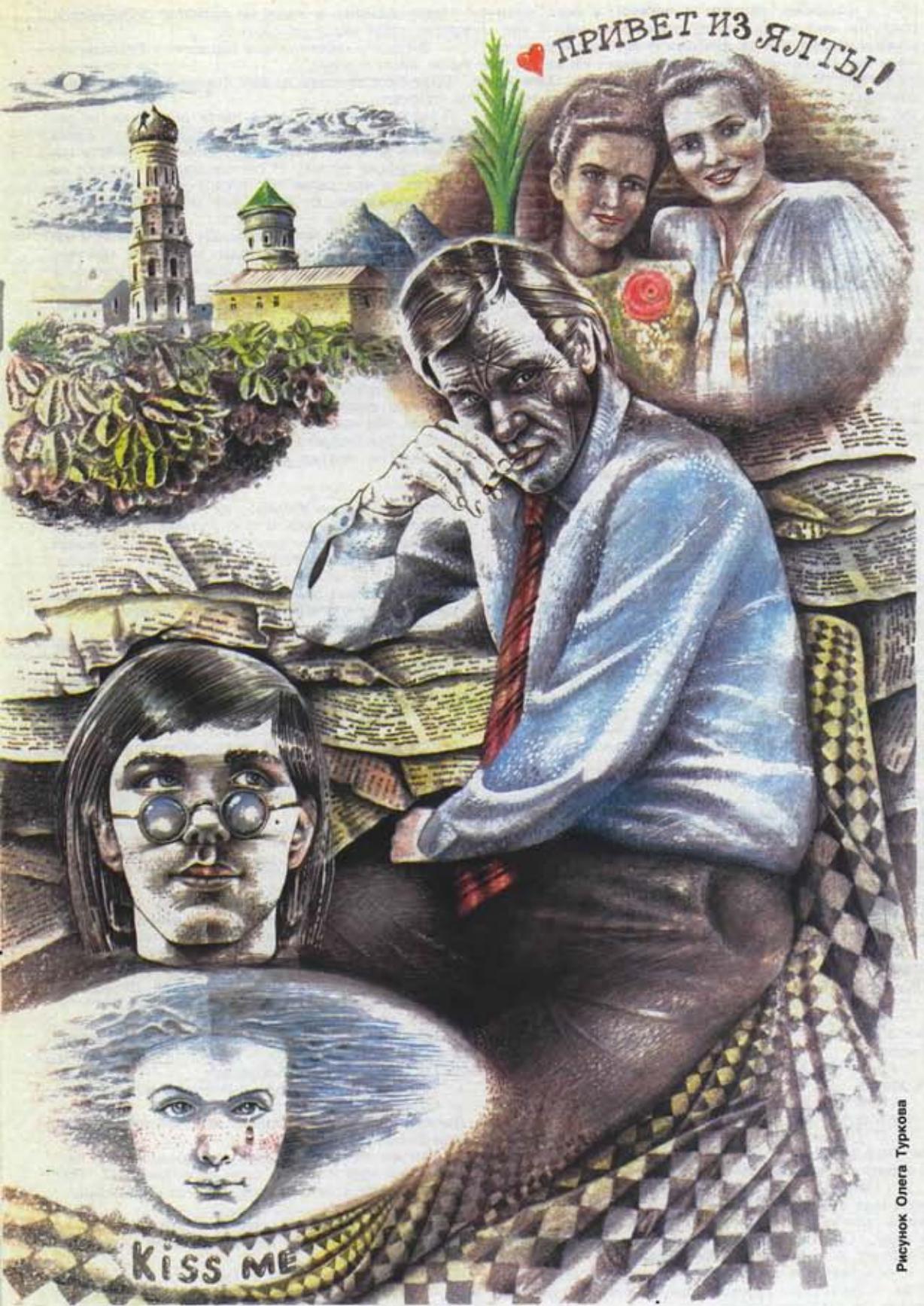

Рисунок Олега Туркова

ЭКС

группу двуногих: может, удача именно там?.. Я готов рискнуть, понимаешь?! Чтобы потом не изводить себя всю жизнь: а что было бы, если бы...

Тут мой запас отработанных пассажей иссяк, а отец вдруг тихо произнес:

— Ты знаешь, друзья — это не просто взаимная симпатия. Друзья — это совместное прошлое... Это совместно прожитая жизнь, которая уже не только твоя, а ваша... общая... Понимаешь, это прошлое уже не изменишь, оно всегда будет таким, какое есть. А ты в нем с теми, кто был с тобой... Это связывает.

И новым двуногим, какими бы прекрасными они ни были, туда уже не попасть... Теряя старых друзей, теряешь свое прошлое. А без него неуютно, холодом дует...

Похоже, он тоже говорил вещи, им самим про себя уже давно и не раз произнесенные. Не знаю, вник ли он в мои слова, а я, хотя и запомнил, что он говорил, только теперь начинаю понимать, что он сказал...

Отца последнее время явно тянет ко мне. Я вижу, как хочется ему, чтобы я был откровенен с ним в ответ на его откровенности. Он тянется, ничего не может с собой поделать, даже нарываясь на мою грубость, терпеливо сносит мое досадливое молчание — я часто даже не поворачиваю голову, когда он входит в мою комнатенку, увшанную плакатами — он уходит и возвращается опять... И в то же время он опасается меня, боится, что посмеянь над этой запоздавшей тягой, которая стала так сильна в нем... И правильно боится. Я научился во всех своих делах обходиться без него, умею жить без него, и он сам виноват в том, что это произошло.

Мой отец страдал болезнью, насколько мне известно, поразившей многих из его поколения, — его ма-

нила Сибирь. Он был строитель и почти не жил с нами. Ему было тесно и скучно в городе, где он родился, где жили его жена и сын, он хотел участвовать в событиях эпохальных, месить и переустраивать землю своими руками, а мать не могла быть рядом с ним, как истинная боевая подруга, — ей был противопоказан климат тех мест, куда забирался отец. Она его понимала и никогда не удерживала. Зато какие письма он катал ей, пожираемый гнусом, скрюченный нечеловеческими морозами! С каким выражением зачитывала она мне куски из них! Помню, например: «Люди здесь разные. Есть такие, что, как пираты, гребут и тащат под себя. Сознания у таких ни на грош — не щадят никого, ни людей, ни зверье, ни птицы, ни природу. Лишь бы урвать свое, взять, что можно, подчистую — и поминай как звали... Но сколько здесь людей совсем иных, людей удивительных! Людей бескорыстных, отдающих все, чтобы подарить этим суровым местам тепло...» Не уверен, что ради подобных открытий стоило забираться столь далеко — людей разных и у нас хватает. Но мать его понимала. Когда я стал постарше, она говорила мне, что есть порывы, от которых человека нельзя удерживать, иначе он ломается на всю жизнь и становится несчастен. Понять эту метафизику мне было не по уму, и я просто выучился жить без отца.

А вот теперь его, видите ли, потянуло ко мне.

Кстати, сибирская эпопея закончилась провалом. Какие-то деятели, подчинявшиеся отцу, нарушили технику безопасности — в неразберихе пусковой стройки стали распылять краску пульверизаторами в помещении, где их категорически запрещалось использовать, занялся пожар, отец, прибыв на место, полез в огонь, его подмяло балкой, размозжено вдребезги правую ногу, пока его вытаскивали, у него здорово обгорела спина. Он потом долго лечился, его не судили, потому что жертв не было, если не считать его самого, а тихо проводили на пенсию по инвалидности.

Недавно же я узнал, что приказ работать пульверизаторами отдал друг отца, его однокурсник по институту, с которым они вместе мотались по Сибири все эти годы. Так что совместного прошлого у них было хоть отбавляй. Этот деятель по-прежнему там, сделал солидную карьеру. «Он организатор, каких поискать, я просто люблюсь на него!» — писал как-то матери отец — но после истории с пожаром они не встречались. Этому человеку было бы очень тяжело с отцом. Забыть, постараться забыть, ничего не знать о нем, а для этого не видеться, оказалось легче и полезнее для жизни и продвижения наверх. Его можно понять. Видеть постоянно человека, который спас тебя, прикрыл, а сам пострадал, думать все время о том, чем ему отплатить, мучиться бесконечно своей виной — такого никому не пожелаешь. Этот психологический нюанс мне растолковала мать. И вид у нее при этом был такой, что вертевшийся у меня на языке вопрос: «А то, что отец испортил свою жизнь, — это как? Нормально?» — я так и не сумел задать. С матерью у меня часто так — я останавливаюсь, потому что слишком хорошо вижу, как ей будет больно от моих слов, в которые я не вкладываю никакого особого смысла. И я молчу.

А как-то раз мне пришла в голову занятная мысль: если бы отец вернулся удачливым победителем — звания, награды, должности, признания, перспективы, — что тогда? Я честно задумался... Думаю, меня бы тянуло к нему. Молодые любят успех, высоко ценят удачу и признание. Родители, помните об этом! Мы так устроены — что тут изменишь? Вам остается только учитьывать это.

Но надо отдать отцу должное — он никогда не предъявлял мне претензий. Не жаловался дрожащим от обиды голосом, не донимал попреками в неблагодарности и холодности — этим проклятием, которое налагают родители на своих детей, достигших более или менее разумного возраста и какой-то самостоятельности, обнаруживших в жизни свои, отдельные от родительских интересы.

Правда, как-то не вынесла мать. Он мне что-то посоветовал, а я сказал, что меня мало интересуют его советы. Не надо меня учить. Я сам разберусь. Самостоятельно. Я уже давно привык к тому, что во всем нужно разбираться самому. Вы меня приучили жить своим умом. Пока ты вершил трудовые подвиги вдали от дома, я тут сам разбирался, что к чему и что почем!..

Когда отец прохромал из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь, мать повернулась ко мне.

— Почему ты так с ним разговариваешь?!

В ее голосе были боль и смятение.

— Как? — поинтересовался я.

— Почему ты так с ним разговариваешь? — Она с усилием раздвигала подрагивающие губы.

— Да как в конце концов? — зарыдал я. Заорал ненужно громко, потому что понимал, что виноват.

— Так. Ты сам прекрасно знаешь как, — вдруг совершенно спокойно и подчеркнуто сухо сказала она. — И не притворяйся дурочком. Глупо считать, что весь мир виноват перед тобой.

— Я про мир, кажется, ничего не говорил, — пробурчал я. — Если он не виноват, то уж я тем более.

— Не виляй,— резко сказала мать.— Сейчас ты виноват и прекрасно знаешь это сам.

— Ну нет,— завелся я.— Ничего я не знаю. Я не знаю, например, почему вы все время учите меня, лезете со своими советами?

— А тебе это кажется странным?

— Представь себе. Ведь для того, чтобы учить, нужно иметь на это право. Понимаешь — право!

Мать искренне удивилась:

— А ты считаешь, что у нас его нет?

— А чем вы его заслужили? Можно подумать, вы прожили изумительную жизнь! Что вам нечего стыдиться! Что все вокруг прекрасно и удивительно, и вам осталось одно — научить всему, что вы умеете, других. Нас. А чему вы будете учить? Чем вам гордитесь?.. Посмотри, что делается вокруг. В какой мир вы нас сунули?.. Да еще требуете теперь благодарности. За что? Требуете, чтобы вас с благоговением слушали. За какие заслуги?

— Ты... мы...

Я вдруг представил, как ей плохо, и мне стало не по себе.

— Мама,— сказал я,— я все знаю. Было такое время, а против времени не попрешь.

— Неправда,— прошептала она.— Неправда.

— Правда,— как можно мягче сказал я.— Наверное, нам повезло больше, чем вам... может быть... Но вы хоть не мешайте!

— Неправда,— упрямо повторила она. И ушла. К отцу.

...Из спортзала, который в нашей школе располагается рядом с актовым, через стену донесся буйный, ритмичный рев динамиков. Он тут же испуганно стих, но унять публику в зале, которая с первыми же его звуками пришла в неудержимое волнение, было уже невозможно. Народ сразу окончательно отключился от всего, что творилось на сцене,— ведь в спортзале уже все приготовили для дискотеки.

В общем, ясное дело, доводы отца меня остановить не могли, и в начале девятого класса я оказался в новой школе, в новом классе.

Сначала я присматривался. Не спеша. Хотя никаких загадок класс, куда направил меня очередной завуч, взявшийся играть в моей судьбе роль господа бога, в себе не таил. Класс был как класс. Двое спортсменов, несколько гениев, самостоятельно штудирующих институтские учебники и находящих в них неточности. С ними было неуютно. В спорте я абсолютный любитель, а гении были заняты только своими увлечениями, вспретав в которые я не собирался — не хватает только комплекс неполноценности себе завести. Ну, представьте себе сами. Я какой год уже долблю английский, когда я дома, «Radio Moscow» у меня в комнате не умолкает, прекрасный метод, очень развивает словарный запас и интонацию, а язык я знаю все равно посредственно. А Лабоданов, один из гениев-гуманистов, мне как-то бросает несколько слов по-французски. Небрежно так. Я, естественно, в ответ: «Пardon, месье, но я вас плохо понимаю». А он на меня уставился: «Ты что же, «войну и мир» не читал?» «Читал, — говорю, — только при чем здесь она?» «Так там же, — как маленькому объясняет он мне, — все время текст французский, а внизу перевод!» «Ну, и?..» — «Ну, сравниваешь все время, где-то к концу первого тома уже многие начинаешь сам понимать. А там остается только грамматику подучить...» Вот так! Куда нам, серым, до них! Да и вообще мы по другому профилю...

К кому пристать, я определил быстро. Была там одна компания, человек шесть, а вокруг них вились еще, как москвы рядом с лампой, несколько непосвященных прилипали на птичьих правах, вроде Ванеевой, которая в последнее время корчит из себя великую доставалу — и то могу сделать, и это... Нашла способ стать своей.

А пристать к этим ребятам, которые коротко говорят: «Наши» — и никому не надо объяснять, о ком идет речь, я решил вот почему.

Ну, о том, что я человек со способностями в размерах невыдающихся, речь уже была. Склонностей к науке не имею, руки не крюки, но и не золотые, вот и найди тут, чем заниматься в жизни, чтобы не прийти к тому же итогу, что и отец, потому что ничего не боишься больше этого. Успех! Мне нужен успех в жизни! Не машина, не дача, не шкафы, разламывающиеся от тряпок, не аппаратура. Мне нужно дело, в котором я добьюсь многоного, в котором я выдвинусь, которое в конце концов принесет мне все, что нужно. Только мы же в школе почти не знаем жизни, чтобы искать в верном направлении. Но одно я знаю верно: я могу управлять людьми. Во-первых, неплохо в них разбираюсь. Во-вторых, — крайне важно! — справедлив и неизвестлив. То есть честно могу оценить способности окружающих, могу выслушивать спорящих и способен на решения. И еще я терпеть не могу беспроковщины. Ведь меня просто бесит та неразбериха, что творится на работе у матери.

Понятия пока не имею, где конкретно найду такую работу, но знаю, что для нее нужны связи, нужен круг знакомств, нужно знать выходы на нужных людей. Так

хотят, в компании, которую я выбрал, у всех ребят родители многое добились, стали большими в масштабах нашего города людьми. Я со своими родителями был среди них в общем-то чужим... Но меня это не пугало. Я знаю, как ладить с людьми. Одни из компании, Виталик, например, меня устраивали меньше, другие, Валька Зубков, больше, но во всех чувствовалось самое нужное мне: они были уверены в своем будущем, знали, что у них все будет, как надо. Словом, мне было с ними по пути. И потом среди них была Катя...

Она смотрелась среди «наших» как-то отдельно. Все больше молчала, и лишь со временем я разобрался что к чему. Ей было попросту скучно с ними. У нее все было. Она не представляла жизни без просторной квартиры, дачи, машины. Ей надоело менять тряпки, уши ломило от музыки, а в глазах рябило от «видео». Она объяснялась всем, о чем другие пока только мечтали, и потому вдруг принялась задумываться о жизни. Как ребенок, у которого никаких забот — сплошные «почему?». Но я не сразу понял это. Сначала ее вопросы ошарашивали меня.

— Слушай, а ты не боишься, что эта Третьякова в тебя влюблена? — говорит она, а сама смотрит вниз, туда, где носок ее сапога колотит нетерпеливо по подернутой ледком луже.

— А чего мне этого бояться? — удивляюсь я.

— Ну.. А ты знаешь, как это тяжело — выносить чью-то любовь, когда ответить на нее ты не можешь? У нас во дворе живет один, я просто из-за этого во двор выходить боюсь... Когда он на меня смотрит, жалко так!. Б-р!..

Потом она как-то затащила меня на свою дачу — демонстрировала, как умеет водить машину, ее отец натаскивает. Мы гоняли по извилистым пустынным улицам, она только усмехалась и прикусывала губы на сложных поворотах, потом вдруг:

— Слушай, а ты не боишься со мной разбиться?

— А сама смотрит, прищурившись, вперед.

— Не знаю, — мямялю я. Мне действительно такое и в голову не приходило.

— Вдвоем, это бы еще ничего, — рассуждает она серьезно. — Я думаю, самое плохое — если один останется в живых... Представляешь, каково ему будет, а?

После этой милой прогулки она затащила меня в какую-то каморку под лестницей, заваленную какими-то громадными размеров книгами в фиолетовых переплетах, устраивается прямо на них, раскладывает на коленях фолиант и без слов утыкается в него. Делать нечего, я пристраиваюсь тут же, беру неподъемную книгу, открываю. Оказывается, это послевоенные лет журналы, собранные в подшивки и переплетенные. Катя отрывается от своих, поднимает на меня глаза:

— Жутко интересно, ага?.. Я тут иногда целыми днями торчу... Странно, люди как будто совсем другие. По-моему, сейчас таких лиц не бывает.

— Просто одеты по-другому.

— Да нет, ты посмотри. Сейчас мода почти такая же, а все равно — лица, глаза... Нет, сейчас таких не бывает.

— Да что не бывает, если это наши родители в молодости!

— Как ты не понимаешь!..

Ну я потом просто она посыпает меня в нокаут:

— Я у одного писателя тут прочитала... Он говорит, что верит не только в то, что человек выстоит, а верит, что человек восторжествует... Ты — веришь?

Я?! Откуда мне знать, верю ли я в это, если я об этом еще и не думал. Я, конечно, бормочу, что надо знать точную ситуацию, что он конкретно имел в виду... Она смотрит на меня во все свои глазищи и молчит. А я чувствую себя ослом.

И все-таки только со мной она говорила обо всем этом. В разговоры других только лениво вставляла ничего не значащие слова.

...А народ, уже не скрываясь, внаглу тек в спортзал. Тамарочка еще оборачивалась, когда заскрипели первые освобождающиеся стулья, а потом сидела мучительно неподвижно, словно и не замечая ничего вокруг. Третьякова тоже застыла, а сначала, ничего не понимая, вертела головой. На сцене, видя, как катастрофически пустеет зал, вдруг засуетились, зашли, комкая стихи, путая строки.

Тамарочка могчала. Третьякова ойкала, когда случались ошибки особо нелепые, а потом испуганно вздыкала.

А на экране со всей быстротой, на которую были способны пальцы «киномеханика» Виты Штурлака, прыгая и дергаясь, менялись слайды. Вообще-то Тамарочка для него достала какие-то особые, неописуемой красоты, но Виты забыл их дома и теперь гнал те, что нашлись в коробке «Ботаника. 6-й класс».

И когда, наконец, обе ведущие хором объявили, что первая часть вечера закончена, народ снялся со своих мест дружно, как стая птиц, в середину которой бросили камень, десяток стульев повалились на пол, а в дверях возникла порядочная давка.

Сидеть остались только трое: Тамарочка, Третьякова и я...

Наши, конечно, в толпу не полезли. Посмеиваясь, ждали, когда народ рассосется.

— Заснул? — крикнул мне Виталик. — Вставай, пешок пропел давно...

Тамарочка опустила голову. Третьякова вдруг начала краснеть.

Я встал, боясь, что иначе поток остроумия, обуревавший Виталика, ничем не остановишь. Катя молча смотрела на меня. Глаза у нее, конечно!.. Как у лошадки лучших кровей. Я сделал вид, что ничего не понимаю: а что, разве что произошло? Катя вздернула подбородок. В дверь уже можно было пройти...

Вечер был — обычный школьный вечер. Пилила музыка, освещен был только один угол зала, где пристроился с аппаратурой Ян Цапенко, наш домашний диск-жокей. Толпа ритмично вздрогивала, мало обращая внимания друг на друга. «Каждый самовыражается!.. Как может и сам по себе!» — лютовал в своем углу Ян.

Виталик с Валькой тут же потащили меня в раздевалку, где у них была запрятана бутылка сухого. Мы к ней приложились втроем, Валька, конечно, заявил, что нужно девицам предложить, побежал за ними и пропал. Мы выпили еще по глотку и тоже побрали в зал, доносящиеся до нас звуки народного веселья. Виталик прятал бутылку и потому несколько поотстал.

И тут в коридоре я увидел их.

Они стояли, сбившись в кучу у стены. Было темно, и потому я не сразу разобрал, кто это. Подойдя поближе, разобрал: Ванеева, Мишустина, Паткина. Я подумал, что они выбрались из зала покурить, но тут заметил за их спинами торчащие дыбом кудельчики Третьяковой и засомневался. Курить в кружок — занятие не для Третьяковой.

Рев музыки смолк, и в рухнувшей на нас тишине я услышал голос Ванеевой:

— Нет, девки, она же у нас теперь всех кавалеров отбьет. Где уж нам рядом с такой красавицей!

— Да уж, ни одного не оставит, — хихикнула Мишустина.

— С такой прической! В таком платье!.. Повешусь с горя! — причитала Ванеева.

— То-то, я смотрю, никто ко мне не подходит, — с усмешкой сказала Паткина. — Обидно же, а, девочки!

— А еще говорят, не родись красивой... А мы, дурнушки, теперь пропадай!

Как им было весело! Они просто задыхались от собственного остроумия!

А Третьякова стояла, вжалась в стену, и смотрела на подпрыгивающих от возбуждения девиц с ужасом и непониманием. Она явно не понимала, чего они хотят от нее, что им не нравится, но ей было страшно, потому что их вид не сулил ничего хорошего.

— Что делается! — повис на мне сзади Виталик. — Во дают бабы!

Парень он здоровый, и я чуть не упал.

— Слушай! Красотуличка! — взвилась Ванеева. Она уже не говорила — шипела. — А ты хоть в зеркало на себя смотришь иногда? Любушешься?

— Или глазки закрываешь, чтобы не ослепнуть?..

— От такой красоты!

Ванеева повертела головой, ища что-то глазами. Потом восхлинула:

— Там же зеркало большое есть, девки! Надо же, чтобы наша красавица на себя полюбовалась... Пойшли, принцесса, я тебе покажу, на что ты похожа!

— Полюбушься!

— Жалко фотоаппарата нет запечатлеть!

— Что ты, тут только слайды годятся! — присвистнула Мишустина.

— Ну пошли, полюбуйся! Не бойся, останешься жить. — Ванеева скватали Третьякову за руку, та испуганно скользнула. — Да не трясишь ты так... Слушайте, девки, ее не сдвинешь!.. Сильная такая...

Третьякова, беззвучно плача, вырывала руку. Они подступили к ней вплотную.

— Тебя что — на руках нести?

— Давай-давай, пошевеливайся...

— Или с тобой по-другому поговорить, раз ты человеческого языка не понимаешь?

А она только могла отталкивать тянувшиеся к ней руки... И лицо... У нее было лицо смертельно испуганного ребенка, которому хочется кричать от страха, а кричать он боится, потому что чувствует, что этим он только еще сильнее озлобит своих обидчиков. И он молчит... Молчит, хотя ему страшно, как никогда в жизни...

— Ох, навешают они ей сейчас. — Виталик совсем навалился на меня. — Бабы же сейчас лютые пошли, отделяют — будь здоров.

О том, что девочки сейчас дерутся, я знал не хуже него. В старой школе они устраивали дуэли чуть ли не регулярно. Такое повальное увлечение было, модное, престижное развлечение. Могли просто собраться втроем-четверым и отдалать одну — не то сказала, не так посмотрела. Да и в этой школе драки между ними случались. Но к десятому они вроде бы этой

заразой уже переболели, посолиднели. И вот на тебе, вспомнили былое...

Я пропустил момент, когда с лицом Третьяковой что-то произошло. Оно вдруг стало другим. Не лицом затравленного ребенка. Она вдруг сама улыбнулась, зло, с вызовом. Она теперь смотрела на девок словно бы даже с интересом. Ей словно было любопытно смотреть на них, любопытно и смешно. И совсем не страшно. А они вдруг прижухли...

— Брэз! Бэрз! — завопил за моей спиной Виталик. — Девицы, каждая шаг назад! По правилам! Гонг!.. Большой палец вверх! — радостно гоготал он.

Его кулак с оттопыренным пальцем прыгал перед моим лицом.

Я еще успел подумать: смотри ты, еще помнит что-то из истории Древнего Рима. Палец вверх — жест зрителей, милующих побежденного гладиатора за хорошо проведенный бой. Жест, дарующий жизнь...

Только тут они все и заметили нас. Третьякова вздрогнула, лицо ее исказилось. Она снова была до смерти, до потери голоса испуганным ребенком. Она склонилась, словно мы собирались броситься на помощь ее противницам и обрушить на нее свои кулаки.

А Виталик уже с улыбкой и смехом оттаскивал от нее девчонок.

— Ладно, живи, — махнула рукой Ванеева. — Только на глаза мне слишком часто не попадайся.

А Виталик все подталкивал их в спины, словно сгребал в кучу, не давая обернуться, припевал безмятежно:

— В пляс, девицы, в пляс...

Я прошел мимо Третьяковой следом за ними.

Потолкавшись с полчаса в темноте и духоте, я снова выбралась в коридор. Катя куда-то задевалась, а я все хотел ее найти, больше ни к кому не тянуло.

В коридоре ее тоже не было. Кто-то сидел недалеко от раздевалки на гимнастической низкой скамейке, втиснувшись в стену. Разобрать было невозможно. Я подумал, что, может, это Катя уединилась от всех, на нее это похоже, и двинул туда.

Это была Третьякова.

Она сидела, неудобно высоко задрав колени, положив на них голову. Кажется, она тихо раскачивалась из стороны в сторону — так укачивают боль в зашибленной руке. Одна.

Скамейка была длинная, а она сидела с самого края.

Еще бы секунда, и я бы сел рядом с ней. Ужас!.. Жалко ее было безумно, но что я мог ей сказать? Чем успокоить?.. И потом я вспомнил, как она осела вся, увидев нас с Виталиком. Наверное, ей было особенно невыносимо, что мы все видели и слышали. И самым страшным показалось, что мы сейчас тоже начнем издаваться надней... А ведь как она готовилась к этому вечеру! Как страшно было ей смотреть на себя в зеркало в парикмахерской, где равнодушная девица-мастер без всякого интереса, с холодным безразличием кромсала ее волосы. Как ей отчаянно, до слез не понравилась ее прическа сначала, как она боялась встать из кресла, а еще больше выйти на улицу... А потом дома, когда уже чуть пообыкли, показалось, что вроде бы даже и ничего. Потом она оделась, как придумала еще неделю назад, и пошла на вечер...

С меня было достаточно. Вполне.

Я повернулся и пошел по коридору. Потом я оказалась на улице, тут же подкатил автобус, и я сел в него.

А дома было тихо.

Отец работал за столом, на котором бумаги матери возвышались сугробами. Ее бумаги! Все эти брошюры, монографии, рефераты, с которыми она неправлялась на работе и которые хозяйственными сумками тащила домой... Вся моя жизнь прошла среди них. Когда я попадаю в жилища, не заваленные до потолка бумажным хламом, мне становится не по себе.

— А мать задерживается! — бодро окликнул меня отец. — Ох, уж эта мне ее работа! Есть не хочешь?.. А может, чаю?.. Он уже и ногу большую, вытянутую под столом, засуетившись, принялся высвобождать, отодвигаясь от стола вместе со столом, готовый сам тащиться на кухню, ставить чайник.

Этого еще мне только сегодня не хватало — задушевных чаепитий вместе с ним!

— Да не хочу я ничего.

Не найдя тапочек, я в одних носках прошлепал в свою комнату и закрыл дверь.

Я знал, чего он засуетился. Сколько раз я уже ему выкладывал, что ненавижу эту работу, вытягивающую из матери все силы. Сколько живу, столько и слышу: то гонорар ее авторам срезали, то бумагу ее отдельно в последнюю очередь, то типография подвела, то руководство попросту забыло о ее материалах. А она тянет и тянет этот воз, передыхая только на нашем старом диване во время сердечных приступов, когда ей доставалась за «плохо организованную работу отдела». Потом она поднималась и... «Сынок, в моей картотеке десятки авторов. Это самые способные и обещающие люди в своей отрасли. Благодаря моей работе они получают информацию о деятельности друг друга. А другие узнают, чего достигли они... Неуж-

то это так трудно понять? Я тебя не узнаю, сын». Зато я ее узнавал во всем блеске.

А потом вернулся отец. Уже окончательно — тихий, со слабой улыбкой, ни во что не вмешивающийся. Скоро его уложили в больницу, и мы с матерью стали навещать его.

Помню, было уже совсем тепло, мы сидели на скамейке во дворе, отец, в своем вылиннявшем больничном халате выглядел и без того неважно, казался совсем бледным и хильм среди мясистых, жирно блестящих листьев сирени, достававших до наших голов. Солнце сквозь дыру в листьях было ему прямо в лицо, и я ясно видел, как приятно, как сладостно приятно ему ощущать кожей его тепло. Он сидел между нами, сидел спокойно, откинув голову, потом беспокойно заерзal и стал все ближе придвигаться ко мне. Я испугался, что ему стало плохо, но он вдруг успокоился, лицо его снова разгладилось. И только тут я сообразил, что он попросту устраивался так, чтобы сдвинувшееся солнце вновь попадало ему прямо на лицо... Покоритель северных просторов!

Вернувшись домой, он вдруг пристрастился часами просиживать у окна. Раз сказал матери:

— Раньше я носился за всеми, а теперь я на одном месте, а все бегут передо мной... Ты понимаешь, вот эта ветка клена, дотянувшаяся четвертого июля до нашего окна, один этот лист зубчатый «дают мне сегодня не меньше, чем тогда гектары тундры и болот... Но и они были нужны мне... Я не мог без них... Просто всему свое время... У Пушкина об этом гениально...

Слышно его было плохо, мать тоже отвечала что-то невнятное, я только уловил, что ласковое и сочувственное.

Матери он помогал в ее работе и раньше, а потом уже втянулся так, что не оторвешь. Меня это бесило. Я вдруг вскочил и бросился из комнаты.

Отец удивленно и растерянно посмотрел на меня, а я начал уже в дверях:

— Ты можешь объяснить мне одну вещь?

— Попробую.

Он все шутил!

— Так вот... Мать всегда работала ночами. Сколько я себя помню. Ты был там, а она работала тут. И я долгое время был уверен, что так надо, что так и должно быть... Правда, у меня появлялись подозрения — когда она возвращалась с работы без сил, а я сломя голову тащил ей валерьянку, за которой всю жизнь бегал в аптеку. А меня уже давно тошнит от этого запаха, выворачивает! Я его ненавижу!.. А сейчас уже требуются штуки покрепче, их без рецепта и не отпускают...

Он слушал. Это он умел — слушать других.

— А потом вернулся ты... И ничего не изменилось. Кроме того, что ты сам стал ей помогать. Каждый вечер, все выходные вы обсуждаете, что творится в ее отделе, как безобразно ведет себя ее начальство. Она жалуется, возмущается, плачет, а потом снова тащит сумки этих проклятых рукописей и гравюр, и вы вместе с ней работаете. Но ты же понимаешь, что помогаешь ей делать чужую работу, не получая за это ничего. Если не считать выговоров и наказок... Ответь мне: зачем?

— А ты хотел бы, чтобы я спал, когда моя жена работает, хотя я могу ей помочь?

— Нет, — помотал я головой. Так просто он сегодня от меня не отделается. — Нет. Я предпочел бы, чтобы вы вместо этого пошли в кино. Или просто прошли по улице. Или посмотрели телевизор, в конце концов. Что хотите — только не это. Я уже не могу это видеть!.. Не понимаю вас. Зачем вам это?.. Ты что, думаешь иначе нельзя? Что работать можно только так?

— Да нет, почему же? Можно. Другим... Тебе, например.

— А ей, выходит, нельзя... Почему? Кто ей может запретить?

— Никто, — сказал отец. — Никто, если не считать ее самой...

— Ах, вон оно что! Ну-ну...

— Чтобы сделать то, что ты предлагаешь, ей придется бы... — он медленно, аккуратно подбирал каждое слово, — пришлось бы ломать себя. Слишком многое ломать в себе. Ломать то, чем она только жила столько лет. А ради чего? И что взамен? Что же нужно взамен, как ты считаешь?.. Человеку нужно чем-то жить... И потом ты же сам столько раз говорил с ней обо всем этом, неужели так ничего и не понял?

— Я-то понял, это она ничего не хочет понять.

Отец улыбнулся, улыбнулся чуть ли не с гордостью. Я прямо взвился.

— А почему ты не попробовал ей это объяснить? Почему ты только помогаешь?.. — Меня всего трясло... Это же твоя жена. Ты посмотри на нее! Просто посмотри повнимательнее. Хоть раз повнимательнее. У нее же круги в пол-лица под глазами, руки трясутся и сердечные приступы!

Он помолчал, а потом сказал:

— Ей нужно, чтобы все это выходило. Она готова за это платить... даже здоровьем...

Ах, вон оно как! Уже и плату определили.

— Ладно, — стараясь быть посложнее, сказал я, — ладно. Ей это нужно, и она готова платить здоровьем. А нужна ли вся эта макулатура еще кому-нибудь? Ответь мне тогда на это. Ведь если бы была бы нужна, ей, наверное, создали бы другие условия?

— Ты еще много не знаешь.

— Например?

— Например, не знаешь, что очень многие дела движутся не благодаря чему-то или кому-то, а вопреки... Вопреки людям, обстоятельствам, отношению руководства. И все-таки они делаются, потому что есть люди, которые хотят, чтобы они были сделаны... Да, условия у нее неважные, но ведь она делает все это, выпускает свои...

— Знаю — брошируй! — Я вложил в голос всю ненависть и раздражение, накопленные за годы, к этому слову.

— Не только, — рассудительно поправил меня отец. — Она выпускает не только их. И люди ей благодарны... А условия — для нее это вопрос второй. Она хочет, чтобы доверенное ей дело делалось, несмотря ни на что! Может быть, ты когда-нибудь и поймешь, что в трудностях есть свои достоинства. Бороться и преодолевать интересно. Вы считаете, я не смогу, так нате — получите. И когда у тебя получается, несмотря ни на что... Это... Это удовольствие из редких. — И он засмеялся. Засмеялся с удовольствием.

А я вспомнил, каким он приезжал из своей Сибири раньше, еще до этого пожара. И как он улыбался тогда. В той улыбке было что-то, чему невольно начинаешь завидовать. Потому что видишь: у человека есть за душой нечто, чего у него уже не отнять, что он спокойно предъявляет людям, не боясь ничего приговора. Да, так он улыбался тогда, но я уже давно не видел этой улыбки. Я стал ее забывать, а она, оказывается, сохранилась и живет в нем.

— Понимаешь, главное — не трудности, а то, что она сама выбрала это, взвела на себя и несет. Она сама выбрала все это. Человек должен иметь право выбора... Как ты считаешь?

— Выбора, — усмехнулся я. — Разве она выбирала? Привыкла — это точнее. Или приучили...

— Ты думаешь так потому, что сам выбрал бы другое, — сказал он, а я вдруг обнаружил, что мне трудно и не хочется возвращать.

Но я все-таки возразил:

— Выбрала!.. Что может выбрать слепой? Только то, во что его сунули носом.

— Зрячий может выбрать то же самое.

— Зачем же ему тогда глаза? — осведомился я.

— Просто есть вещи, необходимые каждому человеку, — сказал отец.

Нет, он уже не улыбался, он говорил спокойно и серьезно и, наверное, очень хотел, чтобы я его понял. Но согласиться с ним означало признать свою неправоту, а я никак не мог признать, что не прав. Ведь все, что я говорил, было правильно! Так почему же правым себя чувствует он, а не я?

— Беседуете? — Мать стояла в дверях и смотрела на нас. — А я никак не могла раньше. Еле вырвалась! Ох, сил уже моих нет с этой работой...

Она щебетала весело, как птичка в тишине раннего летнего утра, когда еще и солнце не взошло, земля укутана туманом, словно еловые игрушки ватой, и каждый звук слышен отчетливо и издалека, а сама смотрела внимательными, испытывающими глазами.

— Еще как беседуем! — со вкусом потянулся отец и открыто, заметно для матери подмигнул мне. Вид у него при этом был добродушно-хитрый: есть, мол, мать, у нас, мужиков, кое-какие свои делишки!

Что мне было делать?

К счастью, позвонил телефон.

Я мигом выскочил из комнаты, схватил с деловым видом трубку... Катя. Час от часу не легче! Стала выпытывать, что со мной стряслось и куда это я вдруг подевалась? «Наши тебя обыскались...» Ничего, перебываю!

— И долго вы еще там веолелись? — спросил я, словно это меня хоть сколько-нибудь интересовало.

— Да посуетились еще часок... Потом хотели к Виталику завалиться, да как-то все без энтузиазма, и он стал мяться вдруг, ну и разбежались по углам.

— А Тамарочка? — вдруг вырвалось у меня.

— А что она? — не поняла Катя.

— Она тоже до конца торчала? — нетерпеливо уточнил я.

— Да, а что? Что с ней могло случиться? Все пытались какой-то разговор по душам затеять... Ты что, ее не знаешь?

— Знаю...

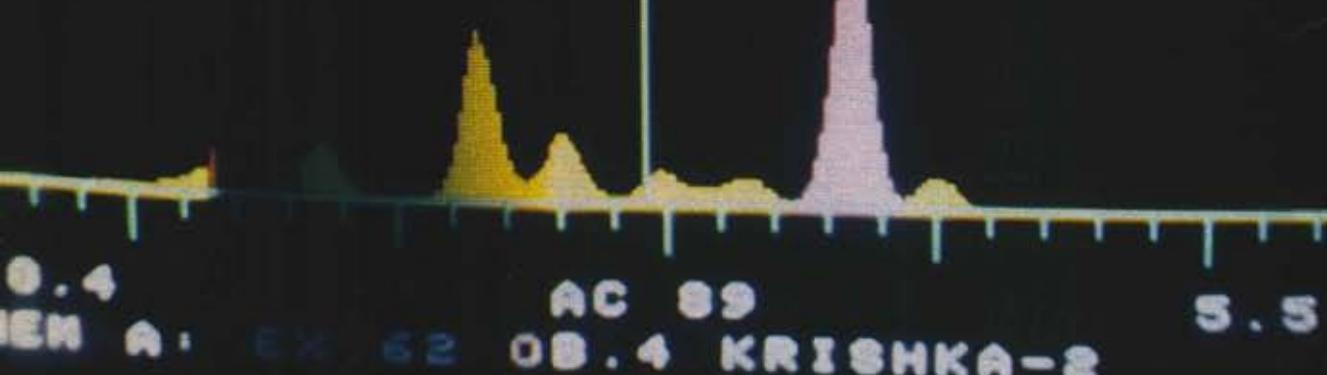
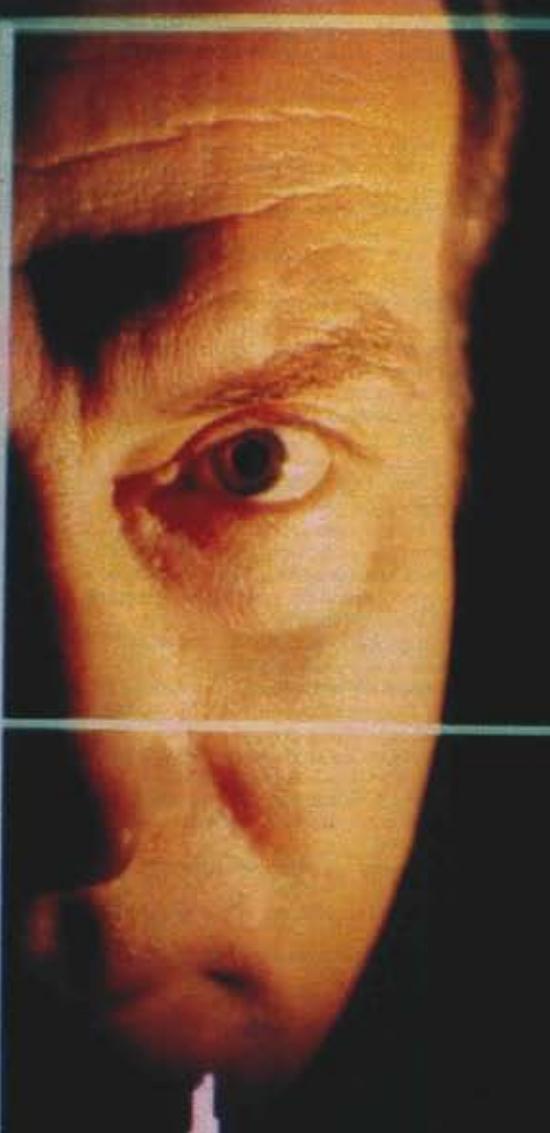
Господи, им ничего не объяснишь! Ничего, никому! Тамарочка, похоже, еще и моей матери даст фору. Им только боевыми подругами быть, однолюдчиками!.. Из комнаты родителей были слышны веселые, приподнявшие голоса, что-то там обсуждалось взахлеб с неподдельным жаром. Известно что — очередные страсти вокруг брошюрок. Нет, они все-таки неисправимые! Все. Им ничего не объяснишь, как ни стараися! Токуют, как глухари, вокруг хоть из пушек пали, пусть

Сергей АЛЕКСАНДРОВИЧ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ЭКСПЕРТИЗА

70: СНТ

ЗЗК РС: А
2920 ЕУ 20 ЕУ-СНАМ

**ФИЛОЛОГ,
АНТРОПОЛОГ И ДРУГИЕ**

Старший сержант за кабинкой у входа был единственным человеком в милиционерской форме, которого я встретил за день, проведенный в здании ВНИИ МВД СССР. Обстановка тут самая что ни на есть штатская, обращения «товарищ капитан» не услышишь, хотя все без исключения эксперты являются офицерами милиции. Впрочем, как рассказал с улыбкой один из моих собеседников, если объявляется срочная работа (что бывает не так уж и редко) и нужно задержаться до позднего вечера, а то и до утра, выйти в выходные, то при попытке сослаться на семейные обстоятельства начальство деликатно напоминает про по-гоны.

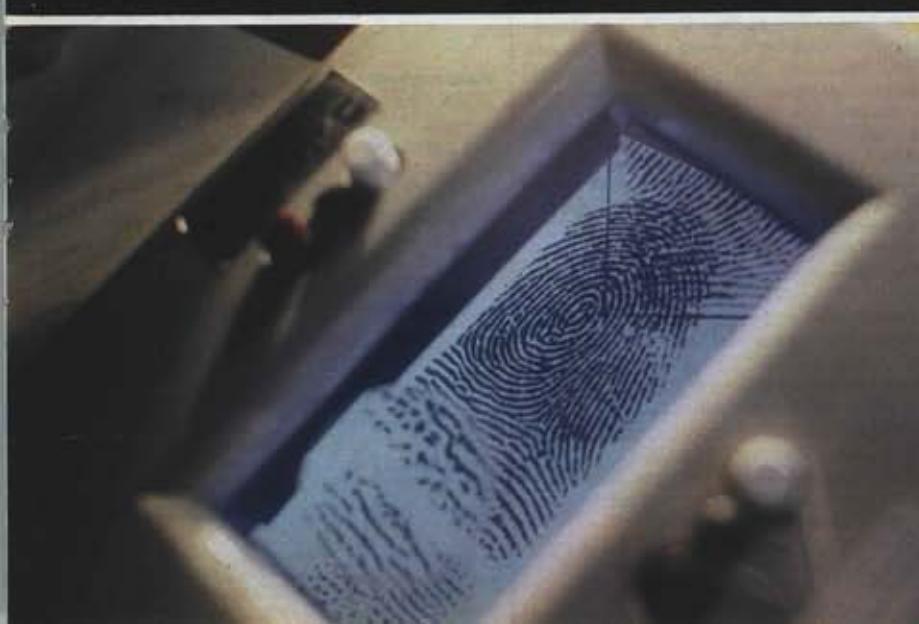
В остальном здесь царство науки. Точнее, целой обоймы наук, объединившихся под крышей криминалистики. Очаровательная Зинаида Кибрит из популярного телесериала на протяжении многих лет одна демонстрирует блестящее знание всех отраслей криминалистики. В жизни же существует узкая специализация; свои задачи решают трассологи и баллисты, почековеды и знатоки дактилоскопии. Пока я назвал представителей так называемой «традиционной» криминалистики, той, которой обучают на юрфаке, в школах милиции. Но в стенах НИИ можно встретить людей многих других профессий — инженеров, медиков, химиков, биологов, почековедов. В отделе, который занимается проблемами идентификации личности, работает антрополог Сергей Салищенко. А его коллега Елена Азарченкова — кандидат филологических наук.

Про уникальность отпечатков пальцев, не повторяющиеся в природе причудливые узоры папиллярных линий мы наслышаны с детства. Но и речь человека, оказывается, совершенно индивидуальна. Не узнаем — это понятно и без объяснений — а неповторима. Тембр, акцент, устойчивые речевые обороты, множество иных признаков дают эксперту возможность идентификации.

...Женщина вздрогнула, услышав телефонный звонок. Неужели опять? Этот кошмар начался несколько дней назад. Неизвестный оскорбляя, угрожая, требовал денег. Накануне пригрозил, что убьет дочку. В милицию посоветовал не обращаться: там, мол, ничего не докажешь, а тебе же хуже будет. Но женщина все-таки позвонила. И, по совету сотрудника милиции, несколько разговоров с шантажистом записала на магнитофон. Спустя несколько дней подозреваемый был задержан. Поначалу он отрицал, но экспертиза дала категорическое заключение: он.

Существует, кстати, довольно распространенное мнение, что суд не принимает в качестве вещественного доказательства магнитофонные записи, поскольку их можно фальсифицировать. Это неверно. Принимает, если по магнитной ленте имеется заключение экспертизы и, разумеется, если запись сделана в соответствии с законодательством, без нарушения конституционных прав.

— Мы обязательно «засечем» даже самый искусный, сделанный на высоком профессиональном уровне монтаж, — говорит Азарченкова. — Заметит эксперт и то, что записанный фрагмент хоть и не подвергался мон-

тажу, но выхвачен из общего контекста.

Признаюсь, я не совсем понял, что Елена имела в виду под «общим контекстом». Но буквально на следующий день, выходя из метро, стал невольным свидетелем такой сценки: вполне симпатичная девушка выговаривала своему опоздавшему кавалеру: «Я двадцать минут мерзну, тебя дожидаюсь. Убью! Я тебя точно когда-нибудь убью!» Записать этот безобидный монолог на магнитофон, отрезать первую фразу, и вот вам угроза убийства.

Был в практике фоноскопической группы и такой случай. Потерпел аварию самолет. В лабораторию передали «черный ящик» с записью последнего разговора экипажа. Как пленку ни «чистили», справиться с помехами не удалось. Сквозь посторонние шумы еле слышно пробивалась фраза: «Реверс убрать». Установить по голосу, кто ее произносил, не удалось. Между тем значила эта фраза очень много. Помните знаменитое: казнить нельзя помиловать. Смысл в корне меняется от того, в каком месте будет поставлена запятая. Вот и здесь от того, с какой интонацией было сказано «реверс убрать», было ли это приказом или вопросом, во многом зависело выяснение причин катастрофы.

сфере, не только в этой) человеку, считающему себя специалистом высокого класса, переступить через профессиональную гордость и сказать: «Я не могу». И нужно ли говорить о том, какую огромную ответственность берет на себя эксперт, выносящий категоричное заключение, как дорого может обойтись его ошибки.

В криминалистической лаборатории ВНИИ МВД СССР эксперты дают около 65 процентов категорических заключений.

ЦИФРЫ НА ЯРЛЫЧКАХ

Есть такая древняя притча. Бедуин в пустыне потерял верблюда. Он идет его искать и встречает путника.

— Эй, друг,— говорит бедуин,— ты верблюда часом не встречал?

— Рыжего?

— Да!

— Слепого на правый глаз?

— Да! Да!

— Хромого на заднюю левую ногу?

— Все точно. Мой верблюд. Где он?

— Не встречал.

Бедуин, понятное дело, не верит, тянет путника к судье, обвиняет в присвоении чужого имущества. А оказывается, тот и вправду верблюда в глаза не видел. И вовсе он не вор, а первый попавший в историю криминалист. Мастер верблюда подсказал ему зацепившийся за пустынное деревце клочок рыжей шерсти, о хромоте животного рассказал отпечаток следа на дороге, о слепоте — колючки, объединенные только по левую сторону очибины.

На протяжении столетий эта притча была своеобразным эталоном криминалистики. Пустяки это, дорогой читатель, а не эталон! Очаровательные девушки из того же отдела идентификации личности не то что верблюда по колючкам вычислят — по нескольким строчкам письма они готовы определить пол, приблизительный возраст, образовательный уровень, сферу профессиональных занятий, а иногда и душевное состояние автора письма. Причем с весьма высокой степенью точности. Тут поневоле забудешь про совет не писать о волшебниках.

— И как звали бабушку автора письма, тоже скажете? — поинтересовалась я у почерковеда Ольги Мурзовой.

— Зря смеетесь. Почерковедение имеет давнюю историю. И весьма сложную судьбу. В свое время с легкой руки людей, точно знаявших, что чудес не бывает, графология была объявлена лженакой и изгнана из криминалистики. Но вот вернулась — обогащенная техническими возможностями конца XX века, современными математическими методами. И служит поиску истины.

Случается, что на долю почерковедов выпадают задания, по-настоящему радующие душу — когда библиотеки и научные архивы обращаются с просьбой установить подлинность той или иной рукописи, дать заключение об авторстве. Но это, повторяю, праздники, светлые лучи в темном царстве поддельных накладных, фальшивых нарядов, исправленных трудовых книжек. А основное оружие почерковеда — микроскоп, лупа и интуиция. Без нее, интуиции, можно добросовестно пройти весь курс профессиональной подготовки, но так и не стать мастером.

...В ювелирном магазине в течение

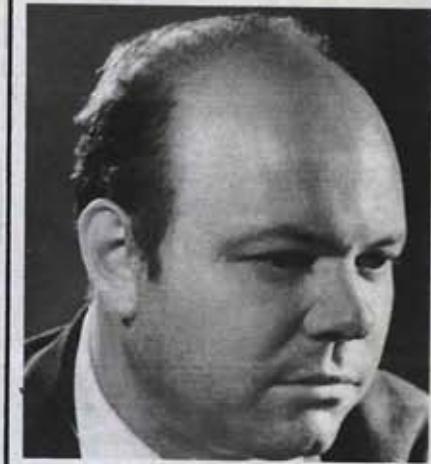
Настоящие или фальшивые?

Исследование позволяет сделать категорическое заключение: этот патрон отстрелян из пистолета №...

Из миллиардов узоров папиллярных линий нет и пары одинаковых.

— В тот раз выяснили, — кивает Елена. — Но вообще я вас очень прошу: не пишите о нас, как о волшебниках, которые все могут. Это на телевидении истина выясняется легко и непринужденно, в считанные часы. А на самом деле каждая наша экспертиза — это сложная, кропотливая, трудоемкая работа. И, к сожалению, не всегда успешная.

Три варианта ответа может дать эксперт. Заявить, что проведение экспертизы не представляется возможным из-за недостаточности данных либо ограниченных возможностей науки, дать заключение вероятностное и, наконец, заключение категорическое. Как же сложно (в любой

Владимир ФИРСОВ

нескольких лет орудовала группа расхитителей. На ярлычках-ценинках преступники переправляли и додировывали цифры. Разница в стоимости, достигавшая порой сотен рублей на одном изделии, шла в карман мошенников. Что было в распоряжении экспертов? Ни строчки, ни полстрочки, одни лишь крохотные цифры на ярлыках. Но и их Ольге Муршовой и ее коллеге Ольге Белоусовой хватило, чтобы дать категорическое заключение об «исполнителе».

ПРЕСТУПНИК... УНОСИТ СЛЕДЫ

Точного адреса экспертиза не называла. Заключение было сформулировано следующим образом: сельская местность, территория, освоенная человеком (то есть с культурной растительностью), находится неподалеку от реки и в непосредственной близости от бересковой рощи, есть вязы. Этой информации работникам уголовного розыска хватило для того, чтобы обнаружить в нескольких десятках километров от Москвы устроенный преступниками тайник. Сведения о его местонахождении сообщили экспертам... микрочастицы почвы, обнаруженные на одежде подозреваемых.

— Еще со времен Шерлока Холмса известно, что преступник обязательно оставляет хоть какие-нибудь следы на месте преступления, — напоминает мне Андрей Лазарев, офицер милиции, работающий над кандидатской по... биологии. — Но мало кто знает, что с еще большей обязательностью он уносит следы с собой — на обуви, одежде, похищенных вещах.

Когда говорят о почве, то на ум первым делом приходят комья грязи, осыпавшиеся с ног преступника. Случается, конечно, и такое, но Лазарев главным образом имеет дело с микрочастицами, практически с пылью. По ней можно безошибочно определить, городского она или сельского происхождения, найти массу иных характерных признаков. Так, споро-пыльцевой анализ почвы однажды привел экспертов прямиком в... ботанический сад — обнаружилось присутствие столь разнообразной растительности, что иное место события просто исключалось.

— Отпечатки пальцев можно стереть, горелые спички унести с собой, но от почвы преступнику не деться никуда, — говорит Лазарев. — Индивидуальных же особенностей у нее так много, что, скажем, по пыли, содержащейся внутри радиоаппаратуры, можно сделать категорическое заключение, что эта аппаратура на протяжении длительного времени находилась в данном конкретном помещении.

Переведем сказанное с языка экспертизы на общедоступный. Предположим, у вас украли магнитофон «Сони». Обращаетесь в милицию, она находит магнитофон у гражданина Н. «Помилуйте, — говорит Н., — это мой «Сони». Чем вы докажете, что не мой?»

И в самом деле, чем? Номера вы, как на грех, не помните. Царапина на корпусе? «Точно, — вспоминает Н., — неделю назад я его за гвоздь зацепил. Так расстроился». А анализ пыли подтвердил: магнитофон долго стоял у вас в комнате. Это уже весомое доказательство.

ЦАРИЦА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

Этим пышным титулом не раз величили криминалистическую экспертизу. Давайте вновь обратимся к главному источнику наших познаний о возможностях криминалистики — детективу.

Матерый преступник — в «несонанке». Со следователем на допросах беседует с ехидной ухмылкой, напоминая, что это на нем висит бремя доказывания; показания единственного свидетеля отвергают со ссылкой на его преклонный возраст и слабое зрение, короче, чувствует себя в полной безопасности. Но вот следователь, старательно маскируя за спокойно-безразличным тоном свое грядущее торжество, протягивает преступнику листок бумаги — результаты криминалистической экспертизы. Преступник читает, бледнеет, потом глухо произносит: «Пишите. Я скажу все».

Экспертиза. Само это слово говорит о непредвзятости, точности, солидности. Почтение к науке и доверие к ее выводам испытывают не только подследственные, но и прокуроры, судьи... А между тем криминалистическая экспертиза — одна из разновидностей человеческой деятельности. И, разумеется, подтвержена всему человеческому: ошибкам, накладкам, случается, даже злоупотреблениям.

— Вопреки расхожей фразе экспертиза не является и не может являться «царицей доказательств», — разочаровывает меня заместитель начальника ВНИИ МВД генерал-майор милиции Владимир Францевич Статкус. — Она — важнейший, эффективный способ оказания следственным и судебным органам помощи в деле установления истины, способ, базирующийся на серьезной научной основе. Но не главный, не исключительный, не единственный... Исследование вещественных доказательств ведется в неразрывном комплексе с изучением показаний свидетелей, признаний обвиняемого, иных доказательств по делу. Жизнь подкидывает подчас удивительные задачки. Случается, берут на себя вину люди, преступления не совершившие; свидетели уверенно «опознают» тех, кого никогда в глаза не видели, а следы на месте преступления оставляют люди, никакого отношения к преступлению не имеющие. Поэтому хочу повторить еще раз: криминалистическая экспертиза — это нестина в последней инстанции, а помощь в установлении истины. И следователи, и судьи должны помнить об этом, знакомясь с результатами экспертизы.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ?

Долгие годы обо всем, что прямо или косвенно связано с деятельностью органов внутренних дел, было принято писать именно так: оптимистично, розово, вдохновляюще. Преступность снижалась из года в год, раскрываемость приближалась к стопроцентной, кадры были как на подбор — честные, самоотверженные, квалифицированные. Потом выяснилось, что все это, мягко говоря, не совсем так — и про снижение, и про раскрываемость, и про кадры. Ну, а что происходит в криминалисте? Глядя на размещенную в институте аппаратуру, словно живьем взятую из научно-фантастического фильма о далеком будущем, я вспоминал знаменитый «следственный чемодан» — основное орудие производства эксперта-криминалиста районного звена. Содержимое его хоть и подвергалось некоторым усовершенствованиям, но принципиальных изменений не претерпевало десятилетиями. Отпечатки пальцев и следы протектора имеющимися в чемодане поршками и пастами закрепить можно, осколки разбитой фары без особого труда собираются пинцетом до военного образца, но для споро-пыльцевого анализа обычного инструментария уже мало. Да и выпускники отделения структурной линг-

истики и аспиранты биофака вряд ли трудятся в каком-нибудь городке... В криминалистической лаборатории ВНИИ МВД в год выполняется около двух тысяч экспертиз. Для ее сотрудников нагрузка, конечно, немалая, но для страны — капля в море. Так что же такое ВНИИ? Образцово-показательное учреждение, радующее министерский глаз?

— Ни в коем случае! — категорично возражает Владимир Францевич. — Проблемы у нас, конечно, есть, но совершенно иного плана. Не буду утверждать, что «следственный чемодан» — это предел мечтаний криминалиста. Смотришь порой на оборудование, выпускаемое специализированными (очень важный момент!) фирмами, — и, честное слово, зависишь! Компактное, эстетичное, надежное. И позволяющее значительно повысить надежность сбора и фиксации вещественных доказательств. Сошлюсь только на один пример: мы испытываем острую нужду в экспресс-определителях наркотиков. За рубежом они есть, но закупка их на валюту для каждого райотдела — дело нереальное, а наша промышленность выпуск их пока только налаживает. Есть и многие другие потребности, однако, само по себе сравнение технических возможностей нашей лаборатории и районного эксперта попросту неправомерно. Главное дело эксперта-криминалиста из райотдела внутренних дел (а в этом звене трудится примерно две трети экспертов) — выехать на место происшествия и грамотно зафиксировать имеющиеся вещественные доказательства. Простые экспертизы, не требующие применения специальной техники (именно техники, потому что квалификацией многие работники на местах обладают самой высокой), он сделает сам. Для более сложных существуют эксперто-криминалистические отделы при областных управлении, республиканских министерствах, наконец, для особо сложных случаев есть наша лаборатория.

При необходимости не только работник главного следственного управления союзного министерства, но и любой следователь, если он столкнется с особо трудной ситуацией, может назначить экспертизу непосредственно к нам. Выполняются у нас и повторные экспертизы. Наконец, одна из главных задач ВНИИ — это разработка методик исследования вещественных доказательств. Методики эти должны жестко «привязываться» к возможностям низового звена. Попробую проиллюстрировать это на конкретных примерах. Известно, скажем, что угонщики автомобилей перебивают номера двигателей и кузовов, причем делают это порой весьма искусно. Наши сотрудниками разработана методика, при помощи которой обнаружить эту перебивку может любой работник ГАИ. Не исследовать технику исполнения — это уже не его забота, — а именно обнаружить. И, соответственно, принять меры к задержанию. Или тот же споро-пыльцевой анализ. Районному эксперту он, конечно, не под силу — у него нет (и не должно быть) ни соответствующего оборудования, ни квалификации. А вот собрать, пользуясь нашей методикой, исходный материал для такого анализа он вполне может...

«Дежурная группа, на выезд!» По этой команде, каждый день и каждую ночь звучащей в районных и городских отделах внутренних дел, вместе со следователем, инспектором уголовного розыска, а иногда еще кинологом и судмедэкспертом место в машине занимает эксперт-криминалист. Статистика утверждает: его участие в первичном осмотре места происшествия в три раза повышает эффективность раскрытия преступления.

■
Когда от тишины устанешь,
В которой не видать ни зги,
И сам себе немилым станешь,
Возьми,
И от себя сбеги.

Решись!
Хотя бы раз попробуй.
Как мог поверить ты в покой,
Когда жива людская злоба
И злой цинизм течет рекой,
Когда и молодость едва ли
Поймет,
Во что поверил ты,
Поскольк старательно
Стирали
Той веры чистые черты,

Когда давно
Кричит от боли
Родная Ленину земля:
С тех пор,
Когда по чьей-то воле
Уняли скорость корабля.

Уняли,
Не почистив днище
У корабля, чей долг путь...
И парус лермонтовский ищет
Покой,
Чтоб в бури отдохнуть!..

Не стоит долго очи хмурить
И жить в тиши, что под рукой,
Пора понять,
Что только в буре
И в очищенье есть покой.

И не пугайся перестройки,
Она воистину идет,
Коль сердцу милая Русь-тройка
Давно уж ускоренья ждет!

■
Выхожу один я на дорогу...
М. Ю. Лермонтов

Как горько
В полночной тревоге,
Забыв про себя самого,
Бродить по пустынной дороге
И ждать неизвестно чего...

Душа не ждала,
А дождалась,
Вернее сказать, дождалась
К природе щемящую жалость,
Что в полночь опять родилась.

Давно я на родине не был...
И с болью в душе сознаю
Под лунно-мерцающим небом,
Что часто неверно пою.

Пою, унимая усталость,
Про край — бесконечно родной,
Хоть в нем ничего не осталось
От жизни, воспетою мной.

МОЕМУ СОВРЕМЕННИКУ

Дорога не та, что издревле
Роднила людские пути...
Родные до боли деревни,
Когда ж вас успели снести?

Под лунным
Широким разливом
На месте родных деревень —
Туман лебеды да крапивы
Туманят грядущего день.
Куда ж мы деревни девали,
Что выжили даже в войну,
Что с древних времен одевали,
Что с тех же времен обували,
И тело, и дух врачевали,
К тому же кормили страну?!

Кто перед грядущим ответит
За горькую скорбь деревень!
И времени горестный ветер
Иссушит траву-одолену.

На ту животворную траву,
В которую верил народ,
Уже не имеем мы права,
Как большого ждать
В недород.

Но мы не беспечны издревле.
И выкрикнуть хочется мне:
— О, как не хватает
Деревни
Великой Советской стране!

ЛУННЫЙ ЗАПАХ

Озарив на полсвета
Снегов полотно,
Запах лунного света
Просочился в окно.

Простоился и замер,
Тоски не тая,
Лунный от свет с глазами
Неземного жилья.

Заглянул он понуро
В непришедшие сны.
И сиротством пахнуло
От безлюдной луны.

Земля моя, родимая, родная,
Родильный дом Грядущего,
Скажи,
Чего на этом свете я не знаю,
Чтоб смог забыть,—
Скажи и укажи.

Земля моя!
Я по твоим заветам
Немало видел
И немало знал.
Я не делил тебя
На части света,
Единою всегда воспринимал.

С тобой я познавал
России села.
Глазами видя,
Осаждая душой
Полет пчелы,
И взлет шмеля тяжелый,
И рой стрижей
Над реющей грозой.

С тобой, земля,
Не сетя на беды,
Что выпадали мне
В стране родной,
Я жил величаем
И огнем Победы
И поклонялся
Лишь тебе одной.

Я поклонялся
И цветам, и травам,
Всему живому на моем пути,
Я поклонялся
Вековым дубравам,
Пока их не успели извести.

Я памяти всех павших
Поклонялся.
Не зная миру подлинной цены,
Я поклонялся,
Я и преклонялся
Перед людьми,
Пришедшими с войны,
Что к дому шли,
Да не застали дома,
Что, строя дом,
Построили страну,
Рыдая над судьбою
Дяди Тома,
Над хижиной,
Не ведавшей войну.

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Не стынут сеном груженые сани,
На мельнице не молкнет водосброс.
И в омуте вода не замерзает.

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Летят с горы
С ребятами салазки.
По вечерам на бабушкины сказки,
Как сотни лет назад.
Все тот же спрос...

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Я верил в то,
Что выживут деревья,
Что травы снова
Выйдут в полный рост,
Что солнце лета
Встанет над деревней...

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Я нес в душе тепло,
Что нужно людям.
К тому ж меня не волновал
Вопрос:
— Придет весна или ее не будет?

Всем казалось,
Зима бесконечно продлится.
А гляжу —
Возникает, как вечность,
Трава...
У меня во дворе
Поселилась синица.
Как же сладко от мысли:
Синица жива!..

Почему ж мне ночами,
Бывает, не спится?
Верю в то, что на радость,
А не на беду
У меня во дворе
Поселилась синица
И я песню ее
Аж до солнышка жду.

И до солнца,
Что снова к Москве устремится,
Начинает она
Жизни точный отсчет...
У меня во дворе
Поселилась синица,
Чтобы помнил,
Как вечное Время течет.
Чтоб не смог позабыть

Житель всякой столицы,
Что Природу
Должны мы как Храм уберечь,
У меня во дворе
Поселилась синица.
Как прекрасна
Ее бескорыстная речь!

Я хочу, чтобы время
Смогло повториться,
Чтоб прправнук
Восклинул мои же слова:
— У меня во дворе
Поселилась синица.
Ах, как сладко от мысли:
Синица — жива!

Чтоб с днем грядущим
Быть на высоте,
Преодолев веков и свет, и тьму,
Цените, люди, тягу к красоте
Не менее, чем красоту саму.

Что красота!
Пребудет и пройдет,
По сути дела разная везде.
А тяга к красоте не подведет,
Извечная, как тяга к высоте.

— Я люблю тебя...—
Как это сказано просто,
Даже гении проще
Не могут сказать,
— Я люблю тебя...—
Вроде чистая проза.
А попробуй в стихах
О любви написать!..

Просыпаюсь опять и опять
С петухами.
На рассвете все ближе,
Ясней и видней.
И опять дерзновенно
Пытаюсь стихами
Рассказать о любви,
Бесконечно моей.

Петухи надрываются
Голосом шалым.
И опять сознаю я,
Встречая рассвет:
Славословие
Вряд ли любовь украшало,
Хоть к словам о любви
Равнодушия нет.

И опять твой приход
Начинаю я с прозы,
Не сумев ничего
О любви написать:
— Я люблю тебя...—
Как это ясно и просто,—
Даже гении
Проще не могут сказать!

Смородина солнцем прогрета.
Спокоен родительский кров.
И веет устойчивым летом
От свеженаколотых дров.

Малиной пропах и крапивой,
Ботвой помидорною день.
И ловит собака лениво
Поздневинную скучную тень.
Вот тень,
Удлиняясь степенно,
В пшенице синит васильки.
И веет привяленным сеном
С недальних лугов у реки.

Сине васильковое лето,
Хотя васильки и в пыли.
И маковкой солнца согрето
Все сущее мирной земли.

■
Ничто не вечно.
Вечно — небо
Да хлеб, родившийся под ним.
В непреходящей тяге к хлебу
Мы верность небу сохраним.
Да будут святы тяга к небу
И хлеб, родившийся под ним!

■
И вновь была пора любви.
И жить хотелось вновь.
И снова пели соловьи,
И снова — про любовь.
Про весний сад, что холодел,
Не распускал цветов,
Поскольку сам их не хотел
Отдать для холодов.

Да, были ночи холодны.
Но пели соловьи
В сопровождении луны
И тишины весны.
И в той весенней тишине,
Что нас лишала слов,
Ты снова доверяла мне
И верность, и любовь.
Ты снова возвращала мне,
Моей душе уют
То ль потому,
Что по весне
Вновь соловьи поют,
То ль потому,
Что жизнь одна,
Другой не будет, нет!
То ль потому,
Что ты нужна
Мне столько зим и лет!..
И верилось душе моей
Под соловий взлет,
Что стала ты в любви
Нужней
На сотни лет вперед.

■
Неужто ты меня любила,
Бескрайней Украины дочь?..
Все, как в стихах.
Да так и было.
Тиха украинская ночь...
На мальвах был настоящий воздух,
И с поднебесной высоты,
Как яблоки,
Катились звезды
В ошеломленные сады.
Неужто это вправду было?
И вряд ли вспомню я сейчас,
Чье сердце трепетнее билось
В тот звездной молодости час?
Чьи губы более болели
От сладкой муки поутру,
Когда все звезды облетели,
Как в осень листья на ветру...

■
Но, как сейчас,
Я вижу очи
Завороженные твои,
Напоминающие ночи,
Настоянны на любви.
Неужто это было?
Было. Со мной,
Не с кем-нибудь другим.
Неужто ты меня любила,
Неужто был тобой любим?..

■
И вдруг подумалось случайно:
Стихами этими, сейчас
Я разгласил всю сладость тайны,
Что тайною была
Для нас.

Елена КУРЛЯНДЦЕВА

История художника начинается просто. Рисовать он любил с детства, и не только любил, знал, что это занятие — самое важное дело, а не «тихие детские игры». Данное от природы чувство цвета, композиции, как абсолютный слух, обнаруживая себя, не дают человеку покоя, требуют выражения.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, все определилось — его привезли в Москву в художественную школу. Да, много рисовал, поступил в Суриковский, все было хорошо, но на втором курсе понял: не то... Пошел на монументальное отделение, и все стало на свои места: Иван встретился с «мужским» материалом: железом, камнем, цементом.

Что такое монументальное искусство? Даже профессионалы спорят: то ли украшательство нашей безликой архитектуры, то ли создание единого эмоционально организованного пространства, как это было когда-то, когда храмы расписывали.

В монументальной секции молодому Лубенникову повезло. (А может, он сам умеет свою работу превратить в вензель?) Все его работы разные, не повторяют друг друга ни подходом к проблеме, ни ее решением. Первая — оформление и роспись актового зала Трехгорки, работа, посвященная революции 1905 года, ее накалу и неудаче. Нет в решении этой темы ничего привычного, ходульного. Все включено в композицию: и старые кирпичные

стены, и обломанный карниз, и даже стулья — не сбитые в ряды, а разные, как люди. Нет трибуны, кумача на столе. Этот зал для живого разговора, а не для отчетных заседаний.

А сколько споров вызвала семнадцатая молодежная выставка в Москве! Каким необычным показалось ее дизайнерское решение: создать пространство, совершенно не похожее на привычное, с самого начала объяснить зрителю — это не музей, а молодежная выставка — место дискуссий, неожиданных открытий.

Совместно с архитектором А. Скоканом создана самая значительная работа Лубенникова — советский раздел мемориала в Освенциме. Подлинные кино- и фотодокументы, темнота забытых досками окон, тесные коридоры и решетки — пространство, наполненное безысходным страданием, образ мастерской смерти, где все кажется окаменевшим от слез.

Работа над такой темой всегда оставляет след в самом художнике. И вот в живописи Ивана Лубенникова появляется тревога. Иногда она видна сразу, как в «Платформе», страшно безлюдной, будто людей уже не осталось вовсе. А иногда, наоборот, оптимизм его работ, их жизнелюбие выдают внутреннюю напряженность автора, который чему-то темному противопоставляет красоту, радость, любовь.

На выставках «обнаженные» Лубенникова вызывали у кого-то ханжеское смущение, у кого-то пуританский гнев. Даже в книге отзывов была такая запись: «До шестнадцати на выставку не допускать». Смешно, конечно...

Нет, не «писаных красавиц» он видит вокруг себя, среди его героинь и тетки-«воительницы», и напористые «мочалки», бесконечно жующие, грызущие, употребляющие. Автор внимателен и ироничен — это еще одна важная для понимания его живописи и графики черта. Все очень серьезно, но и забавно тоже: поэт, замученный музами, похожая на цветущий танк парикмахерша, обалдевший от модели художник...

Для Лубенникова главный нравственный критерий искусства — искренность, отсутствие надуманной позы. И от зрителя он ждет непредвзятого суждения, чтобы на выставку приходили без заранее приготовленного мнения.

Фото Льва МЕЛИХОВА

Иван Лубенников — человек открытый. На своей персональной выставке он был часто, помногу говорил со зрителями, обсуждал любую тему. Разговоры получались честные и откровенные. Иван говорил: «Кто-то вбил в головы, что художник — слуга народа, вот некоторые приходят и тут же хотят в чужом мировосприятии, творчестве распоряжаться. Нет, я не слуга, да и все мы не слуги, а то хозяев настоящих и не найдется, я — часть народа, нормальная, правильная, и не обязан стараться кому-то понравиться. Я работой занят, своей профессией, я не хочу угождать чьим-то вкусам».

Да, язык современной живописи понятен не всем. Но в работах Лубенникова есть нечто, располагающее к пони-

манию. Выставка привлекла много зрителей, и люди, пришедшие случайно, возвращались снова и снова, подчиняясь эмоциональному накалу этих работ.

Иван сочетает талант и мастерство, удачу и редкую работоспособность. Он также активен в жизни, как цвет в его работах. На вернисаже Евгений Евтушенко сказал, что у Ивана «счастливый талант». Что ж, его произведения экспонировались в разных странах и хранятся во многих музеях, таких значительных, как Русский музей и музей Академии художеств, музей современного искусства в ФРГ, Италии и других странах. Западные ценители считают Лубенникова удивительно национальным художником, а наши искусствоведы наоборот — утверждают, что

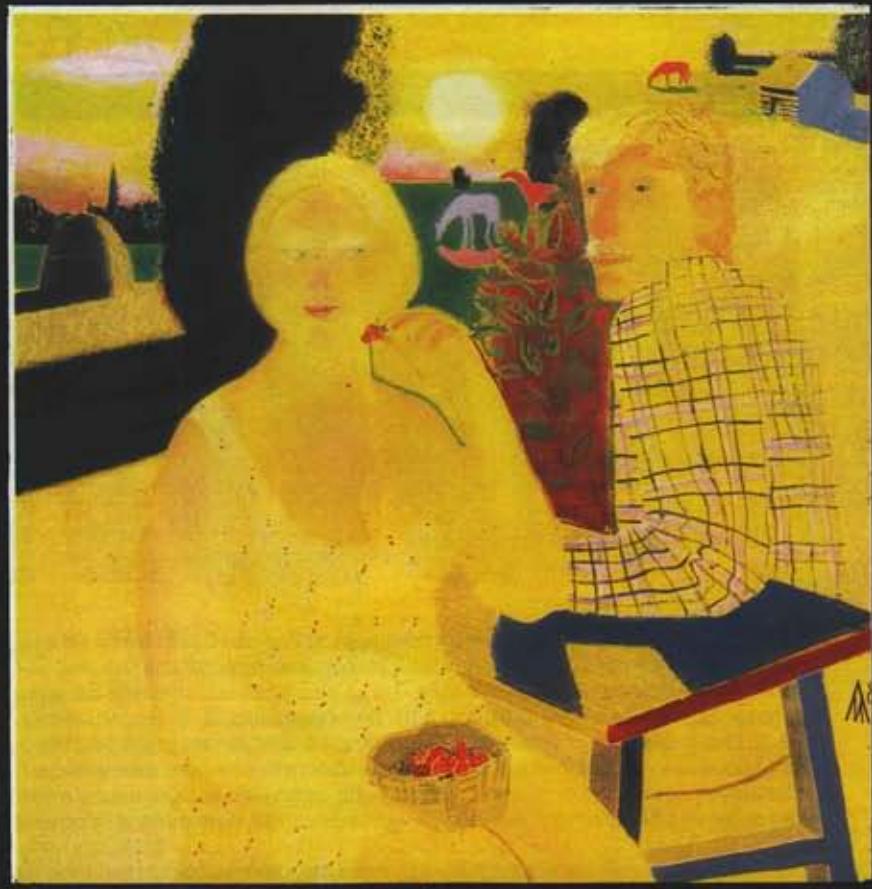
Грехи наши тяжкие.

Весна.

Сумерки.
Кафе «Эль Греко».

Пастораль.
Окраина.
Портрет Н. Глебовой.

Лубенников близок французской художественной школе. Мнений много. Вот только в истинности его дарования не сомневается никто.

Сейчас он в творческом расцвете, равновесии всех начал, существующих в его взгляде на мир. «Если ты хочешь, чтобы что-то было — делай...», — говорит Иван Лубенников. И делает.

КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ С ЗЕМЛИ

С руководителем подготовки космонавтов Героем Советского Союза, генералом-полковником авиации Николаем Петровичем Каманиным я познакомился в начале 1961 года. Тогда мне удалось впервые собрать первых Героев Советского Союза А. В. Ляпидевского, М. В. Водопьянова, В. С. Молокова и Н. П. Каманина. Получился очень интересный разговор. Меня поразил тот факт, что в 1934 году двадцатитрехлетний Каманин был назначен командиром группы летчиков по спасению челюскинцев и сам лично вывез с дрейфующей льдины 78 человек из 102, попавших в ледовый плен Арктики.

Каманин совершил, казалось бы, невозможное: организовал поиски затерянного во льдах лагеря челюскинцев на самолетах, совершенно не приспособленных для полетов в Арктике. Вылетая в двадцать девятый раз, летчик Ляпидевский, наконец, обнаружил дрейфующую льдину. А ведь каждый такой полет мог стать последним, ибо вынужденная посадка в Арктике была равносильна смерти. Однако сесть и взлететь с самодельных аэродромов в ледяных торосах тоже было не меньшим риском. Ни один самолет того времени теоретически не мог сесть на такие маленькие «пятачки». Но летчики садились на них вопреки всем правилам и на двухместных самолетах поднимали в воздух по 6–8 человек. Это была опаснейшая работа. Каманин буквально отвечал за ее своей головой...

И вот теперь этот легендарный летчик был руководителем подготовки космонавтов. Конечно же, мне захотелось еще раз встретиться с Николаем Петровичем и поговорить подробнее о прошлой и нынешней его работе.

— Могу удалить вам не более... десяти минут! — сухо сказал он. — Вот мой телефон. Позвоните через три дня в двенадцать часов одну минуту!

Ровно в 12.00 я набрал его номер. Не отвечает. В 12.01 — поднял трубку. Позже я узнал, что к такой пунктуальности он приучил всех, с кем имел дело.

И удивительно обязательным был сам: за многие годы он ни разу не забыл или не отменил назначеннной встречи, хотя бывал занят до предела. Я не встречал человека, который ценил бы чужое время больше, чем Каманин.

Из разговора с Николаем Петровичем я узнал, что он ведет дневники, в которых зафиксированы почти все события его жизни. Более пятидесяти лет вести дневник — это тоже свойство сильного характера.

И я стал искать повод для знакомства с некоторыми записями из его дневника. Я знал, что Юрий Гагарин родился 9 марта 1934 года на смоленской земле. А что в это время делал Каманин?..

Оказалось, что в этот день Каманин отплыл на пароходе «Смоленск» на спасение челюскинцев. Первым руководителем полетов Гагарина был ученик Каманина Герой Советского Союза Г. К. Денисенко. От своего учителя

Гагарин и узнал, что только за полтора года войны в штурмовом корпусе молодого генерала Каманина родилось 86 Героев Советского Союза. Многие были удостоены этого звания дважды. Каманин командовал знаменитыми «летающими танками», которые сам противник образно назвал «черная смерть».

И, пожалуй, Гагарину не летать бы в Саратовском аэроклубе, если бы в послевоенное время Каманин не взялся бы со всей своей энергией за восстановление былой славы ДОСААФа. Скольких летчиков он «поставил на крыло» — просто невозможно сосчитать.

Не случайно при первой встрече с главным маршалом авиации К. А. Вершининым, который знакомился с будущими космонавтами, Гагарин записал у себя в дневнике: «На этой встрече среди других заслуженных генералов нашей авиации мне особенно радостно было увидеть одного из первых Героев Советского Союза — Николая Петровича Каманина».

А дальше началась космическая эпопея, в которой каждая страница так или иначе связана с именем Каманина, начиная от отбора до полетов первых двадцати космонавтов.

Мне казалось, что Каманин несправедливо мало записывает подробностей о своих подопечных. Я как-то сказал ему об этом.

— Хорошо, что и на это духу хватает! — ответил он. — Если нужны подробности, я прокомментирую записи. В пределах своих возможностей, конечно...

Так я стал делать выписки из его дневников и записывал к ним комментарии.

Накопился бесценный материал. Все, что касается Юрия Гагарина, я частично опубликовал. Сегодня предлагаю вниманию читателей неопубликованные материалы.

ПЕРВАЯ ПОСЛАНИЦА ЗЕМЛИ

22 ОКТЯБРЯ 1961 г. После полета Гагарина я уговорил маршала Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин для подготовки к космическим полетам. Пока это дело продвигается с большим трудом. Помех очень много, хотя, казалось бы, элементарно ясно, что женщины надо обязательно готовить. Главным образом по следующим соображениям: женщины летать в космосе будут обязательно, а подготовка их непроста. Значит, надо готовиться к этому заранее. Завел об этом разговор...

Но Королев категорически против, Келдыш — категорически против. Министр обороны Малиновский — категорически против. Я Вершинину говорю: «Давайте — затащим Малиновского в Центр подготовки космонавтов!»

Министр все-таки потом приехал, но выступил против идеи подготовки к полету женщин.

Вершинин меня поддержал, но говорит: «Что я делаю, если все против! Сам знаешь, как начальство уговаривает!»

Тогда я предлагаю: «Разрешите, я поеду к Хрущеву!»

«Пожалуйста», — согласился Вершинин. — Только по своей инициативе. Что и как будешь говорить — я не знаю».

С Хрущевым мне встретиться было не трудно — я часто бывал в ЦК КПСС. Однажды до войны еще мне довелось даже пройти с ним от станции метро «Площадь Революции» до «Комсомольской площади». Прямо под землей. Во время войны приходилось часто с ним встречаться — он был членом Военного совета. Так что обо мне он представление имел.

Хрущев тут же позвонил Устинову, который курировал космические проблемы: «Знаешь что? Есть такая идея: надо готовить к полету женщин. Нельзя допустить, чтобы американцы нас опередили. А они готовят. Тут у меня Каманин был — говорили на эту тему. Имей в виду, что я и поддерживаю эту идею!» И повесил трубку.

Не успел я приехать в Центр — звонят Устинов, Келдыш, Королев: «Давайте по этому вопросу собираться у Устинова!»

К тому времени я уже 400 женщин отобрал из аэроклубов на местах. Из них мы выбрали 30, а в Москве уже отобрали пять человек. После небольшой подготовки было решено: полетит Терешкова, а дублерами стали Пономарева и Соловьева.

16 ИЮНЯ 1963 г. Сегодня день старта первой женщины в космическое пространство. Ровно в 12.15 автобус доставил Терешкову на старт. Она коротко и четко доложила: «Товарищ председа-

тель Государственной комиссии... К полету готова!»

Ей вручили цветы. Она передала их Королеву. К лифту поднималась довольно тяжело: пульс при посадке в корабль был 140 ударов в минуту. Но Терешкова быстро установила связь и доложила о ходе проверки оборудования. Связь с ней поддерживал Гагарин, Николаев, Королев и я.

Старт Терешковой мне напоминал, по четкости и слаженности работы всех систем, старт Гагарина 12 апреля 1961 года.

Тут надо пояснить, что космонавт — это человек высокой квалификации. Он должен быть в курсе очень многих вопросов и контактировать со многими специалистами. Ведь они и исследователи, и в то же время являются объектом исследований. И это особая ситуация. Космонавт — это и ученый, и инженер, и врач, и слесарь, да к тому же работающий в совершенно непривычных условиях — в невесомости. Это очень необычная профессия, а для женщин тем более.

Однако успехи, о которых мы говорим всегда в бодром духе, значительно обесцвечивают мнение об этой трудной профессии. Почему, например, не пишут о дублерах? Ведь им, пожалуйста, очень трудно. Примерно так же, как проигравшему спортсмену: сил затрачено много, а результат никому не известен. Победившему куда легче: удовлетворение от победы — отличная эмоциональная разрядка. Так и у космонавтов. Все не так просто, как многим кажется: «Поладумашь! Был бы надежный корабль, а полететь-то любой бы смог!»

Но первые же результаты полетов показывали, что летать в космосе — трудное дело, требующее серьезной и длительной подготовки.

Особенно для женщин. Вот и с Терешковой произошел такой эпизод: летела она в направлении от Ленинграда через космодром. По программе у нас должна была быть связь. Сидим и ждем, а ее нет и нет. Так и прошла без связи. Ждем следующий виток, а это еще полтора часа. На подходе корабля к космодрому запрашиваем: «В чем дело?» Раз запрашиваю, два — не отвечает. Тогда я включаю «будильник» — шумовой сигнал. Там такая сирена — разбудит кого хочешь.

— В чем дело? — спрашиваю. — Почему не выходите на связь?

— Двадцатый! Двадцатый! Я заснула: устала очень и заснула!

— Почему не провели тренировку по ручному спуску корабля?

— Я пыталась, но ничего не получилось: очень устала. Дайте мне немного отдохнуть. Завтра утром все сделаю. Все получится!

Королев сидит рядом, недовольный. Она уже уходит из зоны связи. Мне только остается пожелать счастливого пути.

— Ну, ложись, отдыхай, а завтра

утром все это надо выполнить! Связь по-настоящему держите. Счастливого полета!

Все же программу полета она выполнила, но при катапультировании произошла неожиданность. Существуют категорические требования: какую позу принять, как сжаться и так далее. Не водить ни головой, ни телом. А она головой покривила и носом задела при катапультировании. Здоровенный был синяк. Только скользнула чуть-чуть, и то был синяк. Могло бы не только нос, но и полголовы снести...

Особенно недоволен был Королев, который так и сказал: «Чтоб я когда-нибудь связался с женщинами! Никогда!»

Однако ее рассказы о полете были намного интереснее, насыщены множеством деталей, эмоциональнее. Мужчины-космонавты многих деталей полета просто не «заметили».

Помню, Терешкова очень красочно описала Землю, окруженную ореолом нежно-голубого цвета. Однажды я видел, как художники долго уточняли у Гагарина гамму полутона этого ореола. Так и не уточнили.

Терешкова же так рассказывала: «Я любовалась этим ореолом. Видела, как плавно темнеет, становится бирюзовым, темно-синим, фиолетовым и переходит в аспидно-черный цвет. Природа не поскупилась одеть Землю в одежду богатейших расцветок и оторочить голубой каймой. Мне думалось: хорошо бы наряжать наших девушки в шелка такой земной гаммы цветов». Дальше шло такое количество оттенков, что я не запомнил их названия. И сравнивались они то с голубым небом, то с ранней травкой, то с морской волной.

В свое время французский летчик Антуан Экюпери воспел «пищу полета», которая никогда не надоедает, а самолет он сравнивал с плугом, который вспахивает все новые и новые пласти непознанного.

Советская космонавтика выросла из авиации, впитав все ее достижения и богатейший опыт. И как бы блестящие начинались первые шаги в космосе, нам никогда не придется сравнивать его с местом увлекательных прогулок...

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР

12 АПРЕЛЯ 1964 г. На пресс-конференции голландский корреспондент задал такой вопрос: «Господин Каманин! Вы же сами не космонавт и в космосе не были. Как же вы их воспитываете?»

Я ему ответил: «Если бы сейчас мне предложили этим заняться, я бы отказался. Но тогда ведь ни одного космонавта в мире не было. Мы еще не знали, из кого их готовить: из подводников, танкистов, летчиков.

В определенном смысле мне первому пришлось осваивать космическую профессию. И не только летчикам она под силу. Могу привести пример, когда в космос пришел вообще не военный человек, а сделал очень много. Значительно больше, чем космонавты, которые летали...

Я имею в виду судьбу Константина Ветра. Она давно не давала мне покоя: я был виноват перед этим человеком, как и Королев, и Келдыш. Парадокс в том, что его сильные качества стали главным препятствием при отборе в отряд космонавтов. Даже авторитета «трех К» — Королева, Каманина, Келдыша — было недостаточно, чтобы перешагнуть психологический барьер председателя медицинской комиссии, который не поверил в феноменальные возможности человека.

А судьба Ветра такова. После запуска искусственного спутника в Академию наук СССР пришло письмо от солдата, в котором он предлагал свою кандидатуру для полета в космос. На несколько писем ему не ответили, а потом передали их мне. Я прочел — интересные письма.

Ответил Ветру, что к космосу надо

тщательно готовиться, особенно летать на самолетах, прыгать с парашютом.

Скоро Константин написал, что поступил в аэроклуб и учится в политехническом институте. В очередном письме-отчете он писал, что налетал уже более ста часов и сделал более десятка прыжков. Я не выдержал и послал к нему спортивного комиссара. Конечно, инкогнito. Он все проверил и доложил: «Делает больше, чем пишет!» Тогда я рассказал о нем Гагарину. Тот говорит: «Давайте пригласим его в Центр». Пригласили. Он всем понравился. Пришли к выводу — очень нужный человек. Королев, побеседовав с ним, сказал: «Отдайте мне его в КБ: он же талантливый инженер и вообще толковый человек!»

Мы приняли его в Центр кандидатом в отряд космонавтов.

Однажды я узнал, что Константин ведет подробный дневник. Попросил почтить, поскольку по себе знаю, как трудно это делать. За несколько лет, со дня, когда он решил стать космонавтом, Ветер не оставил без оценки ни... одного дня. Это был один из самых лучших дневников, которые я когда-либо знал. Там было все: от анализа своей работы до мнения о прочитанной книге. За это время он окончил политехнический институт, аэроклуб и налетал больше часов, чем космонавты. А сколько прочел, проанализировал, написал! Какой напряженный ритм жизни, целеустремленность и какая работоспособность! Редчайшие!

Беседы с ним убедили меня — выдающаяся личность. Такого же мнения был и Гагарин. И тут я сделал оплошность — дал почтить дневники председателю медицинской комиссии. Реакция была неожиданной: нормальный человек не может выполнить такую работу. Ни у кого не хватит пороха, чтобы поднять такой объем работ. Такая фанатическая целеустремленность — это ненормально!

— Тогда я тоже ненормальный, если всю жизнь веду дневник, — возразил я. И привел пример такой целеустремленности из личного опыта.

Когда я ехал поступать в Борисоглебское летное училище, со мной в купе оказались два брата. Один из них спросил меня:

— Ну, о чём мечтаешь?

— Хочу научиться летать! Неплохо бы закончить Военно-воздушную академию! Но, боюсь, сил не хватит: больно тщедушный.

— Мелко пашешь! — засмеялся он. — Лишько я мечтаю командовать воздушной армией. А вот брат мой, который дрыхнет на верхней полке, мечтает стать послом во Франции. Вот это умра, потому что он ведь ничего путем не знает и большой любитель сладко поспать!

Тогда я рассмеялся и подумал: «Брехунь!» Ведь в армии тогда и воздушных полков-то не было, об армиях и говорить нечего. Так и расстались, подтрунивая друг над другом.

После войны я был назначен командующим авиацией Средне-Азиатского военного округа. Прилетаю к месту назначения и встречаю давнего попутчика по купе — генерал-майора авиации Виноградова. Мы, конечно, вспомнили наш разговор. Брат его действительно стал дипломатом и уже работал за границей. А в 1961 году я с Гагариным прилетел в Париж, где меня встречал посол во Франции Виноградов, который позже стал заместителем министра.

Но и эти, и другие доводы не помогли. Слишком велик был психологический барьер. Тогда мы с Гагариным пошли к Вершинину. Тот ответил: «Медики! В космосе пока они отвечают за человека!»

Так Ветер не попал в первый отряд космонавтов. Мы ему объяснили ситуацию и обещали — я, Королев, Келдыш — что в следующий набор он будет включен обязательно. Ветер занялся испытательской работой. Стал делать столько, что снимать его с этой

основной и ответственной работы рука не поднималась. Он ведь обеспечивал безопасный полет другим, давая «добро» на многие космические аппараты.

В свое время я написал большой очерк о нем и дал в журнал. Там прочли и звонят: «Николай Петрович! Вы бы не могли получить визу у министра обороны? Человек сильно уникальный! «Так сами и получите!» — ответил я. — Каждый должен делать свое дело. Я свое сделал — написал. Пропагандой вы занимаетесь».

О нем я рассказывал на многих встречах, даже в ЦК ВЛКСМ, но материала так никто и не напечатал. Многим казались его способности невероятными. Мы привыкли жалеть себя и мало работать. Ветер беспощаден к себе и познает свои возможности в процессе работы. Ведь никто не знает, что он способен, пока не начнет что-то делать. Ветер — самый нормальный человек, умеющий ценить отведенное ему время. Побольше бы таких, и многие проблемы были бы давно решены...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

27 МАРТА 1968 г. Вчера получил команду: в 10 часов быть в Совете Министров, а в 11 — в ЦК КПСС.

В 8.30 был у Вершинина, сказал: «Хотелось бы присутствовать на полете Гагарина». Вершинин согласился: «Надо разрешить ему самостоятельные полеты. Космонавт обязан летать, тем более, что он просится в очередной полет в космос!»

За работой время идет быстро, и вдруг звонок с аэродрома: «Потеряна связь с самолетом Гагарина!» Сердце сжалось тяжелым предчувствием.

В связи с напряженными поездками, в том числе и за рубеж, учебой в академии, Гагарину категорически запретили летать. Физически это было невозможно совместить. До марта 1968 года Гагарин не летал.

Перед самым окончанием академии он всячески уговаривал меня разрешить ему летать. Даже дважды присыпал жену Валентину Ивановну. Она рассказывала, что Юра в связи с тем, что не летает, переживает сильно. Это может отразиться и на здоровье, и психике даже. Я согласился с ней и сказал, что после окончания академии мы разрешим ему летать.

Была составлена программа «вызванных» полетов. Она обычно не превышает 10 часов — это 20–30 полетов. Мы дали Гагарину 15 часов. И около сотни полетов по кругу. Всю эту программу он выполнил на «отлично».

После этого с ним слетал командир звена. Оценка — «отлично». Затем командир эскадрильи — «отлично». И еще мы решили: пусть с ним слетает перед самостоятельным полетом командир части Герой Советского Союза, летчик первого класса, серьезный, опытный человек Владимир Сергеевич Серегин. Он с ним вылетел, и оба погибли...

Позже события этого утра были восстановлены буквально по минутам, секундам, но ничего предвещавшего беду так и не было найдено.

Встал он, как обычно, в 6 часов 10 минут: зарядка, завтрак и работа с письмами — до семи утра. Набросал план на несколько дней. После семи позвонил дежурному: «Я на полетах!»

В лифте встретил соседей — женщин. Пошагил и полдорогишел с Георгием Доброловским, который потом рассказал, что Гагарин забыл пропуск на аэродром, поэтому вернулся.

— Да вас все знают и так пропустят! — успокаивал его Георгий.

— Неудобно! — возразил Юра. — Солдат будет проверять, а ты ему объясняй, кто ты есть! Порядок есть порядок! — И он вернулся.

В 8.15 Гагарин прошел медосмотр и облачился в летний костюм. С 9.15 началась предполетная подготовка, которую провел Серегин. Затем он

утвердил полетный лист, составленный и подписанный Гагариным. В 10.19 Гагарин поднял самолет в воздух.

В дальнейшем магнитофонная запись переговоров с Гагариным прокручивалась до отступления. Ее знают многие наизусть. Голос ровный, ответы четкие. И вдруг резкий обрыв в 10.30.

Вот последние слова Гагарина:

— 625-й! Задание в зоне 20 закончил, прошу разрешения на разворот. Курс 320.

— 625-й! Разворот разрешаю! — ответил руководитель полета.

— Вас понял! Выполняю!

На этом связь оборвалась. И пропала отметка самолета на индикаторе локатора. Она пропала в районе Киржача. Потянулись томительные минуты ожидания. Вылетели группы поиска.

Наконец, донесение от вертолетчика: «Вижу место падения самолета — в 2,5 километра юго-восточнее деревни Новоселово!»

Самые авторитетные комиссии тщательным образом расследовали причины этой гибели... Можно привести множество технических экспертиз и заключений, и все они говорят об исправности самолета, который, как полагают, разрушился от удара о землю.

Подготовка к полету 27 марта 1968 года была проведена в полном объеме, в соответствии с требованиями действующих документов и технических требований. Все системы самолета работали, и отказов в полете не было.

Проведены были и обширные медико-биологические исследования, которые установили, что экипаж пребывал в совершенно нормальном состоянии и позы до конца были рабочими. Анализ магнитофонной записи показал, что речь была нормальной до самого обрыва. А по характеру деформации самолета выходило, что разрушение произошло от одноразового приложения нагрузки, скорее всего при ударе о землю.

Так, Гагарин левой рукой держался за ручку управления, ноги его и Серегина находились на педалях. И никаких следов отравления газами, ядами и так далее не обнаружено.

Выходило, что никаких причин для гибели не было. Такова точка зрения Государственной комиссии, в состав которой входил и я.

Конечно же, больше всех досталось мне: «Куда вы смотрели? Почему не уберегли? И прочее, и прочее».

Народ писал тысячи писем и требовал указания причин гибели. Но официальной точки зрения тогда опубликовано так и не было.

Многие писали, что в Кремле есть Алмазный фонд. Так он — пустяк. Вот Гагарина надо было так же охранять. Чуть ли не в музей его под стекло посадить, чтобы для всего мира он оставался живым.

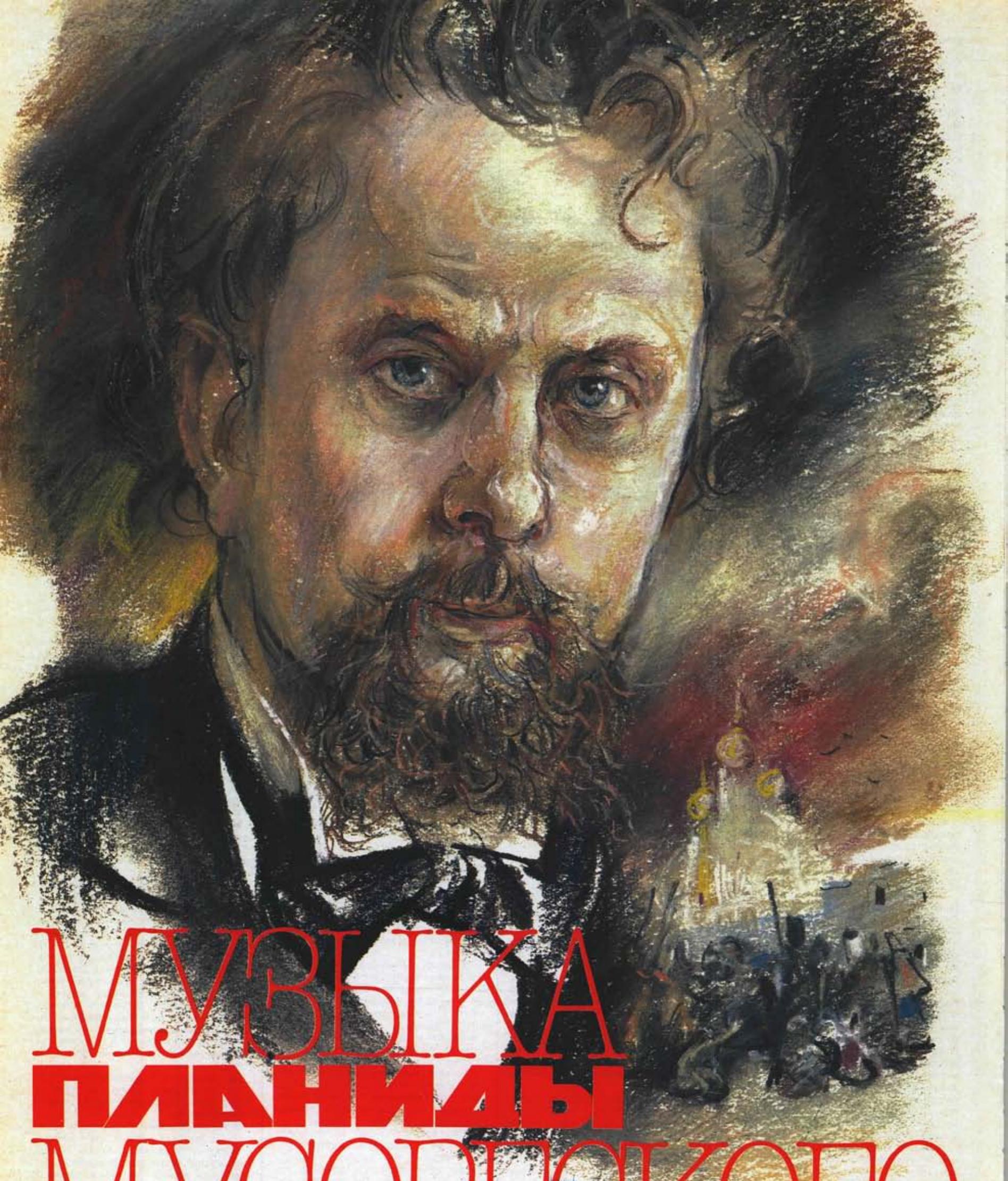
Конечно, многие просто не представляют, что такое летчик, космонавт. Гагарин, если бы ему сказали, что больше он летать не будет: мол, ты уже не летчик, не космонавт, а музейный экспонат, он через пару недель с ума сошел. Уверен: любой бы этого не выдержал. Что же говорить о Гагарине, который и во сне-то грезил полетами, стремился к ним всей своей натурой.

Гагарин всегда добивался поставленной цели со всей одержимостью. Он наверняка многое бы сделал и в науке, о чем говорил Королев, и в космос бы еще слетал. Но в его жизни своя логика.

Да, он рано и трагически погиб. Но этого невозможно было предвидеть. Жизнь таких одержимых людей просто непредсказуема.

О Юрии Гагарине я никогда не скажу: «Он был!» Он есть и будет всегда. И юность его вечна, а память о нем бессмертна! Жизнь его оборвалась, как недопетая песня, — на самой высокой ноте. Он погиб в самом расцвете сил, поэтому и остался вечно молодым...

Публикацию подготовил
Николай ХЛЕБОДАРОВ.

МУЗЫКА ПАНИИЫ МУСОРГСКОГО

Беседуя с Евгением Евгеньевичем Нестеренко, я знала, что через день ему исполнится 50 лет, будет присвоено звание Героя Социалистического Труда, по нескольким программам ЦТ покажут отрывки торжественного вечера из Большого театра... Но разговор наш — о творчестве Модеста Петровича Мусоргского. Нестеренко рассказывает о нем увлеченно, знает удивительно много.

Евгений Евгеньевич, давайте начнем разговор о творчестве Мусоргского с его портрета, который написан Репиным. Странный портрет — фактура атласного халата, осанка как бы настаивают на том, что изображенный человек — барин. И в то же время — мужицкое лицо, простонародное... Есть в этом какое-то несоответствие, даже противоречие. Но, возможно, оно есть и в том, как жил Мусоргский, в его личности, в его творчестве, наконец?

Неожиданный вопрос. Портрет этот действительно известен, и каждый воспринимает его по-своему. Я лично увидел его еще ребенком и не знал, что портрет написан в госпитале, незадолго до смерти Мусоргского. Может быть, потому он и одет как-то необычно?.. В госпиталь Мусоргский был помещен как денщик одного из своих друзей, так как денег для его лечения не было — зная это, я не воспринимаю халат, как некое роскошество.

Применительно к жизни и творчеству Мусоргского вопрос о противоречиях вполне уместен. Римский-Корсаков замечал, что Мусоргский пишет песни со странными гармониями. Лет десять назад Дмитрий Покровский и его товарищи по фольклорному ансамблю повехали на родину композитора и там записали народные песни с этими «странными» гармониями. У Мусоргского было мышление тех крестьян, в творчестве которых эта гармония жила. Отнюдь не незнание, не необразованность, но особый способ музыкального мышления дал композитору тот необычный язык, который теперь мы прочитываем довольно легко. А в то время он шокировал настолько, что Римский-Корсаков, мудрый, благородный, приспособил «Бориса Годунова», «Хованщину», ряд романсов и песен своего друга ко вкусам публики той эпохи, сделав великое, благое дело. Сейчас, правда, практический весь мир перешел на исполнение оригинального «Бориса», «Хованщины» в инструментовке Дмитрия Шостаковича, который не переделывал ее столь решительно, подчас безжалостно, как делал это из самых добрых побуждений Корсаков.

Расскажите, пожалуйста, об истории рода Мусоргских.

Род ведет свое начало от Рюриков. Несколько лет назад умерла последняя представительница этого рода, Татьяна Георгиевна Мусоргская. Жила она в Рязани. Была похожа на Модеста Петровича, хотя доводилась ему внучатой племянницей. Одна из пьес «Детской» посвящена Танюше и Гоге — Георгию Филаретовичу Мусоргскому. Муж и дочь Татьяны Георгиевны погибли в блокаду.

Вот как вспоминает первую встречу с Мусоргским А. Бородин: «Модест Петрович был в это время совсем мальчиком, очень изящным,

точно нарисованным офицериком: мундирчик с иголочки, в обтяжку... волосы припомаженные, ногти точно выточенные, руки выхоленные, совсем барские манеры, изящные, аристократические»...

Он был мягок, добр, по духу — глубоко демократичен и ласков со всеми. Модест Петрович очень ценил человеческое тепло, внимание. Наверное, потому так много значила в его жизни мать — Юлия Ивановна. На самом деле мы не так много знаем о жизни композитора. Вячеслав Гаврилович Каратыгин был первым нашим музыкой, побывавшим в 1910 году на родине Мусоргского и уже не заставшим ни дома, где тот родился, ни каких-либо деталей быта. С тех пор и вплоть до открытия музея ни один крупный музыкой, занимавшийся творчеством композитора, так и не побывал там. А ведь все нужно было по крупицам сохранить, записать, сфотографировать, обмерить. Да что говорить, когда все уже упущено. Ни В. Стасов, ни соратники по «Могучей кучке» ничего этого не сделали. Знать родные места художника — чрезвычайно важно. Нельзя понимать Пушкина без Михайловского, Тригорского, Болдина, Петербурга, наконец, Москвы, в которой он родился. Трудно представить себе Л. Н. Толстого без Ясной Полины. Я, например, посетив место, связанное с жизнью того или иного позта, композитора, резко менял или по меньшей мере корректировал первоначальный замысел роли, интерпретацию произведения. Необходимо знать тех, с кем профессионально связан, знать природу, которая их окружала, всю эту среду, что питала воображение, память, дух художника. Мусоргский был человеком и композитором трудной судьбы. Он был очень одинок в личной жизни, считал, что главное в ней — музыка, несовместимая с семейным посвящением. Он почти нигде не ездил — Москва, Петербург, Воронеж, Псковщина — вот и все. Да и в музыке он был вовсе не таким, каким может показаться людям, знающим только его бодрый призыв «к новым берегам». Мусоргский знал себе цену, хотя был не заносчив, скорее скромен, а успехи его при жизни не были громкими. Но интуиции гения он чувствовал свое величие и предвидел будущее своей музыки. Его первому принадлежит известная шутливая ода, посвященная Римскому-Корсакову, и себе самому:

«Но памятник себе воздвигнул
он нетленный:
Бориса гордого прославил и вознес.
И труд его отныне незабвенный
Музыку русскую во славу превознес».

Шутка эта оказалась пророческой. Если суммировать мои выступления за рубежом с русской музыкой, то в ряду русских композиторов на первое место придется поставить Мусоргского, а ведь наша музыкальная культура считается одной из крупнейших музыкальных культур мира. Даже П. И. Чай-

ковский, при всей его доступности, при всем гуманизме его творчества все-таки займет следующее после Мусоргского место.

Может быть, дело в том, что Чайковский композитор более европейского мышления? Мусоргский, видимо, привлекателен для иностранцев настолько, насколько привлекательна очень мощная и в то же время очень национальная культура?

Да, это так. Но не следует это понимать упрощенно, как музыкальную экзотику. Доля ее есть и в «Борисе Годунове», и, конечно, в «Хованщине». Но волнуют не только те произведения Мусоргского, где отчетливо выражен национальный «колорит», не только те вещи, что необычны по форме (скажем, «Семинарист», «Раек»), но произведения лирические, традиционные по форме, в которых нет абсолютно никакого зерна экзотики. Тем не менее они доходят до слушателя и глубоко трогают его. Мусоргский может быть очень разным. Но его музыка имеет русское существование. Как-то я беседовал о нем со Свиридовым и сказал, что если бы у нас не было Мусоргского, мы стояли бы на несколько ступеней ниже в сознании цивилизованного человечества. Свиридов возразил: может быть, и нет, но столь ярко выраженной русской национальной музыки у нас бы не было. И это так, несмотря на то, что Мусоргский отнюдь не пробавлялся только темами русской истории и русского быта. Его первая опера — «Саламбо» (по Флоберу) дала много тем для «Бориса Годунова». Монолог Бориса «Тяжка десница грозного суды» — это тема жрецов из «Саламбо», хотя сюжет тут отнюдь не русский. Тем не менее темы эти абсолютны, естественны в «Борисе». Композитором написан ряд произведений на стихи немецких поэтов — Гете, Гейне. Но все, к чему он присасывается, становится фактом отечественной музыкальной истории, национального музыкального мышления.

Вы заговорили о неоконченной опере «Саламбо». Известно, что многие произведения Мусоргского не завершены. Связано ли это с тем, что частные театры охотнее ставили его оперы, нежели официальные сцены? С большим пониманием относились к творениям композитора демократические слои общества. Знаменит тот факт, что студенты несли его из театра на руках после премьеры «Бориса». Только ли благодаря необычной музыкальной стилистике, непривычной речевой интонации ситуация складывалась так, а не иначе?

Принцип тому много, все они разные. В частности, я не исключаю, что Мусоргский был человеком не слишком организованным в быту и в творчестве. Этой черты просто не было в его характере. Как, например, и в характере Бородина. Но Бородин был великим химиком, его основная работа серьезно влияла на отношение к творчеству. Мусоргский был занят службой в Лесном департаменте (потом ушел), у него не было своего угла, жизнь его была не устроена. Да и понимания он в общем-то не встречал. Мы говорим о «Могучей кучке», оставшейся примером союза музыкантов. Но любой союз, будь то «Могучая кучка», ансамбль «Битлз» или театр «Современник», не может существовать всегда. Золотой период проходит, «далее — тишина».

Что до речитативности языка, то в творчестве Мусоргского были разные периоды: «Саламбо» — сплав речитативности и мелодичности, «Женитьба» — чистый речитатив, в «Борисе Годунове» речитативный склад очень сильно ощущается, а «Хованщина» —

более ариозного характера опера. Кстати, «Женитьбу» мы ставили в оперной студии консерватории со студентами. Они были тогда еще неопытными певцами, но в музыке так естественно звучала живая человеческая речь, что освоили они ее чрезвычайно легко. Это была изумительная постановка — на сцене стоял рояль, аккомпанировала пианистка. Но рояль был и частью интерьера дома Подколесина, вокруг него разыгрывалось действие — на него опирались, за них прятались. Шел спектакль с большим успехом, и каждый раз, с наслаждением слушая оперу, я просто не мог себе представить, что фразу Гоголя можно «высказать» лучше, чем это сделал Мусоргский. Я даже жалел драматических артистов, которые вынуждены обходиться без музыки. Мелодия Мусоргского — правдивая речь. Даргомыжский говорил: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово, хочу правды». Мусоргский... «добрел», — как он писал, — «до мелодии, творимой говором человеческим». И эта мелодия необыкновенно удобна для исполнителя. Интонации Мусоргского наполнены жизнью — в них есть мысль, эмоция, я понимаю, какое движение совершает при произнесении слова персонаж. Я чувствую: он сидит или стоит, и если сидит, то как — напряженно или свободно. Я ощущаю его дыхание — естественное или прерывистое. И все это заложено в нотах.

Конечно, трудно себе представить, как может быть признан официальными кругами композитор, который нигде не служит, не состоит в музыкальном обществе, так сказать, в Союзе композиторов, не имеет должности в императорских театрах — это чисто по-житейски понятно. С другой стороны, конечно, музыка, темы, вся эстетика Мусоргского опережали время. В этом трагедия композитора, но в этом и его счастье.

Странная вещь: он начинает с «Саламбо», то есть с французского произведения. А после его смерти слава композитора возвращается к нам из Франции. Многое сделал для Мусоргского Дебюсси, неоднократно подчеркивавший его влияние на свое творчество.

Дебюсси — композитор другой эпохи. Он уже был способен понять Мусоргского. Действительно, влияние «Песен и плясок смерти», «Без солнца» — последних циклов Мусоргского на творчество Дебюсси несомненно (кстати, один крупный музыкой полагал эти произведения свидетельством вырождения таланта Мусоргского, теперь он думает иначе, но и тогда был искренен — его никто не заставлял так писать, напротив, сразу после революции Мусоргского поднимали на щит). Влияние Мусоргского отчетливо в «Пелеасе и Мелисанде» Дебюсси. Я пел в 1977 году эту оперу в «Ла Скала», и вот что было сказано в одной из рецензий про исполняемую мной роль Аркеля: «Слушая Нестеренко, понимаешь, как глубоко своими корнями Дебюсси уходит в творчество Мусоргского». Глубочайшая связь со словом в этом произведении Дебюсси — следование принципам второй неоконченной оперы Мусоргского «Женитьбы», которую сам он считал опытом, своего рода упражнением. На мой взгляд, это «упражнение» — одно из гениальных созданий человечества в жанре оперы. Дебюсси эту традицию развил. Через Дебюсси Мусоргский повлиял на Бартока, чья речитативная опера «Замок Герцога Синяя Борода», полная сильных страстей и глубокого смысла, восходит к «Каменному гостю» Даргомыжского и «Женитьбе» Мусоргского.

Его музыка удивительно живо-

писна. Каждый звук — краска, целое произведение — картина. В этом есть что-то фантастически мощное, связанное с литературой и особенно, как мне кажется, с литературой Гоголя.

Это бесспорно. Мы не только слышим, но видим происходящее. Инstrumentальная музыка Мусоргского передает не только настроение, состояние души, но и зримые образы. Пример — «Картины с выставки». А ведь живопись Гартмана — вовсе не выдающееся явление. Он был архитектор, рисовал, и когда видишь его рисунки, поражаешься, насколько богаче фантазия музыканта, чем то, что ее разбудило.

Наверное, потому ансамбль Моисеева поставил на балетной сцене великолепную «Ночь на Лысой горе». И тут возникает еще одна тема — тема инструментовок классической музыки. Много лет назад, скажем, знаменитый органист Кейт Эмерсон сделал альбом «Картины с выставки» — свои впечатления от тем Мусоргского. Эмерсон — человек академического образования, затем ушедший в рок-музыку. Многие поклонники современных музыкальных жанров возвращались к классической культуре именно через какого-то очень авторитетного для них человека.

Попытка сделать более доступной красотность Мусоргского приводила к многоократным попыткам инструментовать «Картины с выставки». Лучше других мы знаем инструментовку Равеля. Не так давно Эдисон Денисов инструментовал «Детскую», «Без солнца», а также «Песни и пляски смерти» в басовой тональности. Инструментовка Д. Шостаковича подходит только для среднего голоса. Я просил Шостаковича перевести ее в другую тональность, он согласился, но не успел... Премьера инструментовки Денисова состоялась в Токио. Играли токийский «Метрополитен оркестр», дирижировал Герберт Кегель из Лейпцига. Никогда прежде мне не приходилось бисировать после этого цикла. Нас не отпускали со сцены. Я вынужден был повторить «Полководца» и подумал тогда, как сближает музыка людей, народы. Я вспомнил, что «Забытый» Мусоргского был эскизом к «Полководцу». А «Забытый» был вдохновлен картиной Верещагина (она не сохранилась). Верещагин погиб вместе с адмиралом Макаровым на «Петропавловске», торпедированном в русско-японскую войну. И вот — премьера в Токио, и японские любители музыки оказывают невиданный доселе прием этому циклу.

Я не против пропаганды через рок или джаз. От этого просто не уйти. Не можем же мы запретить Рэю Конниффу использовать и исполнять какие-то темы. Использование народной музыки, классической музыки в таком качестве вполне возможно, но при известном чувстве такта, знании материала. Молодой человек, которому скучно слушать классику, встречает вдруг тему из Бетховена в исполнении негритянских джазменов. Это не так страшно для Бетховена, а главное — становится ясно, что не так уж он непостижим, труден для восприятия. Может быть, человек, десять раз прослушавший Шопена — Конниффа, захочет познакомиться с самим Шопеном.

Вы говорите, что музыка сближает народы, почему же она разединяет поколения?

Мне приходилось много говорить об этом, но я — педагог с двадцатилетним стажем, и знаю, чтобы человек постиг какой-то закон, надо много раз повторить одно и то же. Школа учит считать, писать, читать, знакомит с географией, историей, биологией, астрономией, но ни музыке, ни живописи, ни спорту не уделяет достаточного внимания. Я окончил школу с золотой медалью. У меня сохранились тетради по алгебре, геометрии. Смотрю в них, и у меня волосы дыбом становятся: как мы все это могли постичь, заучить. Потом я окончил инженерно-строи-

тельный институт, занимался высшей математикой, меня даже прочли в аспирантуру, а сейчас из всей высшей математики я помню только, как знак интеграла выглядит. И все. Ничего не осталось. Мы изучаем плохо преподаваемую литературу, заучивая наизусть громоздкие правила русского языка, а грамотность падает. Я получаю много писем от молодых людей, написанных иногда так безграмотно, что стыдно читать, а иногда и вовсе до смысла не доберешься. Понимаю, конечно, не все способны к изящным искусствам, но они должны быть равноправными предметами.

Далее, я бы сказал, экспансия американской поп-культуры. Взаимопроникновение культур естественно. Но никогда прежде не было такого, чтобы одна культура подавляла все остальные. Вопрос этот сложен: скажем, симфонический оркестр проник в Россию, потому что он не был принадлежностью русского общества, например, при царе Алексее Михайловиче. Симфонические жанры — порождение итальянской культуры, — попав на новую национальную почву, ассимилировались, обогащались чертами данной музыкальной культуры и порождали какой-то синтез. Музыка эта становилась фактом именно национальной культуры. А рок-музыка никак не может найти контакта с богатейшими традициями народной, советской песни. У меня есть специальная программа «Песни нашей молодости». Она включает революционные песни, песни гражданской войны и так далее. Одна лучше другой — просто драгоценные слитки. Они имеют свои корни — городская и крестьянская песня, русский бытовой романс. Мы обязаны отдать себе отчет, что у нас нет бытовой музыкальной культуры. Лет сорок тому назад, когда она еще существовала, к ней относились свысока: «Собираются, поют бог знает что». Теперь мы из производителей культуры превратились в ее потребителей. Кое-кто пренебрежительно отзывался о народной музыке, стариных русских, цыганских романсах — а теперь попросите человека хоть что-нибудь вам спеть, да он не умеет. Молодежь растет в семьях, где не поют, в школах их обучают пению в лучшем случае формально. Так что мы с этой молодежью можем требовать? Для них ведь даже нет специального абонемента. В Большом театре не идет «Руслан и Людмила», нет детских утренников, а если они и ставятся, то не попасть ни детям, ни взрослым — все равно интуристы, делегации ходят. Недавно мы поставили «Сказку о царе Салтане». Идет опера вечером, приходят люди, заглядывают в буфет, рассматривают листры. И вот ее перенесли во Дворец съездов, который мы, артисты, как сцену не очень любим, но есть одно преимущество — туда еще может попасть простой человек. Иду я на спектакль как на наказание (не люблю эту роль да плюс во Дворце съездов). И вдруг вижу полный дворец детей. Они так горячо принимали, они так переживали, а когда представление закончилось, побежали к сцене, чуть в оркестровую яму не попадали. Совершенно другая обстановка была, у артистов настроение иное. Дайте этим детям возможность прийти в Большой театр, попасть в его атмосферу — они потом придут еще и еще.

В Ленинграде раньше был детский абонемент (не знаю, как сейчас). Приезжал я в Малый зал Ленинградской филармонии (любимый мой зал, наравне с Большим Московской консерватории), приходят люди с ребенком: «Знаете, мы ходили на ваши концерты, когда вы еще студентом выступали, а теперь вот сына привели». Да и Ленинградская консерватория раньше давала утренние концерты для детей. Конечно, огромное дело сделала Н. И. Сац, открыв Детский музыкальный театр, да еще такой чудесный, но один театр не может решить проблемы музыкального воспитания. Этим долж-

ны заниматься все театры, все оркестры, ансамбли, хоры.

А вы не пробовали хотя бы к юбилею (у нас принято: все — к юбилеям) на телевидении сделать вокальный цикл Мусоргского? Опера — все же крупная форма, требует определенной культуры восприятия, да и просто умения сидеть и слушать. При помощи телевидения можно было бы рассказать о Мусоргском, о том, каким он был человеком.

Согласен. Телевидение использовать необходимо. Недавно мне одна знакомая говорит: что-то вы давно не выступаете. Я ей: «Побойтесь бога, через день на сцену выхожу». Она: «Ну что вы, я вас давно уже по телевидению не видела». Надо увеличивать количество посвященных искусству передач, расширять тематику. В ГДР, сравнительно маленькой стране, три крупнейших артиста ведут такие циклы. Когда-то и я вел «Музыку для всех», но ее взяли и бесцеремонно закрыли, ни слова мне не сказав, заменили программой «Музыка и мы». Неужели нельзя оставить и то, и другое? К тому же надо, чтобы о деле говорили люди, его знающие. Артисту верят больше, чем диктору.

В Польше проводятся конкурсы на лучшее исполнение советской песни. Много лет одна из японских певиц (недавно она к нам приезжала) поет русские романсы — Глинку, Чайковского, Рахманинова, Свиридова, все это пользуется большой популярностью. Когда я был последний раз в Японии, знаете, что просил меня исполнить импресарио? «Под звездами Балканскими», «Славное море, священный Байкал», «Ах, Настасья, отворяй-ка ворота», «Журавлей» Френкеля — Гамзатова поет японский хор. Вот наше богатство, его надо соединить с новейшими веяниями.

Скажите, готовится ли книга о жизни и творчестве Мусоргского? Ведь жизнь его для нас — сплошные «белые пятна».

Я вам рассказывал о родословной Мусоргского. Об этом очень интересно пишет в своей книге, которая должна скоро выйти, Н. С. Новиков — великолукский журналист, писатель. Он сделал, не побоюсь этого слова, эпохальное открытие: нашел в архиве подлинную метрическую запись о рождении Модеста Петровича. Прежде публиковалась копия, и даже село, в котором родился Мусоргский, называлось в ней не Карево, а Кажево. Новиков открыл множество ветвей генеалогического древа рода Мусоргских, он установил фамилию Ирины Егоровны, выяснил историю ее брака с дедом Мусоргского. Узнал, что семинариста, которого композитор прославил своей музыкой, звали Василий Лобанов, а поп Семеон Суворов действительно служил в церкви святого Одигитрии, которая находилась по соседству с селом Мусоргских. В ней венчались родители Модеста Петровича, на ее погребе похоронены мать Мусоргского и многие его родные. Здесь-то и служил поп Семеон: «У попа Семена дочка знатная такая...» Новиков опросил старожилов тех мест, которым их отцы рассказывали, как барин приезжал из Петербурга, какие обычаи были у Чирковых (семья матери). Книга обещает быть очень интересной. Готовит ее Лениздат.

А как идет подготовка к 150-летнему юбилею Модеста Петровича Мусоргского?

Вы знаете, я имел честь принимать участие в фестивале, посвященном 100-летию со дня смерти Бородина. Проходил он в... итальянских городах. Видно, Бородин более близок Италии, в которой однажды побывал, чем России. В этот момент по всей Италии гастролировали оркестр под управлением Г. Рождественского, квартет имени Бородина. Состоялся симпозиум «Александр Бородин — музыкант и ученик». Читали «Слово о полку Игореве»,

выступали ученые-химики. В фойе «Театро филармонико» в Вероне работала выставка, материалы для нее были привезены из наших музеев, а в самом театре шел «Князь Игорь». Наши итальянцы дом, в котором жил композитор, встречались с потомками хозяев, решили установить на этом доме мемориальную доску. Наша пресса об этом событии молчала, зато говорит о хоккее, футболе, погоде...

Но надеюсь, что юбилей Мусоргского мы встретим достойно, кое-что уже сдвинулось. Начали издавать полное академическое собрание сочинений композитора. Редколлегию возглавляют композитор Г. Свиридов, музыкoved и текстолог Е. М. Левашов. В первый том войдет «Борис Godunov». Существует музей Мусоргского на его родине — Псковщине, представляющий большой интерес для всех, кому дороги его имя и творчество. Это маленький, но все же центр культурной жизни в сельской местности. Еще в 1977 году там была только экспозиция во флигеле, сейчас музей уже «встал на ноги». В марте здесь проводятся музыкальные фестивали. Летом 1980 года сюда приезжали Московский камерный хор под управлением В. Минина, Е. Образцова, композитор и пианист М. Ермолов, эстонский бас М. Пальма. Музыку слушали небеса, озеро, леса, которые помнят Мусоргского.

Тем не менее сейчас очень актуальны три проблемы, две из которых решить легко. До сих пор в стране нет театра имени Модеста Петровича Мусоргского. Когда отмечали 100-летие со дня кончины композитора, были внесены предложения в Совмин РСФСР. Думали о Новосибирском театре, но я лично ратовал за Воронежский — Мусоргский там бывал. Решение так и не принято.

Нет ни одной мемориальной доски. Основную часть жизни композитор прожил в Петербурге. Но даже на здании бывшего военно-хирургического госпиталя, где он скончался, доски нет.

В 1978 году Совет Министров РСФСР издал постановление о сооружении памятника на территории усадьбы-музея Мусоргского на Псковщине. Когда-то В. Стасов писал, что Мусоргский принадлежит к тем людям, которым потомство будет ставить монументы. Ошибся Стасов — так и нет до сих пор. Заказ был осуществлен талантливым скульптором Виктором Хачатуровичем Думянцем. Он сделал великолепный памятник, применительно к особенностям ландшафта. Министерство культуры и несколько комиссий одобрили работу, и уже давным-давно она стоит в гипсе. Но прежнее руководство Псковской области по непонятным причинам тянуло, препятствуя реализации проекта. В 1980 году побывала там весьма авторитетная комиссия, состоявшая из скульпторов, архитекторов, музыкантов. Все сошлись на том, что, лучшего места, чем выбрано скульптором, и не придумаешь. Был подписан документ, а через месяц члены комиссии — псковичи от своих подписей отказались. Весной 86-го года была последняя комиссия. Опять все — «зя», но главный архитектор Пскова — против. Целый детектив... Почему же не учитываются мнения и советы таких знатоков, как Г. Свиридов, В. Минин, Е. Образцова, Ю. Симонов, В. Агафонников, А. Микк, М. Пальм, скульпторы О. Комова, Ю. Чернова, О. Кириухина, и многих других? 10 лет прошло со дня постановления, восемь — с того момента, как был готов памятник, а воз и ныне там. Но я надеюсь, что новое руководство Псковской области осознает всю серьезность сложившейся ситуации и примет экстренные меры, чтобы к марта 1989 года, когда, по решению ЮНЕСКО, будет праздноваться 150-летний юбилей композитора, памятник будет стоять на холме, куда, по преданию, Мусоргский любил подниматься...

Записала
Марина ТИМАШЕВА

раз зрители театра «Бюффон» — Парижен увидят его в последней пьесе Жана Кокто «Бахус». 74-летний актер на этот раз выступил в качестве и режиссера-постановщика пьесы, и художника по костюмам, и художника-постановщика.

РЕВОЛЮЦИЯ... В БИБЛИОТЕКЕ

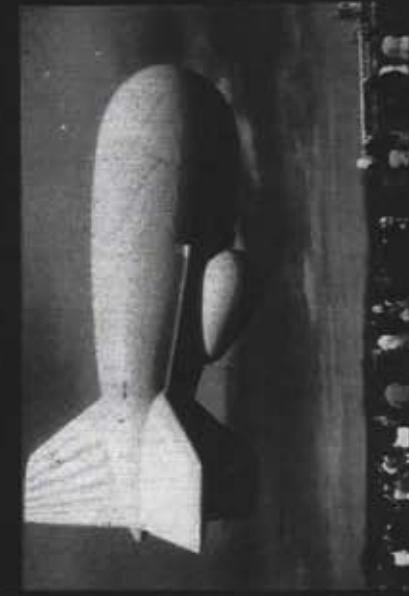
Национальная библиотека в Париже, где хранятся все документы, когда-либо выходившие во Франции, переживает революцию. Заканчивается эра ящиков с карточками и гигантских талмудов. Наступает эра компьютеров. Теперь посетитель библиотеки не копается в картотеках в поисках нужной книги или справки. Достаточно нажать кнопку персонального компьютера, и на экране дисплея появится нужная информация. Новый электронный каталог располагает данными о 12 миллионах изданий, которые появились за последние шесть лет.

«ФРАНС ПРЕСС», ФРАНЦИЯ

РАДАРЫ ПРОТИВ КОНТРАБАНДИСТОВ

В целях борьбы с контрабандой наркотиками американские власти начали использовать радары, установленные на дирижаблях. Эти «воздушные» радары могут засекать даже легкие самолеты, пересекающие границу на любой высоте.

Обычные радары, установленные на земле,

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

За последние десять лет в мире было учтено в общей сложности 500 журналистов. Как сообщает кубинская печать, 358 потеряли жизнь в Латинской Америке. За это же время около тысячи репортеров подверглись арестам, пытали или же высыпали из тюремной ямы. Статистика показывает, что больше всего опасности подстерегают журналистов в относительно спокойных странах, например, в Мексике.

раз зрители театра «Бюффон» — Парижен увидят его в последней пьесе Жана Кокто «Бахус». 74-летний актер на этот раз выступил в качестве и режиссера-постановщика пьесы, и художника по костюмам, и художника-постановщика.

«ПАРИ МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Национальная библиотека в Париже, где хранятся все документы, когда-либо выходившие во Франции, переживает революцию. Заканчивается эра ящиков с карточками и гигантских талмудов. Наступает эра компьютеров. Теперь посетитель библиотеки не копается в картотеках в поисках нужной книги или справки. Достаточно нажать кнопку персонального компьютера, и на экране дисплея появится нужная информация. Новый электронный каталог располагает данными о 12 миллионах изданий, которые появились за последние шесть лет.

«ФРАНС ПРЕСС», ФРАНЦИЯ

Когда в одной школе на окраине Дели произошел землетрясение, и дети выбежали на перемену во двор, в классы через открытые окна с визгом ворвались обезьяны, сидевшие до той поры на деревьях. Они набросились главным образом на завтраки учеников и, унесли их на деревья, стали лакомиться добром. В пригородах Дели сейчас проживают и бесчинствуют сотни обезьян. Регулярно они предпринимают налеты на школы, учреждения, храмы, магазины, а недавно хотели проникнуть даже в здание парламента. Хвостатые хулиганы словно знают, что им никто не трогнет: согласно религиозным традициям, обезьяны относятся к неприкасаемым животным. Индийская столица расположена всего в троих « официальных » ловушками, которых дано право приманить против них мыши. Ввиду подавляющего численного перевеса обезьян ловушки не в силах защитить город.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ », ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ХВОСТАТЫЕ ХУЛИГАНЫ

Когда в одной школе на окраине Дели произошел землетрясение, и дети выбежали на перемену во двор, в классы через открытые окна с визгом ворвались обезьяны, сидевшие до той поры на деревьях. Они набросились главным образом на завтраки учеников и, унесли их на деревья, стали лакомиться добром. В пригородах Дели сейчас проживают и бесчинствуют сотни обезьян. Регулярно они предпринимают налеты на школы, учреждения, храмы, магазины, а недавно хотели проникнуть даже в здание парламента. Хвостатые хулиганы словно знают, что им никто не трогнет: согласно религиозным традициям, обезьяны относятся к неприкасаемым животным. Индийская столица расположена всего в троих « официальных » ловушками, которых дано право приманить против них мыши. Ввиду подавляющего численного перевеса обезьян ловушки не в силах защитить город.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ », ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ДЕЛОВЫЙ ЛЮДЯМ

Карманный телефон «Супер Стар» размером чуть больше пачки сигарет. Его можно носить в кармане или в сумке. Пользуясь этим устройством, можно вести переговоры на расстоянии до двух километров от дома в сельской местности и до 400 метров в городе. Для радиоволн, которые связывают телефон с его базовым аппаратом, подключенным к электрической и телефонной сети, даже бетонные стены не помеха. На ночь телефон устанавливается на базисное устройство для подзарядки. Новые часы фирмы «Касио» запоминают 50 телефонных номеров, которые набираются автоматически. Для этого достаточно поднести часы к телефону, снять телефонную трубку и нажать на кнопку, соответствующую выбранному номеру. Часы также снабжены скрытым кодом, каплевидным до 2029 года и устройством, позволяющим определить время в 24 часовых поясах.

«ПАРИ МАТЧ», ФРАНЦИЯ

денеги. Выяснилось, что через каждые 23 операции проходит одно ограбление. Не спасает и то, что банки-автоматы снабжены тепекамерами наблюдения. Каков же выход? Похоже, его пока нет. Было предложение переоборудовать автоматы по системе «Драйв ин», то есть получить деньги, не выходя из машины. Но тогда клиент может лишиться не только денег, но и машины, на которой он приехал...

«КАМБИО-16», ИСПАНИЯ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

За последние десять лет в мире было учтено в общей сложности 500 журналистов. Как сообщает кубинская печать, 358 потеряли жизнь в Латинской Америке. За это же время около тысячи репортеров подверглись арестам, пытали или же высыпали из тюремной ямы. Статистика показывает, что больше всего опасности подстерегают журналистов в относительно спокойных странах, например, в Мексике.

Перу, Колумбии, а не в откровенно диктаторских, как Парагвай или Гаити. Больше всего журналистов погибло в Аргентине — 164, в Чили — 25, и еще 11 пропали без вести. В Сальвадоре и Гватемале соответственно — 28 и 42.

«МАДЬЯРСКА», ВЕНГРИЯ

ДЕНЬГИ ИЛИ ЖИЗНЬ

В США все большее распространение получают так называемые банкоматы — специальные устройства, при помощи которых вкладчики обычного банка уже после его закрытия могут получать свои деньги. Как правило, работа таких банков-автоматов начинается в вечернее время и продолжается всю ночь.

Сказалось, что такая форма обслуживания клиентов весьма бесплодна. Но испытывавшие, проведенные специалистами одного американского института, показали, что это не совсем так. Проверив работу 75 тысяч автоматов в 177 банках страны, исследователи пришли к выводу, что банкоматы начинают пользоваться все большей популярностью у граждан. Они подкарауливают вкладчиков в тот момент, когда «клиенты» получают у автомата

ЗАРУБЕЖНАЯ
СТАТИСТИКА

«ГЕО», ФРГ

НЕУТОМИМЫЙ ЖАН МАРЭ
Известный французский актер Жан Марэ вновь на театральных подиумах. На этот

Состоялось следствие и суд. Кружнев получил три года условно, был исключен из комсомола и отчислен из университета.

На следствии и суде Леня твердо и последовательно повторял, что ничего не помнит. Его ударили по лицу, он бросился на обидчика, очнулся, когда его держали товарищи. Это и спасло его от тюрьмы.

«Дурак и неврастеник,— рассуждал он, вернувшись из суда.— И чего ты добился?» Парня, который лишь недавно вышел из больницы, он не жалел. Просто о нем не думал, а вот комсомольское собрание вспоминал. Где они, комсомольцы-добровольцы, которых показывают в кино? Робкие голоса, прозвучавшие в его защиту, потонули в шквале негодования. Кружнев обнажил свою звериную, антигуманную сущность, чуждую социалистическому обществу. Кружневу не место в рядах... Леня все время помалкивал, думал, обойдется, но когда с трибуны сформулировали мысль о его чуждой сущности, да еще добавили что-то о разлагающей идеологии Запада, и какая-то комсомолка-двоичница наклязунчала, что видела, как Кружнев читает Ницше, он понял — это конец. В своем последнем слове Леня сказал:

— Это вы антигуманны, мозги ваши заштампованы, в Ницше вы ничего не понимаете, так как не читали. И возмущение ваше насквозь лживое, в деканате сказали исключить, вы и стараетесь.

Он подошел к столу, за которым сидело бюро, положил комсомольский билет и прошел через примолкнувшую аудиторию. Получилось красиво, но совершенством бесстыдно. И девочку, из-за которой все произошло, он давно разлюбил, и диплом накрылся, а его надо бы иметь. Физику, математику да и гуманитарные науки Леня не любил, но учился отлично, так как обладал феноменальной памятью и упорством, мог заниматься восемь—десять часов в сутки. Он стремился быть первым, иначе затолкнут, упрятут в толпу, которую он презирал. Понимание толпы как однородной серой человеческой массы у него ассоциировалось с собственными родителями. Мама с папой были людьми из длинной покорной очереди, что вьется порой у магазина.

Отец работал бухгалтером, всю жизнь просидел за одним и тем же столом и поднимается из-за него, лишь когда собирается на пенсию. Мать служила в канцелярии министерства, перекладывала со стола на стол бумаги, подшивала их в папочки. Оба они были маленькие и тихие, носили огромные очки, за которыми стеснительно прятались добрые, ласковые глаза. Вечерами они пили чай с сушками и вареньем, смущенно, словно вчера познакомились, улыбались друг другу и восторженно встречали сына, когда он выходил из своей комнаты к столу.

Леня не любил смотреть на родителей, понимая, что он их копия. Однажды в припадке злобы подумал: таких следует кастрировать, чтобы не было потомства. Два серых мышонка влюбились и произвели на свет, естественно, мышонка, но с волей, душой и сердцем другого существа.

Дома Леня никогда ничего не рассказывал, промолчал и о суде, и об исключении. «Надо искать выход»,— думал он, укрывшись в своей комнате. Все в их квартире было маленьков, затертое, тесное, как и положено в мышиной норке. Правда, какой-нибудь чудак мог бы назвать его прелестным гнездышком, согретым любовью и семейным уютом.

«Подведем итоги: без диплома, исключен из комсомола, имею условное осуждение. С таким набором меня в нашем сверхгуманном и сверхдемократическом обществе допустят стояржить лишь черный ход».

Делать изнурительную гимнастику, сидеть бесконечными часами за письменным столом — к этому он принуждал себя силой. Но любил только стругать и резать деревянки. Взяв причудливый корень, Леня взглядывался в него, словно угадывал знакомые, но забытые черты, потом острым ножичком удалял лишнее, выявляя пригревшийся образ. В основном у него получались горбунь-уроды, змеи-горынычи, страшные доисторические ящеры.

Оказавшись выкинутым из привычной жизни, подыскивая для себя новые пути, Леня выгреб из стола свои поделки. Стоит попробовать, решил он, и со свойственным ему упорством и фанатизмом начал работать.

За два-три года Кружнев нашел единомышленников — каких только чудаков и сумасшедших нет в столице! — обнаружил выставки-продажи, обзавелся специальным инструментом, начал гулять по паркам и лесам Подмосковья в поисках природы.

На выставках Леню Кружнева обвиняли в бездуховности, но его страшноватые творения пользовались успехом у детей и богомольных старух. Одни видели

в них любимых сказочных героев, другие — исчадия ада, которые грядут в наказание за все грехи человеческие. Он создавал то, что хотел, именно так, как чувствовал, заботился о своем гардеробе, содержал в порядке «Жигули», стал поглядывать на женщин.

Маша, она называла себя Марией, только исполнилась двадцать. Она приехала со Смоленщины якобы поступать в институт, на самом деле мечтала выйти замуж за москвича и жить, как подобает красавице.

Маша работала штукатуром на стройке, жила в общежитии, все деньги тратила на косметику и наряды, разыскивала сначала принцев, затем по инсходящей — замаголов, продавцов комиссии, грузчиков мебельных магазинов. Мужчины знакомились охотно, с готовностью кормили в ресторанах, оставляли ночевать, но жениться не торопились.

Леня Кружнев подвез как-то Машу от проспекта Калинина до Белорусского вокзала, а через два месяца они поженились.

Надо отдать Кружневу должное: он не обманывался, в чувствах Маши не верил, знал цену уму и духовному содержанию своей избранницы: нужна квартира, московская прописка и машина? Имеется. Ты тоже меня устраиваешь. Так состоялась сделка.

Лене нравилось, что жена будет полностью от него зависеть. Казалось, он все учел и взвесил. Но вся немудреная конструкция Лени Кружнева через полгода рассыпалась. Он влюбился в собственную жену.

Женщины — существа чуткие, Маша не была исключением. Она ощутила перемену в отношении к ней мужа и методично, неторопливо повела захватническую войну. Сначала молодые поменялись с родителями комнатами, переселились в большую. Маша ушла с работы — непристойно жене художника штукатурить стены, — получила права и стала «одалживать» машину сначала на час-два, потом на полдня.

Леня сдавался без борьбы, с юношеским восторгом, потакал капризам, дарил цветы, покупал кофточки и платышица. Он никогда не подозревал, что отдавать и дарить значительно приятнее, чем требовать и получать. Глупость и женское коварство Маши он отлично понимал, но и они приводили Леню в неописуемый восторг.

Но Маша погибла в автомобильной катастрофе. Кружнев впал в бешенство. Не жалко было человека, женщину, возможно, мать его будущих детей. Как только исчез пьянящий азарт обладания ее телом, Леня трезво осознал обстановку. Пошлая, алчная девка! Но он любил ее такую, она дарила ему счастье! Отняли, надругались над его чувствами! За что?

Кружнев заперся дома, перестал бриться и даже умываться, почти не ел — вспоминал. Всю жизнь он, надрываясь, боролся за существование. Рожденный мышонком, он ежедневно истязал себя, харкал кровью в буквальном смысле, закаливая тело. Его никогда не любили. Из университета высыпал на помойку. Но он не позволил себе опуститься: не спился, не начал воровать, восстал, можно сказать, из пепла и захватил место под солнцем. Теперь убили любовь, эту глупую девку, которая никому, кроме него, зла не делала. «Вы меня всегда унижали, теперь отняли самое дорогое, но я вам отомщу!» Кому конкретно и за что собирался он мстить, Кружнев не задумывался.

Он похоронил Машу, получил страховку за машину, жил рядом с родителями, сутками не выходил из дома. Постепенно вялость и сонливость проходили. Снова занялся гимнастикой. Но к резьбе по дереву не вернулся — былое увлечение угасло.

Однажды поздно вечером Кружнев, выходя из кафе, где был завсегдатаем, столкнулся с подвыпившим верзилой. Пока парень собирался отшвырнуть замухрышку, Леня ткнул его железным кулаком в горло, ударил носком ботинка ниже живота, хотел наступить упавшему на лицо, но увидел мужчину, который, сидя в машине, наблюдал за происходящим, и, перешагнув через тело, скрылся в темноте.

Босс подпольного синдиката Юрий Петрович, а именно он оказался случайным свидетелем «подвига» Кружнева, вышел из машины, помог подняться изувеченному парню, спросил:

— За что он вас?
— Поймаю — убью!

От Юрия Петровича, человека весьма наблюдательного, не ускользнуло намерение Кружнева добить упавшего, и он подумал, что скрывшемуся человеку просто цены нет.

— Знакомый?
— Знакомые у него в психушке, — просипел парень, покачиваясь. — Ну, поймаю...

— Вы уж его лучше не ловите, — перебил Юрий Петрович и вошел в кафе.

Выпив рюмку коньяку и чашку кофе, поболтав с официанткой, он без труда узнал, что интересующий его человек — художник, заходит сюда почти еже-

ЕЩЕ НЕ ВЕЧ

дневно, недавно потерял в автомобильной катастрофе жену.

Юрию Петровичу очень понравился пока еще незнакомый художник. «Цены ему нет», — думал старый делец. Зачем конкретно ему нужен потенциальный убийца, Юрий Петрович не знал, но, что художник убьет, не задумываясь, не сомневался.

На следующий день Юрий Петрович прогуливался у входа в кафе.

Леня пришел около семи и занял столик в углу, усевшись лицом к залу. Как зверек, отметил Юрий Петрович, подходя к нему. Отодвигая стул, вежливо, но не терпящим возражения тоном сказал:

— Извините, молодой человек, я ненадолго, — и сел.

Леня не ответил, держался замкнуто, но через полчаса они уже пили коньяк и мирно беседовали. Опытный старый волк ненавязчиво упомянул о своем одиночестве, жестокости сегодняшнего дня, инфантильности окружающих и пошлости выбравшихся на верх. Как талантливый гитарист, он перебрал все струны человеческих слабостей, и Лене Кружневу показалось, что он знает соседа всю жизнь.

Юрий Петрович устроил Кружнева на работу, не связанную с нелегальной деятельностью. «Воров я всегда найду, а убийцу встретил впервые, такого следует беречь», — рассудил Юрий Петрович. Чтобы заинтересовать и связать Кружнева материально, он посыпал его иногда с пустяковыми поручениями на дачу к своей любовнице и платил пятьдесят или сто рублей.

Юрий Петрович подогревал в Кружневе ненависть к людям, всячески выпячивал их ничтожество и подлость и время от времени проверял своего подопечного в действии. Как-то, гуляя по пустынной аллее парка, они увидели двух подвыпивших парней, и Юрий Петрович сказал:

— Вот подонок, и суда на него нет.
Кружнев не поинтересовался подробностями, спросил деловито:

— Который?
— Что повыше.

Расправа была молниеносной и жестокой.

Юрий Петрович был доволен собой, отмечая, что он человек незаурядных способностей, можно сказать, талантливый. Казалось бы, с чего началось? Подрались два парня в кафе. Другой бы и внимания не обратил, а он, Юрий Петрович, и оскал Кружнева заметил, и ногу поднял над лицом лежавшего. И теперь у него есть Кружнев. В большом хозяйстве все пригодится. Долго держал он Леню в тени, используя по мелочам, и вот пришло время...

РОЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Отари дал задание установить, куда мог торопиться погибший в катастрофе Важа Бахтадзе. Распорядившись, выглянув в окно, позвал водителя машины. Накануне шофер в присутствии Кружнева попытался открутить до упора завинченную гайку. Но безуспешно. Кружнев, смущенно улыбаясь, отстранил водителя и быстрым рывком ключа, легко провернул ее.

18:49

Николай ЛЕОНОВ

EP

Рисунки Виталия Федорова

— Товарищ майор, у гражданина руки просто железные. Такой худой, немолодой, мне стало стыдно,— закончил доклад водитель.— Он мне понравился, молчаливый, скромный. Неужели он...

— Спасибо, Гурам,— перебил Отари.— Ступай, работай...

Оставшись один, майор набрал номер гостиничного телефона Гурова. Номер молчал. А известить подполковника о новостях было необходимо.

Гуров не предполагал, что физрук санатория, красавец и атлет Толик Зинич,— существо мыслящее. Сейчас, сидя с ним в кафе, Гуров понял свою ошибку. Толик смотрел остро, явно искал какое-то решение. Молчали.

«Ну, узнал ты, колесо у машины отвернули, катастрофа подстроили. Что тебя беспокоит, корежит? Почему не расскажешь? Ведь такое интересное, потрясающее событие в скучной, монотонной жизни курортного межсезонья. Давай, красавец, не медли!»,— подталкивал Толика мысленно Гуров.

— Да, жизнь, черт бы ее побрал.— Толик допил кофе, взял пустые коньячные рюмки.— Повторим?

— Я пас, ты же, Толик, знаешь, у меня...— И Гуров ткнул себя пальцем в живот.

— Ну, а я, извините!— Толик отошел к стойке, вернулся не с рюмкой, со стаканом.

— Зачем? Вроде за тобой не водилось.

— Сегодня надо, нервы, мозги набекрень. Неприятности у меня, Лев Иванович.

— До сегодняшнего дня ты меня Левой звал,— усмехнулся Гуров.

— Так извините!— Толик отхлебнул, взглянул затравленно.— Посоветоваться хочу, а когда в человеке заинтересован, надо к нему обращаться с поклоном и уважением.

— Еще раз здравствуйте.— В кафе вошел Артеменко.— Не говорю «день добрый», так как день сегодняшний добрым не назовешь.

Толик, увидев Артеменко, втянул голову в плечи, проглотил остатки коньяка и встал.

— Ну, желаю, дела у меня.

— Минуточку!— остановил Толика Артеменко.— В милиции были?

— Когда паспорт получал.

— Повторяю вопрос для дураков. Вы сегодня в милиции были?

— Я без приглашения только в кабак хожу.

— Советую зайти к начальнику розыска и рассказать, чем вы вчера занимались около девяти вечера,— холодно произнес Артеменко.

— Ничего не понял!— Толик отсалютовал и вышел.

— Имеющий уши да услышит. К вечеру его найдут.— Артеменко взял пустую рюмку Гурова.— Ну, что? По пятнадцать капель?

— Владимир Никитович, для вас, лично, могут сварить чашку кофе?— спросил Гуров, отметив, что сегодня все перешли на «вы».

— Коньяк не будете, понимаю, вам надо иметь свежую голову,— сказал Артеменко, усмехнулся.—

Кофе вам, лично, сейчас приготовят.

Он подошел к стойке, что-то сказал, буфетчица кивнула, налила рюмку коньяку и исчезла в подсобке.

— Сейчас сварят.— Артеменко поставил рюмку, поддернул штаны своих кремовых, безузоризненно оттузженных брюк, сел, качнув покрытый пластиком стол, неуверенно стоявший на хлипких алюминиевых ножках.— Интурист, первый класс! Бедная Россия!— Он тяжело вздохнул.— Получить нормальный кофе можно лишь по плату, на стуле чувствуешь себя, словно эквилибрист на проволоке.

— Вы поссорились с Майей, в милиции узнали не приятную новость, взвинченны... И беспокоят вас не вопросы глобальные, а бытие дня сегодняшнего,— сказал Гуров.

— Устал я, Лев Иванович. На людях я ни минуты не бываю самим собой, играю,— усмехнулся Артеменко.

— Кто заставляет?

— Жизнь.

— Пожалуйста.— Буфетчица поставила на стол две чашки кофе.

Аромат и коричневая пенка неопровергимо доказывали — в чашках именно кофе.

— Так что случилось с нашим обаятельным Толиком?— спросил Гуров.

— Надеюсь, кофе вам понравится.— Артеменко поднялся из-за стола.— Пойду к нашей красавице замаливать грехи.

Одну чашку кофе Гуров выпил, вторую взял с собой в номер.

На письменном столе лежал конверт. Вскрыв его, Гуров прочитал записку Отари. Вот тебе и хиленский Кружнев с постоянно заискивающими и виноватыми глазами. «А ведь я однажды обратил внимание на его ловкость и силу. Когда?» И Гуров вспомнил, как стоял на набережной, у парапета, смотрел на прибой. На пляж вела крутая, длинная лестница. По ней поднимался человек. Гуров еще отметил, что с такой легкостью ступеньки может перепрыгивать лишь спортсмен, и удивился, узнав Кружнева. «Молодец,— подумал тогда Гуров,— мне так не подняться!»,— но значения увиденному не придал.

Кружнев. Растиранный, узкоплечий, пришибленный, тихий пьяница. Оказалось, он сильный и ловкий. Зачем бухгалтер пытается выглядеть не тем, кто он есть? А возможно, он и не бухгалтер, и не пьяница, и даже не Леонид Тимофеевич Кружнев?

Гуров набрал номер городделя, соединился сдежурным.

— Здравствуйте. Передайте Отари Георгиевичу,— необходимо срочно допросить Анатолия Зинича.

— Понял. Кто такой Зинич?

— Майор знает. Выяснить, чем Зинич занимался вчера, около девяти вечера.— Гуров положил трубку.

Толик Зинич пил молоко на кухне своей двухкомнат-

ной квартиры. Мать с отцом на работе, и Толик был, слава богу, один, никто не приставал с расспросами.

— Надо быть трезвым, абсолютно! — вслух сказал он, выпил еще молока.

В это время зазвонил телефон. Толик схватил трубку.

— Да!

— Добрый день!

— Так дело не пойдет! — выпалил Толик.— Я в дермо вляпаться не желаю!

— Не бренчи нервами, истеричка. Выходи из дома и шагай в сторону рынка, я тебя встречу.

Толик положил трубку и выскочил на улицу. Вскоре он сидел на мокрой лавочке в серой от дождя совершенно пустынной аллее. Рядом с Толиком, опираясь на тяжелую палку и сильно сутуясь, сидел седой мужчина.

— Нет, Иван Иванович, так дело не пойдет,— шептал Толик, хотя вокруг не было ни души.— Что там в «заповеднике» произошло, еще вилами на водеписано, а тут — тюрьма.

— Чего пылишь? Молодой, здоровый, а нервы, как струны у старой балалайки.— Иван Иванович говорил спокойно, на блатной манер растягивая гласные.— Ну, чего такого стряслось, не ведаю, рассказывай.

Майя сидела в люксе Артеменко, смотрелась в маленькое круглое зеркальце, внимательно изучала свое лицо.

Артеменко медленно прохаживался по номеру, пригубливал из бокала, изредка поглядывал на девушку, помалкивал.

— Ну, что, дорогой? Свадебного путешествия не получилось, теперь эта идиотская история.

Артеменко подумал, что происшедшее «идиотской историей» назвать нельзя, в уголовном кодексе данные действия квалифицируются как попытка к убийству. Коньк не пьянел, не поднимал настроения, Артеменко с тоской посмотрел на красивую, вконец поработившую его женщину, не понимая, обожает он ее или ненавидит.

— Ты меня очень не любишь,— угадав его мысли, сказала Майя.— Зачем усложняешь, расстанемся интеллигентно.

«Села бы утром за руль и теперь тихая, холодная, лежала бы в морге, а не мучила меня»,— подумал отрешенно Артеменко и заплом допил коньяк.

— Ничего не понимаю,— сказал он.— Кто-то хотел убить либо тебя, либо меня. Этот придурок менял вчера колеса. Ты стояла рядом, не обратила внимания, он затянул гайки крепления?

— Затянул,— уверенно ответила Майя.— Я, глядя на его ручищи, еще подумала: кто будет отворачивать — надорвется.

— Если не врешь, значит, ты их свинтил не могла,— сказал Артеменко, получая удовольствие от возможности вывести любовницу из равновесия.

Майя действительно оторопела, но тут же взяла себя в руки.

— Ты мужик хоть и не первой, даже и не второй молодости, но здоровый. Мне тебя укоюшивать ни к чему, жить не мешаешь. Любовь твоя надоела? Так за это не убивают.

— Как знать.

— А вот ты меня от чрезмерной любви можешь отправить к праотцам запросто. Не моя, так и ничья, машину подаришь, в ней и захоронил! — Она рассмеялась.— Даже в рифму складывается.

— Ну хватит глупостей! — Артеменко повысил голос.— Если милиция не ошибается, то, повторяю, пытались убить либо тебя, либо меня. Не удалось, попытаются снова. Тебя не за что, кроме меня, ты никому зла не причинила. Или я ошибаюсь — чего-то о тебе не знаю.

— Ты ночью куда из номера выходил? — неожиданно спросила Майя.

— Я? — Артеменко схватился за грудь, поняв театральность жеста, налил в бокал коньяку, выпил.— Дура. Сейчас не время болтать чепуху, тебе лишь бы уколоть, сделать больно. Ты понимаешь, вопрос идет о наших жизнях. Точнее, о моей, ты ни у кого на дороге не стоишь.

— Ты выходил, — упрямо повторила Майя.

— Да я в эту ночь впервые спал, как сурок, крепко-крепко! — ответил искренне Артеменко, увидел на смешливое лицо Майи и неожиданно подумал: «А с чего это я так крепко спал?»

Он заглянул в бокал с коньяком, словно пытался найти ответ. И Майя вчера перед сном вела себя непривычно, нежная была, даже страстная. Может, она со мной прощалась? Артеменко почувствовал в груди резкую боль, она захватила плечо, потекла по руке.

ТОЛИК ЗИНИЧ

Родился Толик крепким, здоровенным, рос ласковым, жизнерадостным ребенком, любил маму с папой. Они тоже любили Толика, особо не баловали, да

и возможности такой не имели. Мама работала в гостинице. Это сейчас она администратор, человек значительный, порой всесильный, а тогда — молоденькая уборщица на этаже: подмела, перестелила, подала чай, получила двутривенный. Отец, нынче заведующий гаражом, работал в те годы на рейсовом автобусе, получал зарплату, имел, конечно, и «левые», но не рвал, подвозил бесплатно, как он выражался, «за здрасьте и ульбку». Толик учился хорошо, много читал, помогал маме в домашних делах.

У Зиничей было поддома — две комнаты, веранда и кухня. Когда мама работала, Толик крутился в гостинице, с удовольствием разносил по номерам чай и вафли, отвечал на вопросы постояльцев, сколько они должны, неизменной фразой:

— Сколько дадите, но чем больше, тем лучше, — и, зажав деньги, бежал к матери.

Веселый, ловкий, услужливый мальчишка вызывал у людей симпатию. Они одаривали его всякими лакомствами, совали в ладошку серебро. В двенадцать-тринадцать лет у Толика уже водились деньги, тем более и тратить-то их было не на что. Конфеты, мороженое, соки и кино парнишка получал бесплатно, кругом все свои, все его отлично знали.

То была присказка, сказка Толика ждала впереди.

Неподалеку от гостиницы поднималась стена старых сосен, в нее врезалось асфальтированное шоссе, по которому, как казалось Толику, никто не ездил. Как-то парнишка стоял между сосен, смотрел на тихое, уходившее в сумеречную тень шоссе и думал, что там, в неизвестности, находится секретный объект.

Мимо прошелестели тугими шинами две длинные, черные, словно лакированные, машины. Таких машин в их городе не было. Мальчишка заинтересовался и, изображая разведчика, начал красться вдоль асфальтированной дороги, которая упиралась все дальше и дальше. Через полчаса он оказался около высокого зеленого забора. Ворота еще не закрыли, и он, никем не замеченный, проскользнул на запретную территорию, которую впоследствии окрестил «заповедником». Мальчишку больше всего интересовали машины. Подкравшись, он прочитал никелированную надпись «Чайка» и вспомнил, что видел такие по телевизору.

— Что толкаешься без дела? — спросил мужчина, открывая багажник. — Тащи в дом.

И Толик начал носить ящики с бутылками боржоми, картонные коробки, тяжелые кожаные сумки.

На огромной веранде накрывали длинный стол. Толик по привычке стал помогать, расставляя тарелки, приборы (он уже знал, что нож надо класть справа, а вилку слева), открывал бутылки. Из глубины дома доносились голоса, смех, вскоре зазвучала музыка. Толик управлялся ловко и быстро, два шофера охотно уступили ему эту честь и вернулись к своим машинам. Когда приехавшие спустились на веранду, Толик, босой, в одних шортах, дочерна загоревший, встретил их, не стесняясь, — в гостинице он привык разговаривать с гостями.

— Прошу к нашему шалашу! Чем богаты, тем и рады!

Первым вошел старый седой мужчина, сверкнув золотыми зубами, рассмеялся:

— Ты кто такой? Абориген?

— Точно! — Толик не знал этого слова, но привык с гостями во всем соглашаться.

— Тебя наняли, ты здесь работаешь?

— Нет, я на общественных началах.

На пороге стоял мужчина помоложе, смотрел внимательно и, как почувствовал Толик, враждебно.

— Давай, общественник, ноги в руки и на выход!

— Подожди, — остановил уже собравшегося смотреть Толика седой.

Он подошел к перилам и громко сказал:

— Степаныч, ты что же человека к работе привлек и устроил? Накорми парня и поработай с ним.

Толик насчет работы ничего не понял, а есть никогда не отказывался. Водители уже поставили на траве столик и встретили Толика как старого знакомого.

Вскоре, уплетая ужасно вкусные бутерброды, он взахлеб рассказывал о городе, курортниках, гостинице, родителях и своем интересном житье-бытье. Шофер Степаныч кивал и подбадривал, намазывая на хлеб икру. Он служил в ведомстве, где вопросы задавать умеют, поэтому Толик, не подозревая, что с ним «работают», рассказывал красочно, вставал, изображая смешных курортников...

— Ты здорово рассказываешь, — смеялся Степаныч, — наверно, и в школе тебя любят и с интересом слушают?

Толик хотел согласиться, но задумался и после паузы сказал:

— Нет, в школе я помалкиваю. Это моя работа, мне платят, а люди не любят тряпачей. Я сказал, второй передал, четвертый повторил, дойдет до гостей — меня звать перестанут.

Степаныч взглянул внимательно, налил ему сухого белого вина.

— За знакомство, Толик.

— Не употребляем, — по-взрослому ответил Толик, — и решил свою дальнейшую судьбу.

Работал Толик в «заповеднике» много лет, всякое повидал, но даже дома никогда ничего не рассказывал. Служба была непостоянная, то сутки в неделю, то неделю в месяц, никакого соглашения, деньги получал в конверте солидные.

Чаще других в «заповеднике» приезжал тот старый, седой с золотыми зубами. Иногда с семьей, чаще с приятелями. Собирались компании и без него, иногда с девочками. Толик быстро научился отличать жен от девочек, последние пили и шумели, первые приказывали и упрекали, да и возраст и внешность у них были совершенно различные.

Годам к семнадцати Толик уже составил для себя своеобразную табель о рангах. Хозяева и гости. Кто из хозяев поважнее, отличить было просто. Один говорит, другой слушает, один перебивает, другой при этом замолкает. Да и за стол садились по-особенному: кто-то уже расположился, а кто-то оглядывается, выжидает. Очень Толик любил за всем этим наблюдать, большое удовольствие он получал, когда ритуал по чье-либо вине нарушался, возникали паузы и замешательство.

Гости вели себя совсем иначе. Приехав, пытались свою машину загнать в укромное место. Старые и не очень, толстые и худые, они все, без исключения, обладали одинаковыми походками и голосами. Принесли к особняку, шаркая, непрестанно кивая, хотя у них еще никто ничего не спрашивал, говорили тихо, прищептывая.

Толик, в белом джинсовом костюме, пробковом шлеме африканского колонизатора (подарок золотозубого хозяина), с коричневым непроницаемым лицом (взгляд чуть выше головы прищельца) встречал вежливым поклоном, молча, зная, что такая манера хозяину нравится.

С годами к Толику настолько привыкли, что на него не обращали никакого внимания, вели деловые разговоры, кого-то снимали, кого-то назначали. Иногда, убирая посуду, Толик видел пухлые конверты, о содержимом которых догадывался. Подарки привозили в баулках и контейнерах, ящиках, банках, коробках, свертках. Командовал разгрузкой и погрузкой Степаныч, к Толику он благоволил, называл крестником, однако держал в строгости.

Здесь в «заповеднике», Толик прошел высшую школу, научился отвечать, угадывать, что спрашивающий желает услышать, молчать, ничего не видеть, все мгновенно забывать, лгать, улыбаясь, лгать с непроницаемым выражением лица, без разрешения Степаныча не прикасаться к голым девкам, даже когда зовут и грозят набедничать.

Здесь он встретил немолодую, некогда красивую женщину. От нее пахло дорогими духами и коньяком, она годилась ему в матери, даже в бабушки, и была женой лица очень важного.

— Ты, мальчик, можешь пойти далеко, — сказала она, — только худощав больно, займись своим телом. Толик приобрел гантели, штангу, в сарае организовал спортзал.

Через год «учительница» вновь пригласила его к себе, оглядела, довольно улыбаясь, ощупала напинаяющиеся мышцы, сказала:

— Каждому свое. Будешь слушаться, сделаю человека.

Толик слушался, жил красиво, Степаныч перестал разговаривать с ним покровительно, в его голосе зазвучали нотки уважительные. Несмотря на холуинский и паразитический образ жизни, Толик вырос парнем не злым, страстью к вещам и накопительству не страдал, охотно ссужал пятерки менее удачливым сверстникам. Его нельзя было назвать галантным кавалером, но девушек он никогда не обижал, прощал пыльные истерики профессионалкам, относился к ним с искренним сочувствием, зная, что жизнь их тяжела, Унизительна.

Толик начал задумываться над своей жизнью. Двадцать два года — немного, но уже и немало, надо как-то определяться. Газет он не читал, программу «Время» не смотрел, не знал, что надвигается гроза. Толик обратил внимание, что седой и золотозубый хозяин в «заповеднике» появляется стал реже, но не придал этому значения.

Наступил май, Толик убирал дорожки парка, думая о том, что проводит здесь последний сезон, а потом...

За воротами раздался низкий автомобильный гудок, Толик бросился открывать, «Чайка» подплыла к вилле, из машины вышел Степаныч.

— Все, парень. Праздники кончились, начинаются серьезные будни, — сказал он.

— Случилось что?

Степаныч тяжело вздохнул, оглядел Толика с ног до головы, словно впервые увидел, и, неизвестно почему, запел:

— Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... Помоги мне, Толик, кое-что забрать-упаковать, да сбери свои манатки, я тебя подброшу. Ты здесь никогда не был, никого не видел, ничего не знаешь. Что не воровал, Толик, одобряю, да иначе и выгнал бы давно. Деньжат хоть немного скопил?

— Не знаю, — искренне ответил Толик, — рублей триста, наверное...

Степаныч снова вздохнул, пошел в дом.

Толик вернулся к родителям. Вечером за ужином отец долго молчал, поглядывая на сына.

— Прикрыли твою кормушку. — Он закурил. — И правильно. Да-а, как у нас теперь будет?

— Да что случилось? — не выдержал Толик.

— Москва, конечно, далеко. Но первая волна докатилась, боюсь, дальше хуже будет.

Так Толик Зинич узнал о том, что в жизни страны начались серьезные перемены.

Толик тоже изменил свою жизнь, мама помогла. Он оформился физруком в санаторий. У человека с такой фигурой спрашивать документ о специальном образовании просто неприлично, его и не спросили.

...В новой ипостаси Толик акклиматизировался быстро — «заповедник» не только его развратил, но и научил многому. Он хорошо усвоил, что командуют в жизни мужчины, а правят женщины. Но определенной категорией женщин Толик управлять умел.

Через месяц работать в санатории ему уже больше нравилось, чем в «заповеднике». Там, конечно, богаче, жирнее, но за забором, здесь же беднее, зато простор, аудитория, признание.

Когда он появлялся на спортивной площадке или пляже, многие дамы украдкой вздыхали и отворачивались от своих супругов. Мужчины, завидев Толику, втягивали животы, переставали временно дышать, выпячивали грудь, напрягали атрофированные, дряблые мышцы. Он быстро усвоил, не следует лезть к женщинам, которые взгляду не зовут, необходимо аккуратно держаться со спортсменами — их рельефными мышцами не обманешь, станешь «надуваться», тут же вызовут на какие-нибудь соревнования, позора не оберешься.

Толик честно работал в своем санатории, но чтобы ему особенно не досаждали, он создал определенную систему. Когда происходил очередной заезд отдыхающих, он садился в радиорубку у микрофона и начинал уговаривать вновь прибывших не увлекаться едой и врачами, посвятить весь отпущенный срок физической культуре.

На следующий день, утром, Толик собирали отклинувшихся энтузиастов, демонстрировал свое тело, выводил группу на пробежку и, как он выражался, легкую разминку. На третий день не только в спортзал или на площадку, но и к завтраку выходили немногие. Толик специального образования, как известно, не имел, но, занимаясь сам, давно выяснил, какие с виду легкие упражнения впоследствии вызывают у нетренированного человека сильную мышечную крепатуру.

На данный заезд работа Толику заканчивалась, он натягивал волейбольную сетку, изредка подметал площадку и был свободен.

Закон Толику чтил и, по возможности, старался его не преступать. Однажды он столкнулся с майором Антадзе, когда позволил себе демонстрировать физическое преобразование перед двумя парами измученных тяжелой сессией студентов. Бахвалился перед напуганными девочками, Толик взял одного из кавалеров, поднял над головой и тряс, приговаривая, что вытряхнет из него все формулы. Зрители и возмущались, и восхищались одновременно, разделившись на два лагеря болельщиков.

Отари подошел, раздвинул зрителей и сказал:

— Поставь мальчика на место.

Толик опустил будущего ученого на землю, взглянул на низкорослую округлую фигуру Отари, усмехнулся:

— Иди, отец, кушай, иначе похудеешь.

Болельщики довольно хохотнули.

— Ты сильный парень. Уважаю, — сказал Отари, подхватил Толику за плечи, раскрутил, швырнулся в кусты и уже милицейским голосом сказал:

— Пойди сюда!

Толик вылез из кустов оглушенный, покачиваясь.

— Ты, Толик Зинич, — Отари ткнул его коротким пальцем в грудь, — запомни, в следующий раз я тебя зашвырну в камеру. Ты понял. — И в голосе его звучал не вопрос, а утверждение. — Громко скажи, чтобы люди слышали: я все понял, Отари Георгиевич, больше не буду.

Толик слово данное держал, никогда ни при каких обстоятельствах силу молодецкую больше не демонстрировал. С женщинами — дело другое, так то было не хулиганство, а услуги, можно сказать, работа. А за работу полагается платить. Попадались недогадливые либо стеснительные, у таких он деньги «занимал», зная, что такого рода деятельность Уголовным кодексом не предусмотрена.

За два года Толик забыл особняк, огороженный высоким забором, узнал, что золотозубого седого хозяина выгнали из партии, и в бывшем «заповеднике» теперь какая-то школа по усовершенствованию. Ностальгия не мучила, жил днем сегодняшним.

Зимой дни были скучнее и беднее. Отдыхающие, в основном люди пожилые и серьезные, на Толику внимания почти не обращали. Женщины приезжали и в подходящем возрасте, лет сорока с небольшим, и развлечься были не прочь, одно плохо — деньги у зимнего контингента отсутствовали. Толик убедил-

ся: можно какие угодно порядки заводить, менять начальников, тасовать подчиненных, а человек с деньгами получит номер в гостинице или путевку в санаторий и поздней весной, и ранней осенью, а безденежный прибудет с декабря по март.

В феврале, когда Толик изнывал от тоски и бездненожья (откладывать на черный день он так и не научился, все заработанное в сезон он спускал с дружками), в кафе к нему за столик подсели незнакомый пожилой мужчина.

— Здравствуй, Толик,— сказал он, осторожно слизывая с ложки жидкую сметану,— как живешь?

Толик взглянул на незнакомца безразлично, даже не пытаясь его вспомнить. Какой прок от человека, прихлебывающего кислую разбавленную сметану в дрянном кафе?

— Спасибо.

Незнакомец согласно кивнул, будто получил подробный исчерпывающий ответ, сказал:

— Пройдем в ресторан, пообедаем.

Толик не шелохнулся, случай, когда у приглашающего в конце обеда не оказывается денег, не так уж редок. Со старого прилизанного хуяря, которому, возможно, опохмелиться не на что, взятки гладки, а с него, Толика Зинича, офицантка всегда получит.

— Выиграли, отец, по лотерее?

— Занял в кассе взаимопомощи.— Незнакомец достал из кармана несколько мятых сторублевок.— Меня зовут Иваном Ивановичем.

Через час Толик ел настоящий шашлык по-карски, обсыпывая нежные ребрышки, запивал марочным коньяком. Он поглядывал на пожилого гостя с любопытством, пытался его вспомнить, однако безуспешно, понял лишь, не курортник, а из прошлого «заповедника». Иван Иванович был невысок, сутул, в массивных очках, седые волосы почти прикрывали невысокий лоб. Ходил тяжело, опираясь на дорогую инкрустированную палку.

«Как же я его с такой приметной внешностью не запомнил?» — удивлялся Толик, не подозревая, что ни внешность, ни имя в данной ситуации не играют никакой роли.

Иван Иванович молчал, пил боржоми, а когда Толик принялся за кофе, сказал:

— Знаешь, Толик, какова первейшая заповедь там? — Он махнул рукой, и Толик заметил на его запястье бледную татуировку.— Не у капиталистов, упаси меня боже, а в зоне, где тоже люди живут. Она проста: никого не бойся, ни у кого не проси и никому не верь.

Одновременно с татуировкой Толик отметил и тягучую бледную манеру говорить. Он ответил:

— Не ведаю, та жизнь ко мне никаким краем.

— Степаныч, — помнишь его, — тоже так полагал, так он уже год под следствием, скоро суд. Если под вышку не подведут, у него «в особо крупных размерах» и иные дела, срок определят предельный. Там, родного, и захоронят: возраст, здоровье — пятнадцать лет не вытянет. Ты, Толик, молодой, крепкий, тебе куда как легче.

Толик, хотя и не знал за собой ничего, вдруг вспомнился:

— Жаль Степаныча, по мне, он вполне приличный мужик.

— Считалось приличный, но по старым правилам, а судить его станут по новым.

— Жаль, — повторил Толик.— Только мне это ни к чему.

— Думаешь? — Иван Иванович снял очки, потер переносицу.— А девочка, что три года тому назад из чердакового окна выбросилась? Уголовное дело в сейфе прокуратуры пылится, так папку достанут, пыль отряхнут.

— Я при чем? С девчонкой один из гостей занимался.— Толик облегченно вздохнул, выпил коньяку.

— А привез девочку кто? Опять же, Толик, и на второй этаж ты ее пьяную отнес и дверь комнаты снаружи запер. Содельник ты, Толик, годов так от пяти до десяти определят.

— Слушай, папаша, чего ты хочешь? С меня взять ничего, нету у меня ничего!

— Две руки, две ноги, мозги починим, человек получится. А человек в нашем многотрудном деле всегда сгодится.

Иван Иванович подозревал офицантку, заказал еще коньяку, пока не принесли, молчал, давая Толику до конца осознать ситуацию.

— Ну, со знакомством, Толик.— Он разлил по рюмкам, чокнулся и выпил.— Я тебе буду на время заместо Степаныча, только строже.

— У тебя особняк, «Чайка»?

— У меня, Толик, голова,— ответил очень серьезно новый хозяин.— Дом, машину, золотишко отобрать можно, голову — нельзя. Жизнь отнять можно, но я ее буду защищать.

Деловое спокойствие и равнодушие Ивана Ивановича добили Толика окончательно, будто говорит человек не о себе и не о жизни, а толкуют о соседе, который поутру на рыбалку собрался, сейчас счастье готовит.

— И что я? — обреченно спросил Толик.

— Пока малое,— Иван Иванович протянул конверт.— В марте в «Приморской» паре влюбленных поселился, к ним еще один подгребет, пригляды за ними, познакомься. Я тебе звонить буду.— Он встал и, тяжело опираясь на массивную палку, двинулся к выходу.

«Телефон даже не спросил», — отрешенно подумал Толик. Открыл конверт, вынул из него фотографии Майи, Артеменко, Кружнева и тысячу рублей.

ОЖИДАНИЕ

Около восьми вечера Гуров лежал в своем номере, мучился головной болью, жалел себя и по привычке философствовал. В оправдание своей бездеятельности он вспомнил слышанную давным-давно фразу: сынчик, который не умеет ждать, может спокойно переквалифицироваться в велосипедиста. Почему именно в велосипедиста, он не помнил, какие-то объяснения тогда приводились.

«Я начал работать в розыске сразу после университета, в неполных двадцать три, сейчас мне тридцать семь, прошло почти пятнадцать лет. Много это или мало? Я был худ, голубоглаз, восторженно-наивен, краснел в самые неподходящие моменты, любил задавать простенький вопрос: «А это хорошо или плохо?». Отец учил, мол, если отбросить словесную шелуху о многосложности нашей жизни, то всегда остается ядышко, имеющее либо положительный заряд, либо отрицательный. И я принял рассуждения отца за чистую монету. Мой папа — большой мудрец, он, конечно, предвидел, что с возрастом я от упрощенного подхода откажусь. А хорошо это или плохо?

Сегодня у меня уже начали серебриться виски, появился опыт, научился терпеть и ждать, но зачастую понятия не имею, что в конкретной ситуации хорошо, а что плохо. Сколько я раскрыл и не раскрыл убийств? Не раскрыл два, — одно за меня раскрыли коллеги, другое, как мы выражаемся, «висит». Из задержанных мною убийц никого не расстреляли, а личной ненависти ни к одному из них не испытывал. Я ни разу не стрелял в человека, не вступал врукопашную, пару раз мне, правда, перепадало, лечился. Романтическая у меня профессия: ложь, грязь, кровь, слезы, горе...

«А ведь мне однажды хотели руку поцеловать», — вспомнил Гуров и почувствовал, что краснеет.

То ли головная боль прошла, то ли Гуров забыл о ней, но жалеть он себя перестал, смотрел на струящуюся по оконному стеклу дождь, думал. Кто из моих новых знакомых наиболее подходит на роль убийцы?

Майя? Бронзовая, как она себя называет, до золотой не дотянула. Торгует собой?.. Судя по всему, девица сильная, не то что своего, чужого не упустит. Считает, мол, обижают, недодают? Возможно. Убийц-женщин я не встречал. В прошлом году был случай: жена вытолкнула мужа-алкоголика из окна. Но она к этому не готовилась, просто жила, ненавидела. И когда он, в очередной раз, куражась, усился на подоконник, она в слепом гневе толкнула его в грудь — и конечно.

Артеменко? У него биография длинная, сложная, с завихрениями. Внешне он абсолютно благополучен, а может, слишком благополучен? Умен, холоден, отлично собой владеет, способен к расчету, думаю, чужая жизнь для него ничто. Он очень любит себя, ценит покой и комфорт, поэтому должен беречь приобретенное. Не станет он рисковать, уж только если совсем у стенки окажется.

Толик? Сегодня в нем что-то приоткрылось новенькое. Циник, живет днем сегодняшним. Толик, возможно, и способен убить, только он колесо свинчивать не станет — кирпич с земли поднимет и встанет за углом. Но может годиться как исполнитель чужой воли, чужого замысла.

Стало быть, кто-то находится в тени и главного героя он, Гуров, не видит?

Кружнев? Самый непонятный, фальшивый, противоречивый и изломанный. Если убийца среди этой известной Гурову компании, то Кружнев теоретически наиболее вероятен. А в принципе чертовски мало информации.

Гуров поднялся, сделал несколько приседаний, сбегал в ванну, умылся. Никакого шампанского, коньяка, хмельного кайфа, как ныне выражаются. Отдых кончился, ты, Лев Иванович, на работе, изволь соответствовать.

Татьяна? Он швырнул махровое полотенце на кровать. На роль дамы в черном она совершенно не годится. Однако крутился рядом слишком навязчиво, познакомилась с Майей. Чего девица тут делает, какую преследует цель?

Отари старался на своего начальника не смотреть, стыдно было — не за себя, а за этого седого красавца, дед которого был одним из самых почитаемых старейшин и другом старейшего из рода Антадзе.

Кабинет полковника недавно переоборудовали: с пола убрали старинный ковер, заменили огромное

резное кресло с высоченной спинкой и массивными, как у трона, подлокотниками, из угла исчезла бронзовая ваза, в любое время года полная фруктов, и сервант, за стеклами которого отливали золотом этикетки бутылок самых выдержаных коньяков. Внешне кабинет преобразился, стал похож на служебное помещение, и хозяин сменил белоснежный костюм иностранного производства на скромный серый, а сейчас вообще был в форме, что, видимо, подчеркивало официальность разговора.

— Я не понимаю вас, товарищ майор.— Мягкий баритон начальника не обманывал Отари, да и «товарищ майор» хозяин жирно подчеркнул.— Произошел угон и несчастный случай, дело не имеет отношения к уголовному розыску. У вас мало работы? Люди приезжают сюда отдохнуть, мы виноваты, допустили такое безобразие, надо извиниться, а вы их таскаете на допросы. Не понимаю. Зачем вы разрешаете постороннему человеку, отыскающему, читать служебные документы?

Полковник произносил речь — выступать он любил, — в ответе не нуждался, и Отари молчал. Он недолюбливал начальника за велеречивость, за страсть к дорогим вещам, всяkim цацкам, и его раздражало, что полковник распространяет слухи, мол, дед его потомственный князь, хотя все в округе знали, что седой, опирающийся на корявую, отполированную годами палку старики всю жизнь обрабатывал землю и выращивал виноград. Но дело милицейское полковник знал отлично, лет тридцать назад сам задерживал карманников в толчее базаров и снимал мошенников с проходивших поездов, прошел всю служебную лестницу от и до, никто его не тянул и под локоток не поддерживал. Полковник прекрасно разбрался в рапорте майора Антадзе и тем не менее держал речь. Почему? Кто-нибудь позвонил, пытался «нажать»? Но тогда, как опытный оперативник, полковник должен понимать, что звонок раздался неспроста, значит, майор Антадзе прав и ему следует помогать, а не мешать.

— Я категорически требую этого курортника к материалам дела не допускать. Да и дела никакого уже нет, следствие закончено. Надеюсь, вам все ясно, и мы к данному вопросу возвращаться не будем.

Полковник брезгливо провел ладонями по краешек крышки стола — еще недавно здесь красовалось зеленое теплое сукно, поднялся, прошелся по кабинету. Пол раздражающе скрипел, словно напоминал, что привык укрываться ковром. Выпить бы сейчас рюмку ароматного коньяку, закусить персиком, выпить этого пастуха и уехать до утра.. Эх, есть куда уехать, вернее, было, все было. И коньяк в столе имеется, но пить можно лишь одному, заперев дверь, а потом жевать горькие кофейные зерна либо сосать противный леденец. Разве это жизнь? Нельзя ни коняка выпить, ни подчиненного прогнать, плохая жизнь настала, на пенсию пора. Сейчас он — начальник УВД, третий человек в районе. А станет пенсионером — и будет сидеть на веранде и слушать болтливых старииков.

Отари все понимал, о коняке в столе знал, и куда полковник сейчас с удовольствием уехал бы, догадывался. Майор не мог только понять: кто позвонил и почему позвонил? Кого они с Львом Ивановичем задели, какой камешек толкнули, что тот, сорвавшись, ударил по начальству?

Полковник сел не за свой стол, а напротив Отари, давая понять, что официальная часть закончена, и сейчас прозвучит несколько задушевных слов.

— Дорогой Отари, предстоит внеочередная аттестация. Скоро министерство пришлет комиссию, проведут комплексную проверку. Тебе не надо объяснять, в большом хозяйстве, особенно в твоем, не может все блестеть. Что комиссия ищет, то и найдет. Пыль ищет — пыль найдет, грязь ищет — грязь найдет.

— Грязи в моем отделе нет, товарищ полковник, — не выдержал Отари.

— Ты мальчик? Тебе что, погоны жмут или партбилет мешает? Твой отец и дед, кажется, торгуют?

— Не надо меня пугать, товарищ полковник! — Отари встал, и начальник, чтобы не смотреть снизу вверх, тоже поднялся.— Я в рапорте все изложил, если не ошибаюсь и готовится убийство, то мы обязаны...

— Замолчи! — полковник хотел крикнуть, но голос сорвался, жалобно звяжи.

— Слушай, Гиви, мы с тобой не друзья, но мы люди, мужчины в конце концов. Было время, и ты прятался, и я отступал, заграждался, на больничный уходил. Может, хватит? — Отари снова сел.

— Как ни перестраивайся, на яблоне не вырастут груши. — Полковник вернулся за свой стол.— Дерево долго растет, корней много имеет, с соседними переплетается, если их рубить и из-под земли вытащить, дерево умрет.

— Мы с тобой на земле живем, — ответил Отари.— не могу больше прятаться, устал, пойму, что силы кончились, — уйду.

— Ты мальчик. — Полковник вздохнул.— Думаешь, мы с тобой уйдем, на наше место стерильные придут? 27

Глупости все,— он вяло махнул рукой.— У дерева не только корни, у него и ветви, я их вырастил, обвязан бечевы. Я исповедоваться не могу, да и желания не имею. Оставь угон, занимайся делом.

— Извини, Гиви, не могу,— ответил Отари.— После нашего разговора тем более не могу.

Полковник, скорее по инерции, безнадежным голосом продолжил:

— Сейчас в Верховном суде процесс идет, многое вытащили, но и осталось порядочно, скамейки там длинные, свободное место всегда найдется.

— Я в жизни ни рубля не взял! За моим столом только друзья сидят. Лишнее говоришь! — Отари ударили кулаком по приставному столику, и крышка треснула по всей длине.

— Видишь, все целое, пока не ударить как следует. Иди, живи, как знаешь.

— Хорошо,— Отари поднялся, хотел расколотившийся стол сложить, но он распался.

— Заменим, старый совсем,— сказал полковник.— Иди,— в голосе его звучала не угроза, усталость.

— Результаты буду докладывать немедленно,— Отари пошел к дверям.

— Стой! Три года назад с чердака загородного дома девушка выбросилась. Помнишь?

— Дело вела прокуратура, меня даже за ворота не пустили,— быстро ответил Отари.

— Тогда не пустили, сегодня спросят, почему там не было... Иди.

Отари не хотелось рассказывать Гурову о столкновении с начальством. Какой бы полковник ни был, а он его, Отари Антадзе, начальник, их внутренние дела москвича не касаются. Но и промолчать о разговоре Отари не мог, так как полковник сообщил оперативную информацию, которая Гурову была необходима.

В девять часов вечера Гуров сидел на террасе в доме Отари и смотрел, как тот ужинает. Чувствуя, что произошли какие-то неприятности и Отари трудно начать разговор, Гуров спросил:

— Когда время быстрее бежит — когда тебе скучно или весело? Не думал? Я думал и запутался. С одной стороны, если занят, — время бежит. Когда ничего не делаешь, оно еле ползет. Так?

— Ну? — Отари потер макушку, взглянул недоуменно.— Дело известное.

— Уверен? — Гуров хитро улыбнулся.— Мы сегодня с тобой встречаемся третий раз. Утром в гостинице, днем здесь, когда ты обедал, событий много, минут не чувствуешь, а день все не заканчивается, и помнить его будешь долго-долго...

— Верно,— согласился Отари.— Я на происшествие около пяти утра выехал, суток еще не прошло, а кажется, давным-давно это было. Фокус. Ты умный,— Отари взглянул Гурову в глаза.— И очень хитрый. Отвлекаешь, чувствуешь, что я что-то горькое проглотить не могу, хочешь помочь. Ладно, мы мужчины.

Отари, опуская подробности, рассказал о стычке с полковником, о некогда функционировавшем особняке и проходящем сейчас судебном процессе.

Молчали долго, наконец Гуров сказал:

— Это нам не по зубам. Сколько человек идет по делу?

— Восемь. Ими занималась прокуратура и «соседи».

— Безнадежно, нам не разобраться,— Гуров махнул рукой.— Нужны люди, техника и много времени.

— Валюта, золото, камни меня не интересуют, дорогой,— Отари упрямо наклонил голову.— В моем городе хотят убить человека, я, начальник уголовного розыска, совесть иметь должен. Мой начальник полагает, Отари Антадзе на волне перестройки и гласности смелим стал, а я, дорогой, трусом никогда не был. Ты мне не веришь? — большие агатовые глаза Отари смотрели сердито.

— Покушались скорее всего на Артеменко. Майя не может быть ни объектом, ни исполнителем, она отпадает совсем. Татьяна, думаю, тоже, женщин в такой истории использовать не будут.

— Какая Татьяна? — удивился Отари.— Загорелая, спортивная девушка, волосы темно-русые?

— Да. Крутится около меня. Хотел выяснить, кто такая, теперь ни к чему. А ты ее знаешь? — Он вспоминал свой последний разговор с Зиничем.

— Знаю,— Отари рассмеялся.

Гуров продолжал рассуждать:

— Толик может быть лишь исполнителем, оказывать давление на твоего начальника он совершенно не способен. Существует фигура в тени. Если это не плод моей разбушевавшейся фантазии, то Зиничем руководят. Именно Зинич сообщил своему шефу о направлении твоей работы. Возможно?

— Только возможно, не больше,— ответил Отари.

— Прикажи за них присмотреть, Зинич может вывести тебя на фигуранта. А я займусь Кружневым. Он мне в принципе не нравится, но я с ним поработаю. Его якобы видели в два часа ночи у машины?

— Медсестра санатория Вера Матюшева,— улыбнулся Отари.— Уже допрошена.

— Знаешь? — удивился Гуров.

— Я кто? — Отари поднял к лицу толстый палец.—

Отари Антадзе! Начальник! Я все знаю. Шучу, доро- гой, шучу, не все, далеко не все, кое-что немножко знаю. Валя видела мужчину, похожего на Кружнева, мочился за машиной.

— Из гостиницы не выходят по нужде на улицу.

— И я говорю.

— Ты считаешь, что показания медсестры защищают Кружнева, я предполагаю, что они могут Кружнева полностью изобличить.

— Извини, глупости говоришь, сам сказал, из гостиницы для этого дела на улицу не выходят.

— Не выходят. Следовательно, если докажем, что у машины был Кружнев, то и гайки свинтил Кружнев.

Отари молчал, он просчитывал варианты медленнее Гурова, опаздывал.

— Подожди, Матюшева не говорит определенно. Ты на меня не похож, но многих людей легко с тобой спутать. Кружнев — человек неприметный, среднего роста, худощавый, таких много.

— Попробуй доказать. В случае удачи ты выходишь напрямую, — быстро ответил Гуров.

— Как докажешь? Один свидетель, и тот сомневается, может, Кружнев, а может, и нет.

— Раздели задачу пополам, — Гуров говорил быстро, азартно.— Сначала убедись сам. Если ты лично, майор Антадзе, будешь уверен, что в два часа ночи у «Волги» находился Кружнев, тебе станет легко работать, и ты найдешь доказательства и следователю, и суду.

— Как? Как убедиться? — спросил Отари раздраженно.

— Это сделать нетрудно.

— Извини, подполковник, за грубость, ты мой гость, но сейчас ты говоришь неправду.

— Человек, который может оказывать давление на твоего начальника, медсестру и подавно запугает, купит, съест живьем, костей не выплюнет. Ты сказал, Татьяну знаешь, вызови утром, допроси поподробней, когда, где, при каких обстоятельствах конкретно, какими словами медсестра рассказывала о ночной сцене. Сравни показания Татьяны с официальным допросом медсестры.

— Товарищ подполковник!

— Подожди! — перебил Гуров.— Вновь вызови медсестру и передопроси. Если она от своего первого рассказа станет уходить все дальше и дальше, значит, она попала под пресс, на нее давят, и с Кружневым ясно. Возможно, медсестра сегодня вечером уехала к родственникам, тогда ты, майор, на коне. Никого за нее не посыпай, выезжай сам, получи подробные официальные показания.

Отари лишь кивал и без зависти и обиды думал, что против Гурова он, майор Антадзе, вроде как второрядник против мастера, может на равных лишь на ковер выйти да руку пожать.

— Утром я ждать не стану, поеду сейчас, — сказал Отари и пошел к телефону.— Главное — медсестра, остальное подождет.

«Волнуется», — понял Гуров, — и голову мне морочит, сбивает неожиданными вопросами, хочет от меня что-то скрыть».

— Отари! — Гуров вошел в комнату.— Ты чего так торопишься? Утром можно все сделать, сейчас уже одиннадцать.

— Ты сам сказал, девочка может уехать, — Отари прятал глаза, начал без надобности переобуваться.

— Уедет, даст тебе лишний козырь.

— Лев Иванович, ты меня не учи, — рассердился Отари.— Мне могут не сказать, куда она уехала. Девочка вздумает подняться в горы, там есть и ущелья.

— Даже так? — Гуров потер подбородок, вздохнул.— Извини, тебе виднее. Так мне тоже поберечься?

— Тебе дать пистолет?

— А у тебя есть лишний?

— Слушай, Лев Иванович, ты мне в душу не лезь, — Отари услышал стук мотора приближающейся машины.— Так дать?

— Спасибо, я оружия не люблю.

В ресторане оркестранты начали неторопливо собирать инструменты, что означало: без наличных они больше играть не станут. Кто-то из посетителей, видимо, завсегдатай, махнул рукой.

— По просьбе наших дорогих гостей... — слышав улыбаясь, прошептал саксофонист.

Компания занимала все тот же столик, Гуров молча поклонился, перекричать музыку не представлялось возможным. Артеменко наклонился и в самое ухо прокричал:

— Горячее? Иначе кухня закроется!

Гуров кивнул, отстранил руку Кружнева, пытавшегося налить ему коньяку, выпил минеральной и занялся салатом. Толик танцевал с Майей, Артеменко ходил, как всегда безразлично, смотрел в зал, Таня о чём-то переговаривалась с Кружневым, который казался пьяным.

«Я нормальный человек, не ханжа, не моралист, — рассуждал Гуров, наблюдая за окружающими, — не считаю ресторан притоном, отрыжкой чуждого нам

мира, но ведь скучно же, однообразно, здесь можно свихнуться от тоски».

Оркестр взял тайм-аут, наступившая было тишина заполнилась ровным шумом зала, прерываемым пьяными выкриками.

— Надо шевелить мозгами, — сказал Артеменко, — и как-то разнообразить наше времяпрепровождение, иначе мы покроемся волосами и отрастим хвости.

К столу вернулись Майя и Толик. Майя обняла Гурова и громко сказала:

— Где ты шлялся? Такие женщины пропадают, — от нее пахло коньяком.— Ты, Лева, законченный эгоист.

— Может, вам все надоело, скучно, а мне так прекрасно! — Кружнев поднял бокал: — У вас — будни, а у нас — праздник!

— Мы, Николай Второй... — усмехнулся Артеменко, увидел кого-то у входных дверей, хлопнул Кружнева по плечу.— На выход, тебя Дульсинея кличет.

— Да? — Кружнев допил бокал и поднялся.— Никитович, расплатись за меня. — Он пошел к дверям.

«Кажется, — глядя ему вслед, подумал Гуров, — он не так пьян, как изображает», — а вслух спросил:

— Куда он заторопился, кто его кличет?

— Лева, ты приехал из Могилева? — Майя не актерствовала, была пьяна.— У Ленечки жуткий роман с горничной второго этажа. Знают все, объявляли по радио. Стихи слагают. Лева, все утки парами... — она махнула рукой.— Только ты один.

Казалось, Таня не слушает, однако громко ответила:

— Мы с Толиком — друзья с детства, а влюблены я в Льва Ивановича. А он на меня — ноль внимания! — она обняла Толика за шею и шепнула: — Ты лишь пикнешь, я из тебя клоуна сделаю. Ты Отари Георгиевича не забыл?

— Татьяна, я в твои дела никогда, — Толик галантно поцеловал ей руку и добавил: — Желания женщины — закон!

— Где нахватался? — рассмеялась Майя.— Сенека.

Официантка принесла цыпленка. Гуров отложил бесполезный нож и взялся за цыпленка руками.

Артеменко с Майей поднялись на этаж, а Таня, Гуров и Толик вышли на улицу.

— Разрешите вас проводить? — спросил Гуров.

— Это после моего объяснения в любви? — Таня взяла Толика под руку.— Лев Иванович, я девушка строгих правил. За мной следует ухаживать с утра.

— Извини, старик. — Толик поклонился мощными плечами.

Открывая дверь своего номера, Гуров услышал телефонный звонок, вбежал и снял трубку.

— Гуров!

— Ты в служебном кабинете? — скрывая волнение, спросил Отари.— Второй час, я уже ехать к тебе собрался.

— Девушка не ушла в горы, не сорвалась в ущелье, но, к сожалению, не помнит, как выглядел мужчина, которого она видела ночью, — сказал Гуров, — так?

— Хуже, — ответил Отари.— Она абсолютно уверена, что ночью видела мужчину высокого и полного.

— Прекрасно. Раз Кружнев небольшого роста и худощавый, значит, она видела высокого и полного. Великолепно! А как она тебе объясняет свой первый разговор с Татьяной?

— Говорит, напутала Таня, сплетница...

— Давай вздремнем, утром начнем думать. Спокойной ночи.— Гуров положил трубку.

Он знал, что заснуть не удастся, и не принуждал себя. Любые логические построения не математическая формула, возможны ошибки, причем грубейшие. Когда собственной логикой подменяешь логику совершенно отличного от тебя человека. Особенно такое случается при попытке моделировать поведение женщин. «Я считаю, — думал Гуров, — что медсестра изменила свои показания под чьим-то давлением. А если неверно было ее первое заявление? Сказала и сказала, а сейчас испугалась. А если сболтнула Татьяна? Нет, Татьяна болтать не станет, она способна сказать неправду умышленно, преследуя определенные цели. Жаль, не удалось ее проводить. А почему она отказалась? Толика она не стесняется, значит, существует иная причина. Какая? Но···ставим. Вернемся к Кружневу. Кружнев, Кружнева... Что-то я в тебе не разберусь. Хватаю, удержать не удается...» Гуров заснул.

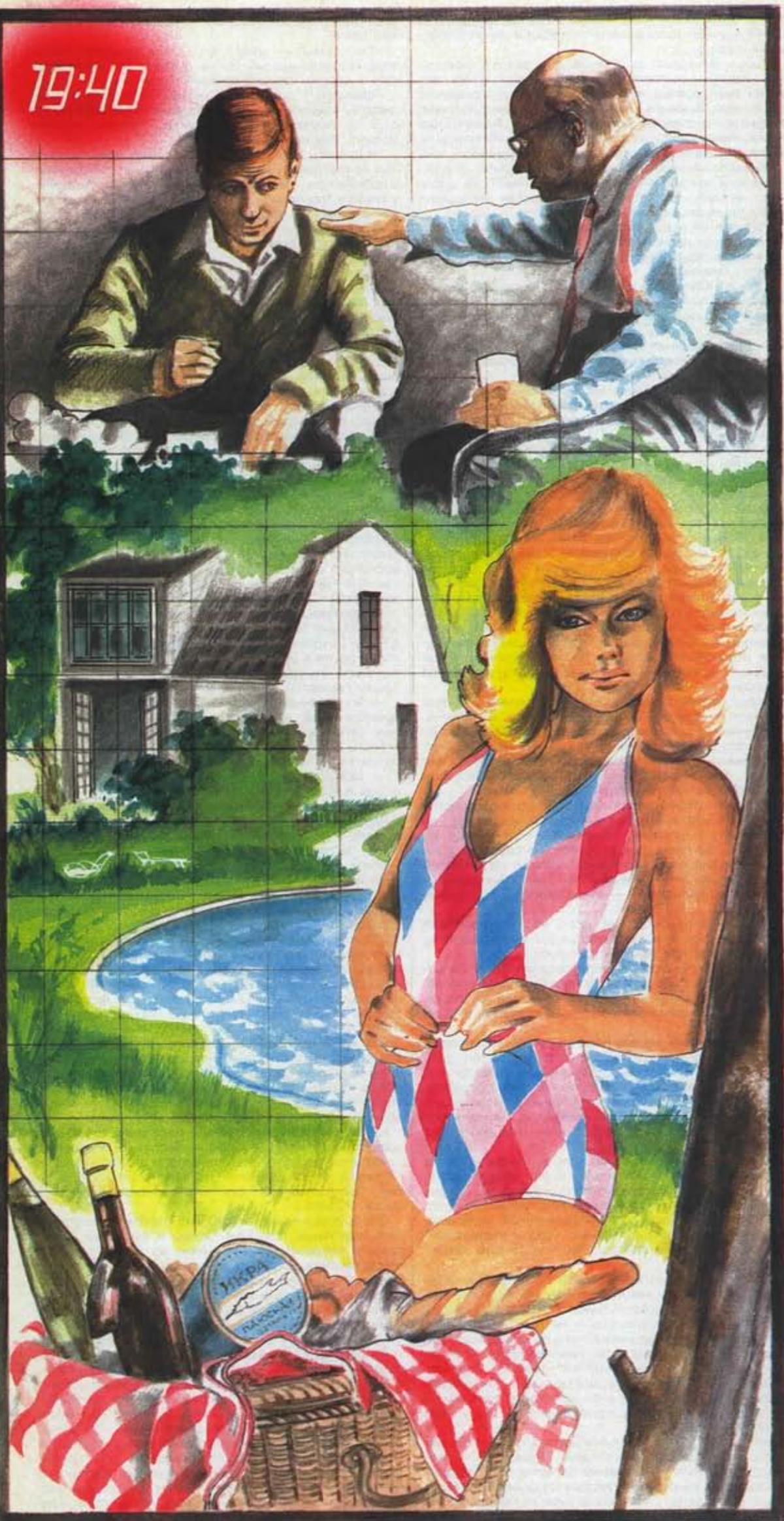
Утром в гостинице появились Отари и следователь, расположились в кабинете директора, пригласили Кружнева.

Директор был в отпуске, кабинет пустовал. Отари, решив проводить допросы в гостинице, стремился создать ситуацию, которая позволяла бы заинтересованным лицам быть все время в курсе происходящего. Это вызывает толки, обсуждения, и, возможно, Гуров сумеет получить дополнительную информацию.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич, — сказал Отари.— Садитесь, пожалуйста, мы вынуждены вас официально допросить.

Следователь знал о негативном отношении полков-

19:40

ника к пустяковому делу и выполнял свои обязанности формально, полагая, что майор Антадзе выслуживается перед москвичом.

— Кружнев Леонид Тимофеевич,— следователь быстро заполнил страницу со всеми анкетными данными Кружнева. Предупредил об ответственности за дачу ложных показаний, попросил подписать, задал вопрос:

— Расскажите, пожалуйста, где вы находились и чем занимались с двадцати трех часов восьмого марта до восьми часов девятого марта этого года?

Сегодня Кружнев не походил на съежившегося несчастного человека, смущенная улыбка с лица исчезла, он сидел, гордо подняв голову, скав тонкие сухие губы и, хотя вопросы задавал следователь, смотрел на Отари прямо и неприязненно.

— Я не буду отвечать на ваш вопрос.

— За отказ от дачи показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности,— сказал следователь.

— Это ваша работа, привлекайте.

— И привлечем,— неуверенно произнес следователь и покосился на Отари, давая понять, что пора вмешаться, иначе допрос, и без того бессмысленный, окончательно зайдет в тупик.

Прямая атака, предпринятая майором Антадзе, была вызвана следующими обстоятельствами. В семь утра к дежурному по отделению пришли две женщины и потребовали встречи с самым большим милицейским начальником.

Через полчаса Екатерина Иванова и Вера Матюшева, перебивая друг друга, признавались майору Антадзе в своих грехах. Иванова работала горничной в «Приморской», а ее подруга Матюшева медсестрой в ближайшем санатории. Именно у Матюшевой майор был накануне вечером.

Если убрать восклицания, междометия и сетования на судьбу, то история, которую они поведали Антадзе, оказалась довольно простой. У Кати Ивановой с Леонидом Кружневым роман, не курортная интрижка, а настоящая любовь и планы на совместную жизнь. Начальство в любовь не верит, за связь горничной с постояльцем может выгнать с работы, потому любовь тщательно скрывали. Ту проклятую ночь Кружнев провел у Ивановой, и она кляется здоровьем сына, что Леня как пришел после одиннадцати, так до утра и не выходил. Однокомнатная квартира Ивановой находится во флигеле гостиницы, пятилетний сын Колька сейчас у бабушки.

Вера Матюшева живет при санатории в одной комнате с двумя подругами. У Веры есть жених, свадьба через месяц, вечером восьмого девушки с парнем загуляли, на дворе непогода, укрыться негде, и они решили зайти к Ивановой согреться. Но Иванова их в дом не пустила, и они допивали бутылку сухого под «грибком» неподалеку. Именно тогда Матюшева и увидела мужчину, который подошел к «Волге» по нужде. Зная, кто ночует у подруги, Матюшева и решила, что это Кружнев. Со зла, что Екатерина не пустила в дом, а на улице мокро и холодцы, Вера трепанула про бухгалтера. Тут пошло-поехало. Матюшеву вызвали, потом товарищ майор сам приехал, она, Вера Матюшева, испугалась, что наклепала на невинного человека и счастье Екатерины нарушила, и бросилась к подруге.

Отари выслушал девушек, не перебивая, вспомнил логические построения Гурова, его опасения, что неизвестные черные силы могут убрать опасную свидетельницу, и злорадствовал. Ну, он лишь провинциальный второразрядник, а ты, столичный мастер, чего нагородил? «Попала под пресс, съедят, костей не выплюнут!» Отари совершенно не к месту рассмеялся. Девушки сразу замолчали, глядели испуганно.

— Спасибо, красавицы, за доверие,— сказал он.— Разговор останется между нами, трудитесь, любитесь, рожайте детей, в общем, живите. И меньше болтайте,— закончил Отари сурово, встал, давая понять, что разговор окончен.

— Вы Леню не трогайте, он хороший,— сказала на прощание Катя Иванова.

Сначала Отари хотел позвонить Гурову, затем решил самолюбие товарища поберечь, Кружнева официально допросить. Ведь кто-то гайки открутил, факт, так пусть преступник узнает, что его видели. Может, начнет дергаться, глупостей наделает.

Кружнев, выпятив острый подбородок, смотрел на Отари воинственно. «Сильный мужчина,— уважительно подумал Отари.— Не хочет женщину пачкать».

— Почему вы не хотите ответить на простой вопрос? — миролюбиво спросил Отари.

— Не вижу смысла.

— Раз спрашиваем, значит, смысл есть,— вспылил следователь.

— Подожди, Степан Прокофьевич,— сказал Отари.— Товарищ не понимает, надо объяснить. Вы знаете, Леонид Тимофеевич, в ту ночь угнали от гостиницы машину. Она сорвалась в ущелье и разбилась. Эксперты уверяют, что крепежные гайки правого переднего колеса «Волги» были свинчены. Вы не знаете, кто их открутил?

— Не знаю.— Кружнев удивился откровенности милиционера.

Следователь взглянул на майора, как на тяжело-больного, и решил о «заболевании» Антадзе доложить полковнику.

— И мы не знаем,— тяжело вздохнул Отари.— Вас видели той ночью у машины.

Откровенность майора преследовала две цели, дать пищу для разговоров, напугать преступника и выяснить, до каких пор станет молчать Кружнев.

— Глупости,— Кружнев сухо рассмеялся.— Я спал в своем номере и на улицу не выходил.

— Кто может подтвердить?— спросил следователь.

— Одежда и подушка.

— Подпишите протокол. Вы свободны,— сказал Отари.— Попросите сюда ваших приятелей Степанову и Артеменко.

— Вы что делаете, товарищ майор?— спросил следователь, когда Кружнев вышел.— Теперь о ваших предположениях заговорит вся гостиница.

— Говорить станет не вся гостиница, а пять человек, которые и так суть дела знают либо догадываются.

Майор и Артеменко допросили. Эти двое дали одинаковые показания: восьмого после ужина в ресторане ночевали в номере Артеменко и утром поднялись вместе, когда их разбудил телефонный звонок. Формально алиби у них существовало.

Под предлогом допроса пригласили в кабинет и Гурова. Он просмотрел протоколы и сказал следователю:

— Плохо работаете, капитан. Если вы не принимаете версию всерьез, не соглашайтесь с начальством,— подайте рапорт, устранийтесь от ведения дела.

— Гражданин Гуров...

— Не будем препираться, капитан,— перебил Гуров.— Я высказал личную точку зрения, вам только кажется, что Москва далеко, а вы здесь большой начальник.— И голос его звучал так неприязненно, что следователь замолчал.— Если у вас есть свободное время, выясните, пожалуйста, у гражданина Зинича, когда он вечером восьмого заменил на «Волге» колесо, кто запер багажник на ключ. И место нахождения Зинича в ночь с восьмого на девятое.

Капитан покраснел, собрал документы, кивнул майору Антадзе и вышел.

— Почему раньше не сказал?— Отари тоже смущился.— Это и моя ошибка.

Гуров решил отвлечь приятеля и сказал:

— Все не мог понять, что меня так в Кружневе настороживает. Такой несчастненький, забитый, самоунижающийся, заискивающий. На самом деле — сильный, тренированный мужик и с женщинами, как выяснилось, ловок. Если бы Кружнев действительно хотел скрыть свои физические возможности, он никогда не помог бы твоему шоферу, не отворачивал затянутые до предела гайки. Кружнев не мистифицирует окружающих, он в разладе сам с собой, действует импульсивно. Я ехал, как паровоз, куда рельсы ведут, и уперся в тупик. Кружнев первым привлек внимание, я бросился на дешевую приманку.

Зазвонил телефон. Отари помедлил и снял трубку.

— Слушаю,— он долго молчал, поблагодарил, сказал, что едет, положил трубку.— На имя подполковника Гурова из Москвы передали материал, почему-то поставили гриф «Секретно. Лично».

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК

Сегодня Юрию Петровичу исполнилось шестьдесят четыре года. Известно, возраст человека определяет не количество прожитых лет, а его самочувствие и миоощущение. Здоровьем он отличался отменным, его наблюдал личный врач, должность и звания которого умещались на визитной карточке в три строки. Он небрежно брал пятьдесят рублей за визит, изрекая: «Медицина у нас бесплатная, но лечиться даром, это даром лечиться. Вам, батенька, я практически пока не нужен, но душевное спокойствие денежными знаками не измеришь».

Шестидесятилетие Юрий Петрович отмечал в загородной резиденции под Таллинном, в кругу людей светских, не деловых, гуляли красиво, пристойно. Юбияр был представлен гостям как лицо, причастное к отечественным успехам в космосе. Костюм, сшитый у лучшего модельера, сидел на Юрии Петровиче безукоризненно, благородная седина лишь подчеркивала молодость загорелого лица. Загар был естественный, не паршивый квадрат, солнце ласкало его ранней весной в горах, осенью на Черноморском побережье.

А сегодня Юрий Петрович находился хоть и у Черного моря, но не развлекался, а работал, пытаясь вырваться из капкана, готового захлопнуться в любую минуту. Чужие документы, похищенный костюм, парик, нарисованная татуировка на кисти руки, ненужные очки и палка, выработанная привычка сутулиться и шаркать растоптанными ботинками, изменили Юрия Петровича не только внешне, но и внутренне. Он хуже себя чувствовал, плохо спал, по утрам разминал ступни, которые начали отекать, появилась головная боль.

Он был вынужден прибегнуть к маскараду, встреча-

ясь с Толиком Зиничем, чтобы в случае задержания парня милиция разыскивала человека из другой социальной среды.

В этот пасмурный дождливый день, всего в нескольких кварталах от гостиницы «Приморская», Юрий Петрович пил горячий чай с медом и писал фамилии: Артеменко, Кружнев, Зинич. Поставил знак вопроса, задумался и дописал: девушки, москвич. Присутствие в гостинице подполковника из МУРа беспокоило Юрия Петровича, но отказаться от задуманного уже не было возможности. Если не хватает денег, их всегда можно взять взаймы, но времени никто не одолжит: ни дня, ни часа. Юрий Петрович находился в жесточайшем цейтноте.

Родился он в двадцать четвертом в Москве. Отец погиб в сорок первом, через год Юрий ушел на фронт, мать с тех пор не видел, даже не узнал обстоятельства ее смерти.

Служил Юрий по хозяйственной части, был исполнительным служакой, с начальством ладил. Его сверстники совершили подвиги, мерзли в окопах, умирали, становились героями, а он просто служил, разве что был одет в военную форму, писал каллиграфическим почерком хозяйственные ведомости, принимал, отпускал товар.

Начальство его ценило. Бытовала шутка, что Юрия Лебедева так быстро считает, пишет столь безукоризненно, что зам по тылу не обменяет его на целый хоззвод.

В Москву он вернулся летом сорок пятого, особых ценностей не привез, но и не с пустыми руками прибыл, все-таки сопровождал вагон с личным имуществом генерала.

Юрий Петрович свою деятельность никогда за воровство не считал. Прямым воровством никогда и не занимался, чужого, тем более государственного, имущества не брал, в закрома не тащил. Он обладал талантом посредника.

И если начинал Лебедев с обмена муки и картошки на чулки и отрез габардина, то через двадцать лет помогал получать взамен квартир, машин, дачных участков дипломы, звания и повышения по службе. Юрий Петрович и себя не обошел, приобрел диплом о высшем образовании; медали Великой Отечественной войны у него были настоящие, анкета выглядела безупречно.

Очень быстро он сообразил, что главная ценность в жизни не деньги, бриллианты и золото, а человек. Преданный, а главное, управляемый. И Юрий Петрович, словно талантливый селекционер, выращивал и, как фанатик-нумизмат, коллекционировал нужных ему людей. Он обладал незаурядными способностями психолога, тактика и стратега.

Вербовал людей, играя не только на их слабостях и страсти, но и на сильных чертах характера, на искренних и честных увлечениях. Он слышал, да и являлся на самом деле, человеком слова, и, если считал людей перспективными, помогал им бескорыстно. Правда, без принуждения и шантажа тоже не обходилось, ведь жизнь — штука сложная, противоречивая.

Он, конечно, работал. Не часто, но систематически менял вывески. Всегда числился у кого-то замом по хозяйственной или административной части.

Деньги, как таковые, не интересовали Юрия Петровича уже давно. Как магнат в капиталистическом обществе сражался не за лишний миллион, а за власть, за укрепление завоеванного и за расширение сферы влияния.

Юрий Петрович не женился, девушки появлялись, исчезали; в личной жизни был нетребователен: удобная, отнюдь не шикарная, двухкомнатная квартира, «Жигули», никаких дач, тем более вилл на побережье. Работал по пятнадцать — восемнадцать часов в сутки. Ради чего он поднимался ежедневно, не исключая субботу и воскресенье, около семи, ложился после полуночи?

Юрия Петровича скигала жажда власти. Ему не требовалось признания, удовлетворяла уверенность, что он «может». Может наградить и наказать, помочь и отвернуться. И это делало его счастливым. Преступления и безнаказанность определенной категории власть имущих породили в нем, «сером кардинале», уверенность, что он принадлежит к категории неприкасаемых.

И вдруг все кончилось. Сначала он отнесся к перестройке и гласности насмешливо. Ну, еще одна кампания, ну, пошумят, повоинствуют и успокоятся. Когда начались судебные процессы и на газетных полосах замелькали знакомые имена, он насторожился. Еще теплилась надежда: выпустят лишнюю кровь и тут же перетянут вену потуже, наложат повязку, залечат. Потом понял: надо уходить; кто не успел, тот пропал. Вскоре донеслась весть, что арестован человек — крупный функционер, который лично скапал у него антиквариат и валюту.

Два месяца Юрий Петрович конструировал, строил планы, но решения не находил. Перевалить через Урал и податься в нелегалы? Оформиться туристом и остаться в стране? Пустому туда ехать — безумие, а везти валюту и камни — риск не меньший, чем сидеть дома и ждать. В эти дни он проклял перестройщиков, обвиняя их во всех смертных грехах. В цивили-

зованном мире не начинают бомбить без объявления войны.

«Так нельзя,— думал он,— это безнравственно, надо предупредить». Он не лукавил, не лицемерил, был в своем гневе совершенно искренен.

Товарищи с холодными глазами и бесстрастными лицами, именно такими представлял он страшных гостей из милиции, не появлялись. Значит, южанин молчит, ему невыгодно говорить.

Незваный гость появился под вечер, один, и понятых не приглашал, и лицо у него было не бесстрастное, а обиженное. Верительных грамот Юрий Петрович у него не спрашивал, даже имени не узнал, ни к чему, по нескольким фразам понял безошибочно: гость в курсе дел.

Новости тот сообщил удручающие: у южанина конфисковали все имущество, семья осталась без средств к существованию, а работать никто не умеет, да никогда и не пробовали. Сам герой о длине срока уже не думал, боролся за жизнь. Юрий Петрович пока не назвал, но за свое молчание просит многое. Гость употребил именно это слово: «просит» — и посмотрел на хозяина так грустно, что стало ясно: он, в случае невыполнения просьбы, никакой ответственности не несет.

Во-первых, передать семье пятьсот тысяч, чтобы не померли с голода. Юрий Петрович отдал бы миллион, только бы не существовало во-вторых. Но оно существовало. Необходимо ликвидировать Володю Артеменко и некоего Толика Зинича, так как в случае их ареста южанину высшей меры не избежать. Основной эпизод обвинения — пока не доказали — шкатулка с иностранной валютой и бриллиантами. Она найдена в подвале, и арестованный боится, что ничего о ней не знает, не ведал и понятия не имел. На шкатулке обнаружены отпечатки пальцев. Один из сотрудников следствия сообщил, что шкатулку держали в руках несколько лиц. Если их выявят и они дадут показания, что шкатулка принадлежит арестованному, круг замкнется.

Артеменко действительно в свое время передавал злосчастную шкатулку по назначению, уж кто-то, а Юрий Петрович об этом знал. Каким образом ларчик попал потом в руки Зинича, Юрия Петровича не интересовало, эту фигуру высчитали другие. А вот ликвидацию пытаются взвалить на его плечи.

— Я подобными делами не занимаюсь,— выслушав повествование, ответил Юрий Петрович.— Деньги семье, конечно, дам, остальное не мое.

Гость согласно кивнул, приложил к глазам платок, затем вытер им руки.

— Мой друг вас любит, как брата, и не хочет видеть рядом в зале суда.

И вот сегодня он отмечает день рождения один, с рисованной татуировкой на руке, в парике и с палочкой — дешевый маскарад, но куда денешься.

Все он просчитал и организовал.

Убить Артеменко и Зинича трудно, но возможно. Так надо же было здесь появиться парню из МУРа! Дядя его принес к Черному морю в такую непогоду. Эти нищие борцы за идею не могут отдохнуть, как люди, в бархатный сезон, ищут трудностей.

Именинник допил сладкий чай, тяжело заворочался в кресле, вздохнул. Удалось организовать звонок начальнику местной милиции, он из старой гвардии, ему есть что вспомнить. Но милиционер мечтает сегодня только бы унести свою старую шкуру на пенсию, обещал лишь посильную помощь. Посмел бы он так ответить вчера!

Кто мог предположить, что мир перевернется? Кого они судят и как смеют? Безобразие. Этих огнеметчиков самих судить следует. Вчера жили по одним правилам, сегодня по другим. Неизвестно, до чего докатиться можно, до действительного равенства. Полный абсурд, люди не равны, и все об этом знают.

Юрий Петрович свою линию поведения определил правильно. Главное — убрать из гостиницы московского сыщика. Через час полетела телеграмма: «Москва, Петровка, 38. Управление кадров. Находясь в отпуске, Лев Иванович Гуров получил подарок десять тысяч. Иванов».

Очень довольный собой, Юрий Петрович решил загулять, как-никак праздник. Зашел в скромный ресторанчик, попросил коньяк. Меры по борьбе с пьянством усилили, но деньги не отменили, и, несмотря на ранний час, коньяк подали, правда, в стакане с прозрачной долькой лимона и ложечкой, да какое это имеет значение. Юрий Петрович маленькими глоточками прихлебывал «чай» и вспоминал одну мудрость: «Лучше прятаться в тени, чем греться у костра».

Он взглянул на часы и неторопливо отправился на встречу с Толиком Зиничем. Уныло моросил дождь, Юрий Петрович представил себе пустынную аллею, две одиночные фигуры на мокрой лавочке и пожевился. Что двум мужчинам делать под дождем? Они будут смотреться со стороны как заговорщики. Он решил изменить маршрут и перехватить Толика у санатория.

Невысокий, ссутулившийся, опираясь на толстую палку, под большим черным зонтом, он походил на гриб. Брея по мелким рабьим лужам, смотрел на красящие хлюпающие ботинки и, свернув за угол, налегал на какого-то человека.

— Отец, в такую погоду дома надо сидеть, чай

пить! — произнес голос с сильным грузинским акцентом.

Юрий Петрович головы не поднял, смотрел на ноги незнакомца. «Ботинки форменные, а брюки штатские», — безразлично подумал он и остановился. Надо взглянуть на парня, но оборачиваться не хотелось, и Юрий Петрович свернулся во двор, встал за досчатым забором у щели.

Парень был явно из местных, мусолил намокшую сигарету, болтался без дела, поглядывал в сторону санатория, где работал Зинич.

Ополик появился через несколько минут, прыгая через лужи, поднимая фонтаны брызг, побежал в сторону аллеи, где была назначена встреча. Парень в милиционных ботинках, подняв воротничок нейлоновой куртки, затрусили следом. Юрий Петрович не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, что за физкультурником наблюдают — факт пренеприятный, даже пугающий, с другой — сам Юрий Петрович на глаза милиции не попал, и это прекрасно.

ВНОВЬ ОТКРЫВШИЕСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

— Отари, тебе необходимо переходить в наступление, — сказал Гуров. — Тактика выжидания в лучшем случае не дает никаких результатов, в худшем, ты выедешь со следователем прокуратуры на осмотр трупа.

Гуров закрыл папку с материалами.

— Кружнев как центральная фигура отпал. Где сейчас Зинич?

Промокший, изрядно замерзший оперативник, казалось, стоял под дверью.

— Разрешите, товарищ майор? — он перешагнул порог.

— Заходи, Рамиз, — Отари сдернул с подчиненного липкую куртку. — Сейчас чай попрошу.

Худой, загорелый оперативник вытерся брошенным ему Отари полотенцем, вытянулся и доложил:

— Ночью объект из дома не выходил. В восемь утра он явился в санаторий. Как вы приказали, я туда не пошел. В одиннадцать часов восемь минут объект вышел из санатория, тридцать четыре минуты ходил по городу, ни с кем в контактах не вступал и вернулся в свой дом. Меня сменил лейтенант Топадзе.

«Я опять ошибся, — подумал Гуров, — Зинич тоже пустышка, и я его выдумал. Будь у него хозяин, встреча бы обязательно состоялась и именно сегодня утром».

Из дежурной части принесли чай, Отари поставил на стол тарелку с сухим виноградом и спросил:

— Тридцать четыре минуты гулял по городу? В такую погоду? Где гулял?

В приморской аллее, — оперативник прихлебывал горячий чай. — В один конец прошел, постоял, в другой конец прошел, снова постоял. Мне кажется, ждал или искал кого-то, но никто не пришел. Клянусь, ни одной души. Погода!

— А тебя засечь не могли? — спросил Отари.

— Товарищ майор! Обижаете! Тофика Кудашвили знает?

Гуров был убежден, если встреча должна была состояться, то оперативника засекли перед самым выходом Зинича. Физкультурник ничего не заметил, иначе не болтался бы под дождем. Кто увидел оперативника и когда?

Товарищи по работе, особенно подчиненные, знали о манере Гурова расспрашивать до бесконечности. Многих людей он довел своей занудливостью и повторами одних и тех же вопросов чуть не до истерики.

Через полчаса Отари решил, что его московский друг над бедным парнем просто издевается.

— Машина проехала в эту сторону? — Гуров провел пальцем по чертежу.

— Я уже говорил, товарищ...

— А ты повторяй, — Гуров обнял парня за худые плечи. — Повторение — мать учения. Значит, проехало такси, не останавливалось, огонек горел?

— Горел, — обреченно согласился Рамиз.

— Огонек горел, а на заднем сиденье мог находиться пассажир?

— Не было пассажира, — парень взглянул на Отари, но тот отвернулся.

— На улице дождь, стекла мокрые, в машине темно. Почему ты уверен, что в такси никого не было?

Оперативник вырвался из-под руки Гурова, вскочил:

— Зачем из меня душу вынимать? Из моей души преступника не сделать, да?

Гуров жестом остановил пытающегося вмешаться Отари, на оперативника взглянул строго.

— Здесь не театр. Сядь на место.

— Не сяду, — Рамиз опустил голову.

— Сядешь, — миролюбиво сказал Гуров. — Ты сказал, что такси проехало в десять тридцать. А объект, — повторяя выражение молодого оперативника, он улыбнулся, — вышел в одиннадцать поль восемь, у нас остается почти сорок минут. За такое время бог знает что могло произойти.

Гуров подмигнул Отари и, передразнивая его, махнул расслабленной рукой перед лицом.

— Ба! Сорок минут! Давай рассказывай, дорогой!

— Ничего не произошло. — Рамиз тоже махнул рукой, но все-таки сел рядом.

— Да нет, произошло, ты только внимания не обратил, — Гуров вновь обнял парня за плечи. — Я тебя немножко рассержу, ты все вспомнишь.

Гуров не раскрывал секрета своих занудных и бесконечных бесед. Он добивался не подробностей и воссоздания зачастую совершенно ненужной обстановки, стремился довести собеседника до такого нервного возбуждения, чтобы он мог вспомнить каждую секунду исследуемого времени.

Оперативник устал, и опытный сыщик это отлично видел. Худой парень еще больше осунулся, на виске у него пульсировал жилка, как бы подавая сигнал тревоги. Но Гуров неустанно двигался к своей цели, и Отари перестал на друга злиться, начал слушать с интересом.

Час назад лейтенант категорически утверждал, что с десяти до одиннадцати на улице не было ни души, а теперь выяснилось, что проехало три машины и велосипедист, прошел почтальон, пробежали две девушки из санатория и проковылял какой-то старик под огромным черным зонтом.

Гуров тоже устал и вытер лицо ладонью.

— Зонт был большой?

— Большой, — лейтенант вздохнул.

— И лица ты этого человека не видел?

— Не видел.

— А почему ты решил, что это старик?

— Сутулый, шаркает.

— Значит, ты его ноги видел, а лицо нет?

— Так точно.

— А он твои ноги, значит, тоже мог видеть, — Гуров отметил форменные ботинки оперуполномоченного, как только тот вошел.

— Мог и видеть.

— А куда старик пошел, вниз по переулку? — Гуров провел пальцем по чертежу.

— Нет, в этот дом зашел, — Рамиз ткнул пальцем в нарисованный им план.

— В дом или во двор?

— Сначала за забор, а потом во двор.

— Значит, ты видел, как человек вошел во двор, входил он в дом или нет, ты видеть не мог. Так?

Отари вскочил, пробежался по кабинету. Гуров тяжело вздохнул и тоже встал.

— Поехали, взглянем на место.

Щель в заборе нашли сразу, следы в раскисшей земле ничего дать не могли.

— Идите в дом, лейтенант, ищите своего старика с большим черным зонтом, — Гуров перешел на «ты» и смотреть в лицо оперативника перестал.

— Я его убью, — сказал Отари, — или он приведет мне этого старика...

— Никого он не приведет, — перебил Гуров. — У человека был складной, скорее всего японский, зонт. Курортники здесь не живут, местные с такими зонтами не ходят. Он постоял здесь. Увидел, как прошел Зинич, как двинулся следом твой парень, и пошел в другую сторону.

Конечно, никакого старика с зонтом в доме не оказалось. Гуров, чтобы как-то смягчить ситуацию, направился к Отари в гости. Майор всю дорогу молчал. Накрывал на стол, готовил еду, делал кофе, тоже молчал, поставил перед Гуровым тарелку с горячей картошкой и овощами, сел за стол.

Лицо у майора было как у ребенка, которого поставили в угол.

— Я говорил, — Гуров ел, обжигаясь, — предположений у нас много, фактов мало, сегодня очень серьезный факт прибавился. Человек ниоткуда взялся не может и исчезнуть в никуда не может. Утром этот человек был лишь плодом нашей фантазии.

— Твоей фантазии, — поправил Отари. — Я тебе не верил.

— Сейчас мы имеем реальную фигуру. Вяжется цепь: особняк, Зинич, неизвестный, звонок твоему начальству. Значит, мы ничего не придумываем, мы пока не можем что-либо доказать.

— Ты говорил, надо переходить в наступление. На кого наступать? — Розыскник идет по следу, — ответил Гуров. — Такая наша профессия. Сейчас необходимо определить, куда направляется преступник и встать на пути. Выжидая, мы можем наткнуться на труп.

Отари долго молчал.

— Я не знаю, за кем бегу, как могу пересечь дорогу?

— Необходимо найти человека с зонтом.

— Смеешься? Как русские говорят? Иголка в стоге сена?

— Для розыскников это плохой пример. Надо, и я найду иголку в стоге сена. Нужны люди, которые не боятся работать и уколоться, перебирая стог рукаами, иголка никуда не денется, она стальная и острыя.

ПРЕТЕНДЕНТ

Окончание. Начало на 8-й стр.

земля начнет разваливаться на куски, они так и не перестанут!..

— Слушай, так что с тобой все-таки стряслось?.. — наконец дошел до меня Катин голос. — Ты что, не слышишь? Алло!..

— У нас гости сейчас, — сказал я. — Завтра поговорим... Да и ничего не случилось, с чего ты взяла?

— Ладно, не трепись! Не хочешь говорить, как хочешь! Катись к своим несуществующим гостям...

Короткие гудки задолбили трубку. И она обиделась. Но ведь я этого не хотел! Что я мог ей объяснить? Если сам ничего не понимаю...

И опять Третьякова возникла у меня перед глазами. Опять мертвело, а потом сморщивалось до слез ее лица, разжимались и падали стиснутые в кулаки ладони. И опять что-то обрывалось у меня внутри, и я чувствовал: единственный, чего мне хочется, — это помочь ей, сделать все, что только можно, лишь бы ей никогда больше не было так плохо и страшно. А она все стояла перед ними, готовая все снести и ничем не ответить, неспособная даже уклониться от занесенного над ней кулака, и только сжималась, съеживалась все сильнее, но не для того, чтобы защитить себя от ударов, а просто чтобы не видеть их жутких лиц и... и меня...

Но ведь я же ничего ей не сделал! Это же не приплясал в возбуждении перед нею, осыпая руганью и угрозами! Не я! Почему же я чувствую себя виноватым в том, что это было? Почему я никак не могу вытряхнуть из памяти ее лицо, ее глаза, в ужасе остановившиеся на мне, а потом закатившиеся, как у человека, которого что есть сил двинули в живот? Почему я думаю только об этом? Ведь я уверен абсолютно, что никогда не подойду к ней, не заговорю с ней, ни за что на свете я не хотел бы увидеть ее среди своих друзей, потому что мы разные, из разных пластов жизни...

И вот вдруг что тогда обрушилось на мою голову: чего же я смогу добиться в жизни, если буду обмирать и проливать слезы над каждым, кого обидели или кому не повезло? Их же вон сколько вокруг!

А ведь я способен на это...

На днях еду в автобусе, напротив сидят бабка с внуком. Бабка уже трясущаяся, жалкая, а ребенок раскоряченный, еле голову может повернуть, глаз почти и нет, а когда все-таки разлепит веки, смотрит перед собой бессмыслицей. И я вдруг ясно, словно все это развернулось передо мной, представил себе, как тяжко ему предстоит жить, сколько оскорблений и унижений придется вынести... Жиртрест! Мясокомбинат! Толстый! Сосиска!.. Безжалостные пацаны во дворе, а потом в школе, девчонки, прыскающие за спиной... А он притерпится к издевательствам, научится считать себя человеком обделенным, и только по ночам или в одиночестве, в бредовых мечтах или во сне он будет видеть себя иным... Ребенок вдруг заворочался тяжело, мучительно в своих непроверачивающихся одеждах, с трудом шевеля разбухшими ногами. Старушка тут же засуетилась, полезла в сумку, извлекла оттуда квадратную конфету и стала запихивать ее парнишке в рот. Он не хотел, отплевываясь, мучительно мотал головой и недовольно пыхтел, но она все-таки впихнула, и он привычно, покорно зажевал. Старушка, глядя на него, счастливо, умиленно улыбнулась, дрожащей рукой погладила по голове...

Я чуть не взыг... На первой же остановке выскочил из автобуса, а потом минут сорок ждал следующего. Ведь и этой тоже ничего не объяснишь! Они же невменяемые.

Я и не заметил, как после разговора с Катей снова очутился в своей комнате. А куда же еще мне было деться? Не к родителям же было идти, они же наверняка уже вприглились, их теперь от работы не оторвешь. За окном громоздились горообразные скопища новых квартир. С трудом можно было заставить себя поверить, что эти бесконечные белые громады не хватает для людей, что попасть, устроиться в них — чуть ли не главная цель в жизни для огромного количества людей...

О чем это я?..

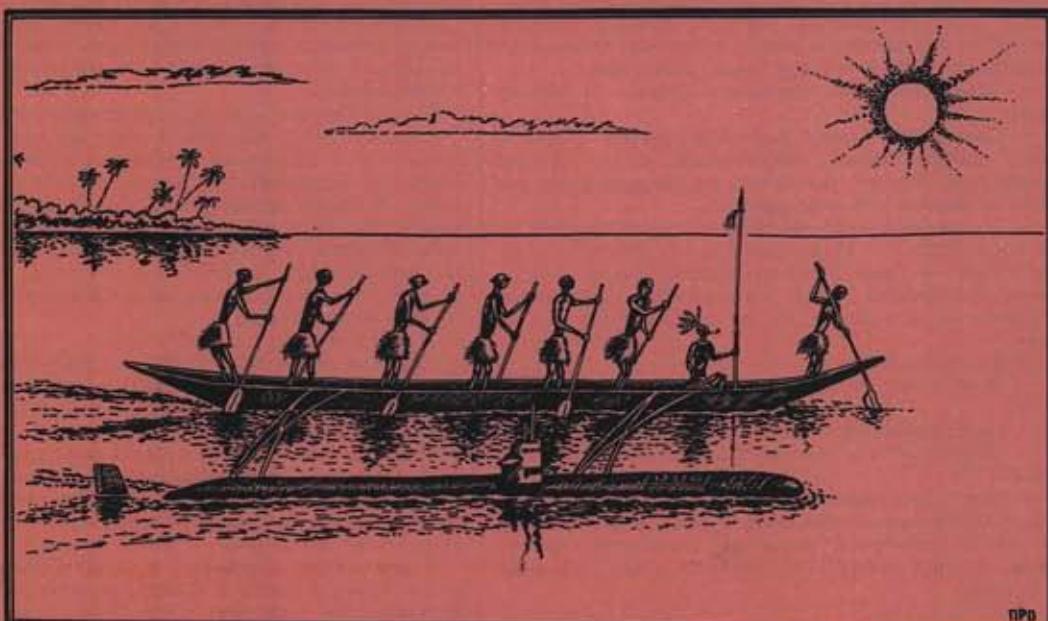
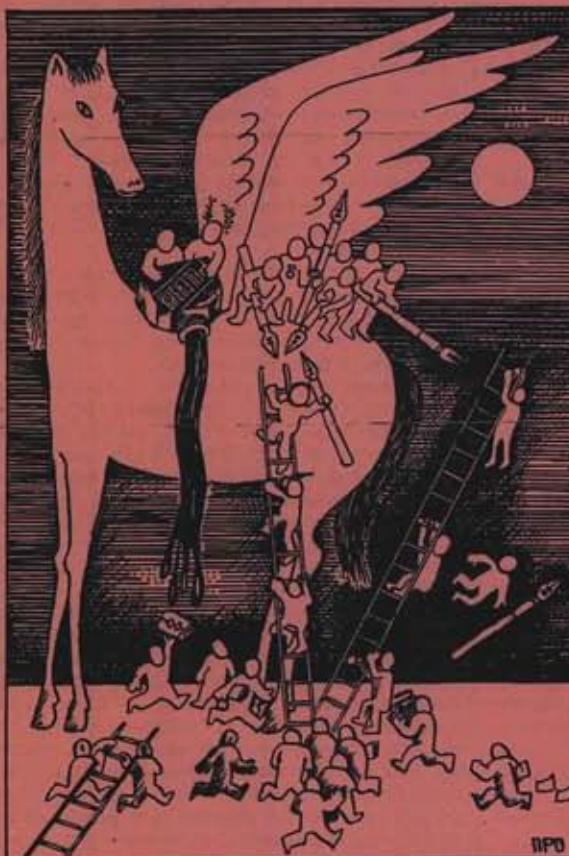
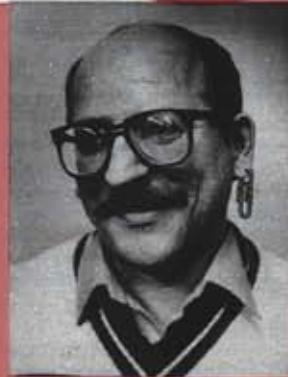
Неужели опять боюсь? Боюсь докончить мысль... А если мне для дела понадобится переступить через человека? А ведь понадобится, не может не понадобиться. Выходит, не смогу? Вот такую безобидную Третьякову или оплывшую увальня отодвинуть с дороги или погнать туда, куда им не хочется?.. Уж если эта глупость с Третьяковой так на меня действовала, хотя сам я ее и пальцем не тронул, что же будет, если придется самому?.. Своими руками?..

Я уже не мог находиться в своей комнате. Выскочил в коридор. Дверь в комнату родителей была распахнута. Они работали. Отец оторвался от бумаг, повернулся в мою сторону. Потом подняла голову мать, сдвинула на лоб очки. У стола, заваленного, как всегда, бумагами, стоял еще один стул. Свободный.

ВЕРНИСАЖ '88

АЛЕКСАНДР ПРОНИЧКИН

С бородатыми на вернисаже мы временно покончили, так навалились вот рисующие педагоги. У Александра ПРОНИЧКИНА биография, правда, несколько неразборчивая — он и географо-биологический факультет МГПИ имени В. И. Ленина окончил в 1972 году, и карикатуру первую свою тогда же в центральной печати опубликовал. Она ему самому понравилась, и вот уже 15 лет различные издательства эксплуатируют его фантазию. И надо же — не уменьшается...

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Итоги
международного
футбольного
турнира на призы
«Смены».

Как в Польше
борются
с наркоманией.

Милосердие
го-ленинградски.
Фоторепортаж.

Беседа
доктора
философских наук
М. Джунусова
о межнациональных
отношениях.

Трагедия зодчего.
О судьбе
великого
русского
архитектора
В. И. Баженова.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

Ф. Давиденко
1986 г.

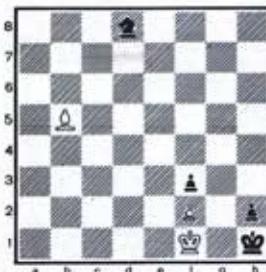
Мат в 4 хода

Фg1! с угрозой 2. Лg5+ Крh6 3. Лh5+! Кр:h5 4. Фgбх, 1...Крh6 2. Лg6+ Крh7 3. Лh6+! Кр:h6 4. Фgбх, 1...Крh4 2. Лg4+ Крh5 3. Лh4+! Кр:h4 4. Фg4х (1...Лg3 2. Л:g3).

Интересный пример взаимодействия ладьи и слона белых: в трех эхо-вариантах ладья приносит себя в жертву с целью расчистки пути для своего ферзя!

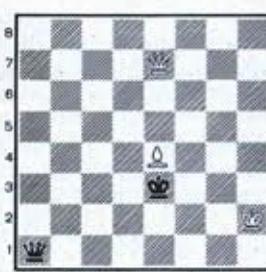
Восьмой тур

I

Белые: Крf1, Сb5, п.2 (3)
Черные: Крh1, Kd8, пп. f3, h2 (4)
Мат в 4 хода (3 балла)

II

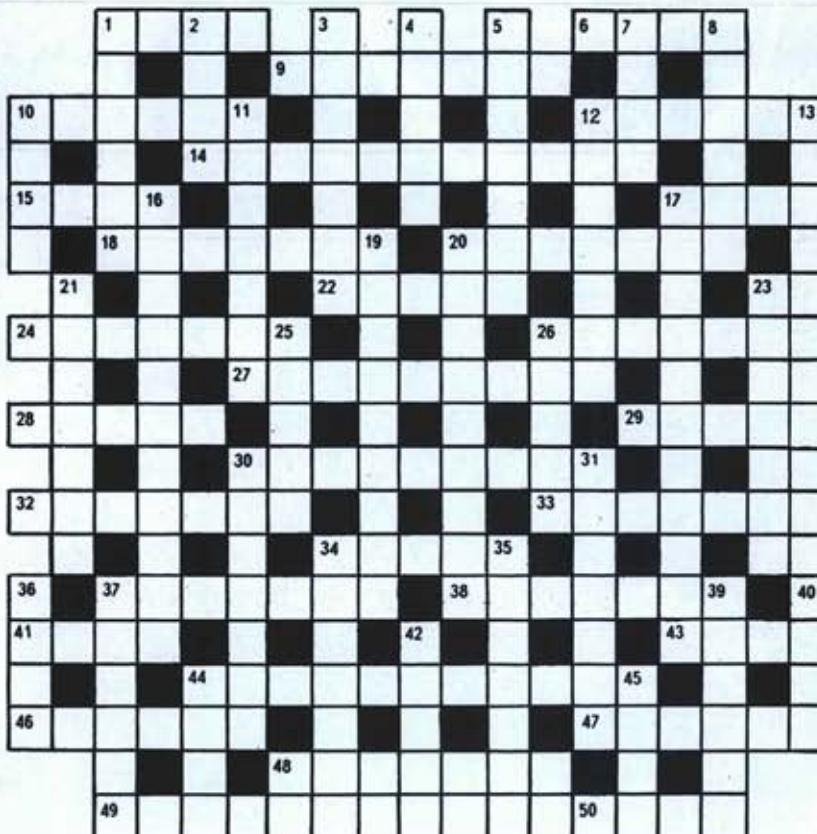
Белые: Крh2, Фe7, Сe4 (3)
Черные: Крe3, Фa1 (2)
Выигрыш (5 баллов)

ПОПРАВКА

В статье «Мужество и нетерпение» («Смена» № 6) на стр. 2 следует читать: «А с 1926 по 1928 год Шацкин является секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ».

КРОССВОРД

Составил П. Горбунов, Бугуруслан Оренбургской области

По горизонтали:

- Самая большая река на Пиренейском полуострове.
- Земляной миндаль, сырье съедобная (общее название).
- Телега + ... = воз.
- Привидение, призрак.
- Цирковой трюк.
- Прибор для испытания фотографических свойств бумаги, пленки.
- Важнейшая часть репертуара слепых бандуристов.
- Общее для арбуза, колодца, льда.
- Итальянский писатель, участник Сопротивления.
- Искусственный камень для полов в промышленных зданиях.
- Клоунский номер в цирке.
- Португальский поэт, о котором в России первым заговорил первый русский учёный-энциклопедист.
- Участок молекулы в нуклеиновой кислоте с кодом строения одного полипептида.
- Силикатный минерал в виде черных зерен.
- Создатель проекта первого вертолета.
- Хвойное дерево, которое часто изображал на картинах Поль Синявский.
- Человек, беззаветно любящий, почтенный и читающий книги.
- Гемма с врезанным изображением.
- Бессмыслица, глупость.
- Домашний магнит, особенно сильно притягивающий мужчин.
- ..., тенор, баритон, бас.
- Корабельная лечебница, упоминаемая в рассказе К. Станюкова «Максимка».
- Практически никогда не пьющее животное.
- Родственница капусты, которая до появления картофеля была одним из основных овощей русского огорода.
- Утка, летающая медленнее других.
- Игра, для которой лучше всего приспособлен английский газон.
- Ускоритель вулканизации каучука.
- Насекомое, часто похожее на вздутие на коре или приставший к коре или листу комок мусора.
- При Дмитрии Донском в детстве жили четыре Марии (каждая из них как его родственница).
- «Лирика — это не форма маленького стиха и темы, это этический ... стиха» (И. Уткин).

По вертикали:

- Охотничья птица Южной Бразилии и Парагвая, очень похожая на нашу курапатку.
- Бездна, в которой обитали Ночь и Туман (греческая мифология).
- Героиня пьесы Э. Ростана, к которой обращены слова Сирано де Бержерака: «Я только тень для вас, вы для меня — лишь свет!»
- Олицетворение медлительности в русском фольклоре.
- Опера Ж. Бизе по поэме «Намуна» А. Мюссе.
- «..., страстного увлечения скоро проходит, остаются цели и здравый рассудок» (Паратов в «Беспряданице» А. Островского).
- Звезда на выгибе ковша Большой Медведицы.
- Основоположник литературной басни в римской поэзии.
- Нидерландский живописец XV века.
- Оловянный колчедан.
- Самоцвет, который необходимо хранить во влажной вате.
- Металлургическое спекание.
- Район Лондона с усыпальницами знаменных людей Англии.
- Способность, тем более присущая человеку, чем он умнее.
- Ива, которой закрепляют пески.
- Кожа, лучший переплетный материал.
- Роман Жермены де Сталь, который, по словам Стен-даля, с восхищением читала вся Европа.
- Страна в Азии, родина тонкорунной овцы.
- Золотая монета, отчеканенная впервые в Венеции в 1284 году.
- Неглазурованный фарфор.
- Плоский вертикальный выступ на стене здания.
- Медный век.
- Нижняя часть каубюза.
- Если б не было его, не сказал бы ничего (загадка).
- Лекарственная форма.
- Химический элемент, часто сопутствующий селену и сере.
- Синоним слова «нахал» в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».
- «Воздушные шары, вместо того чтобы увенчать изобретение воздуходлоплавания, стали на дороге его тормозом, задержав на много лет изобретение самолета, который без них, может быть, в настоящее время уже был бы найден, если принять во внимание механические средства, которыми мы владеем (петербургская газета, где это было сказано в 1863 году, за 18 лет до изобретения первого русского самолета).»
- Спортивный снаряд.
- Карликовый буйвол, сохранившийся в лесах острова Сулавеси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

- Ящерица.
- Учитель.
- Истязание.
- Термометр.
- Ландыш.
- Кебеж.
- Микоян.
- Хутор.
- Сурок.
- Несс.
- Зонт.
- Фанфанрада.
- Аден.
- Анод.
- Правило.
- Збро.
- Уод.
- «Одиночество».
- Веер.
- уста...
- Сибиу.
- Шквал.
- Лесник.
- Янка.
- Жестер.
- Бразильцы.
- Трубецкой.
- Янтарка.
- Бахрейн.

По вертикали:

- Щитоноска.
- Роздых.
- Цинк.
- черт...
- Тропик.
- Лжеэроец.
- Римляне.
- Граната.
- Егер.
- Тус.
- Шуман.
- Конференция.
- Журналистика.
- Морда.
- Кривичи.
- Ферро.
- Андро.
- Эверсманн.
- Одрик.
- Увраж.
- Десятский.
- Хвальба.
- Байрейт.
- Синица.
- Унты.
- Шкот.
- Леффер.
- Выок.
- Пума.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМОснован в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1462)

апрель 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель

главного редактора)

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

(заместитель

главного редактора)

Владимир ДЕСЯТЕРИК

Александр КУЛЕШОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник

Владимир ЗАЙЦЕВ

Технический редактор

Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

- 212-15-07 — для справок. Отделы:
 212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
 212-21-38 — коммунистического воспитания,
 212-23-79 — фотоочерка,
 212-21-38 — военно-спортивный,
 251-32-84 — международной жизни,
 251-04-10 — литературы и искусства,
 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом

более одного авторского листа

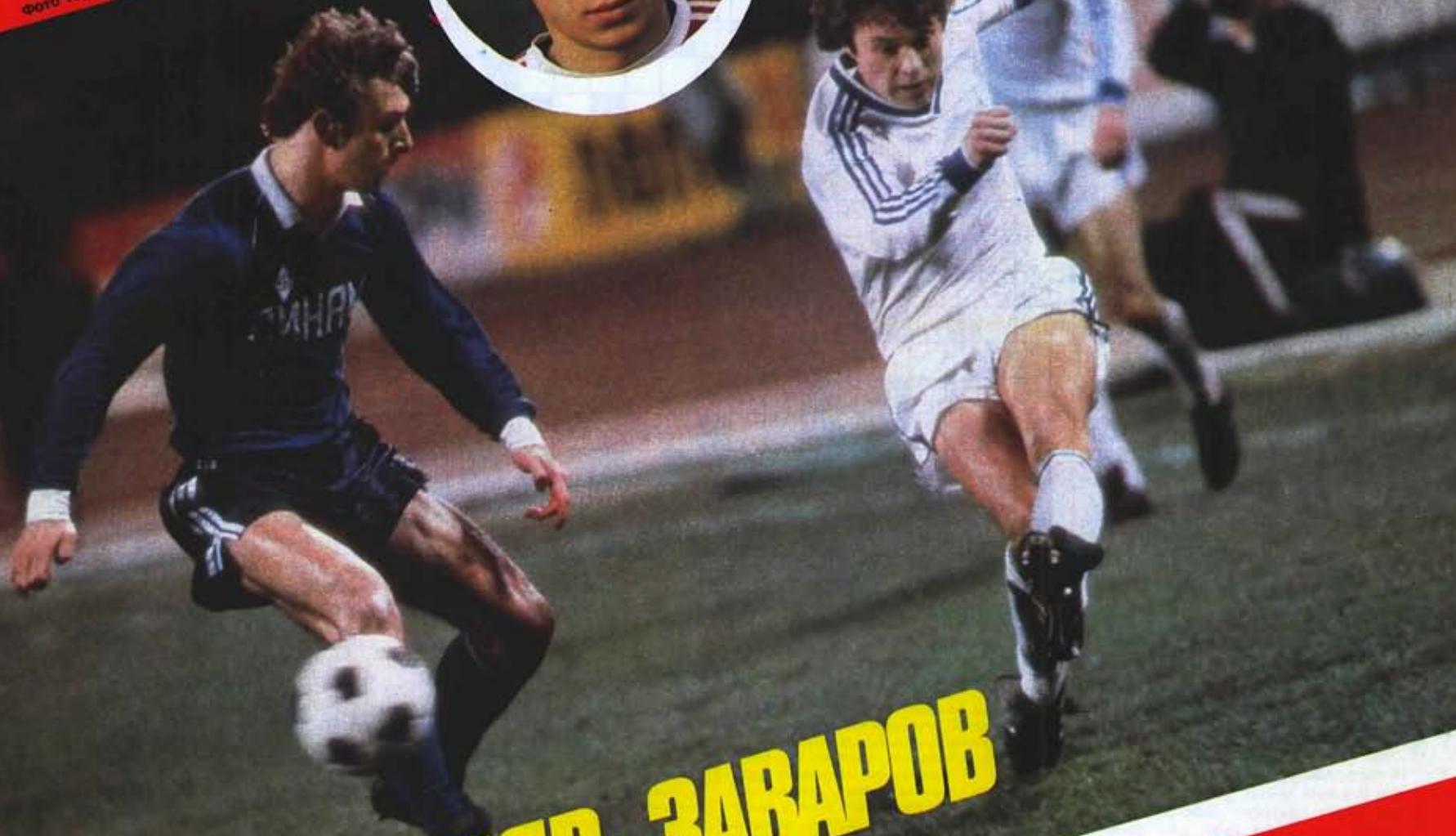
(24 машинописные страницы)

редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.03.88.
Подписано к печати 18.03.88.
А 10334. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 2130.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
тиография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

фото Юрия Соколова

АЛЕКСАНДР ЗАВАРОВ

«Когда удваиваешь от игр получают
и сорвигло», — это и есть
футбол! С. Заваров

— Мне говорили: «Какой Киев?! Ты что, опомнился! Да за те «художества», которые тебе в Ворошиловграде и Ростове прощались, ты из «Динамо» на второй день вылетишь. Оставайся, поиграешь и поживешь еще в свое удовольствие».

Чуткая футбольная молва опережает подчас самого игрока — так и 10 лет назад появление 17-летнего Заварова в составе ворошиловградской «Зари» было предвосхищено всезнающими болельщиками. Шлейф популярности тянулся за ним из юношеского футбола, где невысокий, светловолосый, щупленький парнишка обыгрывал порой целые команды. Есть такое выражение: «А остальное — дело техники». Техника у Заварова уже тогда была. Техника и фантастическое чутье на голевые позиции.

Строгой игровой дисциплине на поле он не подчинялся — вольный стрелок, и поди узнай,

откуда «выстрелить» собирается. Частенько «зангрывался», что в строго pragmatическом футболе, исповедуемом в высшей лиге, отнюдь не поощрялось. Заварову, сразу утвердившемуся любимцем публики, многое прощалось. И не только на зеленом прямоугольнике поля...

— В детстве думалось: в командах мастеров только одни аскеты играют. Футболом живут, и ничем иным. Оказалось же — все как в кривом зеркале. Это мальчишки игрой бредят. Некоторые мастера же... Конечно, сам виноват, что именно к этой группе прибился — можно после матча и «расслабиться», не грешно вроде и тренировку-другую пропустить. Что называется, не футболом едином — только в ином несколько смысле. Да и команд на свете много — доигрались в Ворошиловграде до первой лиги, не страшно — полсостава в Ростов переехали, и переход этот, не-

смотря на строжайшие, вроде бы запрещающие инструкции, разрешили. В донской команде режим спартанским не был...

Целеустремленность — свойство сильных натур. Таланта, чтобы безбедно провести свой игровой век в тихой периферийной гавани, у Александра хватило. Иногда ростовчане даже нешуточные шторма устраивали — выиграли, например, однажды Кубок страны. Но достало и характера, чтобы сказать себе: «Хватит, пора кончать с потребительским отношением к жизни». Тут и подоспело приглашение из киевского «Динамо»...

Диего Марадона, проведя вместе с Заваровым в Англии в прошлом сезоне всего несколько минут на поле в составе сборной мира, сказал, что мечтал бы всю жизнь играть с таким партнером — Заваров найдет себя, по его мнению, в любой команде. Марадона не знал, что в киевском «Динамо» в течение двух

лет Александр никак не мог приступить ко двору — как ни старался форвард, удачных матчей приходилось у него по 5—6 в сезон, не больше. «Доброжелатели» звали к прошлому, но «нет» Заварова оказалось твердым.

И только подчинив свою по-прежнему неисчерпаемую фантазию интересам команды, вновь заблистал этот футболист. Пришло признание — сначала в Киеве, где избалованный в последние годы победами зритель частенько называет сегодняшнее «Динамо» «командой Заварова», затем — в стране, а международным признанием можно, наверное, считать слова Марадоны.

Александр Заваров, кстати, тогда, в Лондоне, ответил Диего, что не прочь бы сыграть и против него — например, в финальной стадии первенства мира 1990 года. Но сначала надо нынешним летом успешно выступить в ФРГ, на чемпионате Европы...

Сергей ВЯЗЬМИТИН